

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК

МГПУ

СЕРИЯ

«ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»

№ 3 (43)

Издается с 2008 года

Выходит 4 раза в год

Москва

2021

SCIENTIFIC JOURNAL

MCU JOURNAL

OF HISTORICAL STUDIES

№ 3 (43)

**Published since 2008
Quarterly**

**Moscow
2021**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- Реморенко И. М.** ректор ГАОУ ВО МГПУ,
председатель доктор педагогических наук, доцент,
почетный работник общего образования Российской Федерации,
член-корреспондент РАО
- Рябов В. В.** президент ГАОУ ВО МГПУ,
заместитель председателя доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАО
- Геворкян Е. Н.** первый проректор ГАОУ ВО МГПУ,
заместитель председателя доктор экономических наук, профессор,
академик РАО
- Агранат Д. Л.** проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ,
заместитель председателя доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- Рябов В. В.** президент МГПУ, заведующий общеуниверситетской кафедрой
главный редактор всеобщей и российской истории МГПУ, доктор исторических наук,
профессор
- Малышева О. Г.** профессор кафедры отечественной истории МГПУ, доктор исто-
рических наук, профессор
заместитель
главного редактора
- Андреев И. Л.** заведующий кафедрой отечественной истории МГПУ, кандидат
исторических наук, доцент
- Жиряков И. Г.** профессор кафедры новой, новейшей истории и методологии МГОУ,
доктор исторических наук, профессор
- Исаков В. А.** профессор общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской
истории МГПУ, доктор исторических наук, профессор
- Кириллов В. В.** директор ИГН МГПУ, кандидат исторических наук, профессор
- Михайловский Ф. А.** заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков
имени В. Ф. Семёнова МПГУ, доктор исторических наук, профессор
- Орлов А. А.** профессор кафедры новой и новейшей истории МПГУ, доктор
исторических наук, доцент
- Ртищева Г. А.** доцент общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской
истории МГПУ, кандидат исторических наук, доцент
- Сорокин А. А.** заведующий кафедрой методики преподавания истории, общество-
знания и права МГПУ, кандидат исторических наук, доцент
- Токарева Е. А.** доцент кафедры отечественной истории МГПУ, кандидат истори-
ческих наук, доцент
- Уколова В. И.** заведующая кафедрой всемирной и отечественной истории МГИМО,
доктор исторических наук, профессор
- Хаванов Е. И.** профессор общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской
истории МГПУ, доктор исторических наук, профессор

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

СОДЕРЖАНИЕ

История России: с древнейших времен до 1917 года

- Огородникова О. А. Гастроли мастеров немецкой драматической сцены в Москве 1880–1890-х годов 6

Новейшая история России

- Воробьев С. В. «Мы ему дадим по морде»: Тагильский окружком ВКП (б) против корреспондента газеты «Уральский рабочий» Н. Харитоновна 21
- Байкалов Н. С. Формирование сети предприятий торговли и общественного питания в районах строительства БАМ (1974–1989) 40

Всеобщая история

- Гусарова С. В. Письмо Николая Мистика о судьбе мирных жителей острова Кипр в 911–912 годах: анализ дипломатических приемов 57
- Лукинова Е. А. Территориальные проблемы в греко-турецких отношениях в контексте Лозаннского договора 67
- Удербаяева С. К. Адаевское восстание 1870 года: историография проблемы 79

Методика преподавания истории

- Сорокин А. А., Половникова А. В., Маслова Н. Н. Изучение отечественной истории в современной школе: трансформация целей, поиск методических решений 96
- Токарева Е. А. Вопросы культурной и гражданской идентичности в современном историческом образовании 109

- Требования к оформлению статей 121

CONTENTS

History of Russia: from Ancient Times to 1917

- Ogorodnikova O. A. Tours of the Masters of the German
Drama Scene in Moscow in the 1880s – 1890s6

Modern History of Russia

- Vorobyev S. V. «We'll Punch him in the Muzzle»:
Tagil District Committee of the VKP (b) Against
Correspondent Newspaper *Ural Worker* N. Kharitonov21
- Baikalov N. S. Formation of Trade and Public Food
Enterprises in the Construction Areas of Baikal-Amur
Railway Mainline (1974–1989)40

General History

- Gusarova S. V. The Letter of Nicholas Mystikos
on the Fate of the Civilians of the Cyprus in 911–912:
Analysis of Diplomatic Methods.....57
- Lukinova E. A. Territorial Problems in Greek-Turkish
Relations in the Context of the Treaty of Lausanne67
- Uderbaeva S. K. The Adaev Uprising of 1870:
Historiography of the Problem.....79

Methodology of Teaching History

- Sorokin A. A., Polovnikova A. V., Maslova N. N.
Study of Russian History in a Modern School:
Transformation of Goals, Search for Methodological
Solutions.....96
- Tokareva E. A. Questions of Cultural and Civic Identity
in Modern Historical Education109
- Requirements for the Style of Articles.....121

История России: С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО 1917 ГОДА

УДК 94(47)«17/1917»
DOI: 10.25688/20-76-9105.2021.43.3.1

Огородникова Ольга Александровна

кандидат исторических наук, доцент
Московский городской педагогический университет
Россия, Москва
E-mail: OgorodnikovaOA@mgpu.ru; ORCID: 0000-0002-0604-670X

ГАСТРОЛИ МАСТЕРОВ НЕМЕЦКОЙ ДРАМАТИЧЕСКОЙ СЦЕНЫ В МОСКВЕ 1880–1890-х ГОДОВ

Статья посвящена одному из ярких явлений в истории русско-немецких культурных связей в области драматического театра — многолетним гастролям крупнейших сценических деятелей Германии Эрнста фон Поссарта и Людвига Барная в Москве, организованным в 1880–1890-х годах антрепренером и директором Немецкого театра Г. Парадизом.

Проанализированы особенности восприятия выступлений немецких артистов, познакомивших москвичей с собственной трактовкой образов классического, характерного и комического репертуара в произведениях мировой классики и пьесах современных европейских авторов. Выявлено значение гастролей для широкой зрительской аудитории, творческой интеллигенции и критиков, получивших возможность сравнивать художественный стиль и актерское мастерство разных по амплу и сценическому предназначению представителей немецкой театральной школы.

На примере известных режиссеров и артистов, являвшихся в пору своей молодости «временными учениками» немецких мастеров, рассмотрен педагогический аспект их деятельности. Показана роль блистательных гастролеров в актерско-художественном становлении представителей отечественного театра.

В итоговых выводах статьи подчеркнута значение гастрольной деятельности Э. Поссарта и Л. Барная, их вклад в развитие диалога культур России и Германии в конце XIX века.

Ключевые слова: диалог культур; немецкий драматический театр; Эрнст фон Поссарт; Людвиг Барнай; Георг Парадиз; гастроли; артист; антреприза; театральная критика.

UDC 94(47)«17/1917»

DOI: 10.25688/20-76-9105.2021.43.3.1

Olga A. Ogorodnikova

PhD in History, Associate Professor

Moscow City University

Russia, Moscow

E-mail: OgorodnikovaOA@mgpu.ru; ORCID: 0000-0002-0604-670X

TOURS OF THE MASTERS OF THE GERMAN DRAMA SCENE IN MOSCOW IN THE 1880s – 1890s

The article is devoted to one of the brightest phenomena in Russian-German cultural relations in the field of drama theater, namely to the long-term Moscow tour of the largest representatives of the German stage, Ernst von Possart and Ludwig Barnay, which served as an opportunity to introduce the audience to their own interpretation of the images of the classical, characteristic and comic repertoire in the works of world classics and plays by modern European authors.

The analysis is presented of the perception of these performances by the general public, art criticism and the theater community, who had the opportunity to compare the artistic style and acting skills of the masters of the German stage.

Keywords: dialogue of cultures; German drama theater; Ernst von Possart; Ludwig Barnay; Georg Paradise; tour; artist; enterprise; theatrical criticism.

Кто из русских театралов, слышавших великолепную декламацию Поссарта, не слушал ее, как музыку; кто из видевших Барнаю не поражался прекрасными его внешними данными, пластичностью жеста и артистической законченностью исполнения... [7, с. 86]

Введение

Театральная жизнь России конца XIX века переживала бурный и захватывающий период, яркой приметой которого была интенсивно развивавшаяся гастрольная деятельность иностранных театральных коллективов и отдельных артистов, включая снискавших мировую славу звезд первой величины. В череде европейских знаменитостей видное место занимали художники драматической сцены Германии Эрнст фон Поссарт (1841–1921) и Людвиг Барнай (1842–1924), без спектаклей с участием которых с 80-х годов XIX века не обходился практически ни один театральный сезон в российских столицах.

Гастрольная деятельность немецких артистов в Москве, во многом повлиявшая на формирование эстетических предпочтений широкой аудитории, способствовавшая взаимообогащению национальных театральных школ и развитию творческого потенциала своих лучших представителей, несмотря на научную актуальность, до настоящего времени остается за пределами исторических и искусствоведческих исследований, что определило выбор темы и цель

настоящей статьи — восстановить объективную картину диалога культур России и Германии в области драматического искусства, вернув в историю личности выдающихся мастеров сцены, внесших значительный вклад в его развитие.

Историография, близкая теме статьи, представлена массивом научной литературы на русском и немецком языках, посвященной основательно изученному вопросу — истории немецкого драматического театра и его национальным особенностям. Так, в числе наиболее известных работ отечественных историков искусства следует упомянуть коллективный труд по истории зарубежного театра под редакцией проф. Г. Н. Бояджиева, проф. А. Г. Образцовой и др., один из томов которого охватывает период рубежа XIX–XX веков [9]. К немногим фундаментальным исследованиям развития собственно немецкой сцены, предпринятых отечественными театроведами в тех же хронологических границах, относится монография Г. В. Макаровой [14].

Среди многочисленных публикаций немецких авторов, внесших существенный вклад в изучение драматического театра Германии, необходимо отметить содержащие значительный фактический материал работы по истории сцены в XIX веке [33]; монографию коллектива авторов о театрах Берлина, включая Придворный театр, актером и директором которого являлся Л. Барнай [32]. Большое количество изданий затрагивает историю отдельных сценических площадок столицы Германии, в частности Немецкого театра, неразрывно связанного с творческой и общественной деятельностью Э. Поссарта и Л. Барная, планировавших создать первый в стране национальный театр [34].

В качестве примера работ, посвященных жизни и творчеству Э. Поссарта и Л. Барная, можно привести лишь несколько коротких мемориальных статей, опубликованных советскими театральными изданиями 1920-х годов в связи с уходом из жизни когда-то широко известных иностранных артистов (см., например, [3]).

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что существующая историография лишь вскользь затрагивает тему гастрольной деятельности немецких мастеров сцены в России.

Источниковой базой исследования стал широкий круг разнообразных опубликованных материалов, образующих группы мемуарной литературы и периодической печати.

Один из наиболее информативных источников — мемуарная литература — представлен в статье воспоминаниями русских и немецких деятелей искусств, театральных критиков и историков сцены. К документам этой группы можно отнести, например, мемуары Э. Поссарта и Л. Барная, педантично и по-немецки точно описавших основные вехи своего творческого пути, проблемы выбора репертуара и историю работы над ролями [35; 31]; основателя и руководителя Московского художественного театра К. С. Станиславского [20], составившего подробную характеристику актерско-художественного облика

немецких коллег; артиста Малого театра Ю. М. Юрьева [30], взглянувшего на созданные гастролерами образы с профессиональной точки зрения и передавшего свои впечатления.

Периодическая печать — наиболее многочисленная группа источников, предоставившая конкретный и во многих отношениях достоверный материал о выступлениях в России иностранных артистов. Значительное внимание столичной и международной культурной жизни уделяли обозреватели специальных изданий — официального «Ежегодника императорских театров», независимого журнала искусства и сцены «Студия», журнала «Театрал», информационно-развлекательных газет «Новости сезона», «Театр и жизнь» и др., — ведущих театральную хронику, публиковавших биографические очерки и аналитические материалы, в том числе посвященные гастролям немецких исполнителей и их громким премьерам в России (см., например: [7; 12; 13; 18; 22; 25]).

В качестве общих были применены следующие методы исследования: *системный*, позволивший провести анализ событий и явлений культурной жизни России в конце XIX века, включая гастрольную деятельность иностранных исполнителей в Москве; *дидактический*, благодаря использованию которого были выявлены причины и основные тенденции интенсивно развивавшегося диалога культур России и Германии рассматриваемого периода. Среди специальных методов исторического исследования следует назвать сравнительно-исторический, применение которого предоставило возможность проследить характер отдельных явлений и событий театральной жизни Москвы на фоне других, аналогичных им.

Таким образом, использование в комплексе общенаучных и исторических методов способствовало получению наиболее объективных и достоверных результатов в освещении темы настоящей статьи.

Ход и результаты исследования

Москва 1880-х годов, где кроме двух казенных театров — Большого и Малого — действовал ряд частных, включая Русский драматический театр Ф. Корша, несколько площадок М. Лентовского, Немецкий клуб, где также устраивались спектакли и, кроме того, находились любительские сцены Секретарева, Немчинова, Шумова и т. д., «никогда не видывала еще такого множества классических пьес общеевропейского репертуара <...> благодаря открытию театра Парадиза и гастролям знаменитых германских артистов» [5, с. 157].

Георг Парадиз (1847–1901) — почти забытый ныне деятель культуры, преданно служивший сцене вообще, а русской в особенности, заслуживает, на наш взгляд, нескольких слов. Начавший свой путь на артистическом поприще еще в Германии, уроженец Данцига Парадиз в 1880 году был приглашен

в Петербург для участия в спектаклях Немецкого императорского театра, однако по прошествии двух лет покинул Михайловскую сцену и вместе с группой коллег-соотечественников переехал в Москву, где «скромно начал свою антрепренерскую карьеру», благодаря которой достиг степеней известных [21, с. 363]. Вчерашний артист основал собственный Немецкий театр, располагавшийся сначала в Солодовниковском пассаже, затем — в театре Мошнина, который в скором времени стал «чуть ли не лучшим театром <...> и один только он мог похвалиться <...> полными сборами» [26, с. 70].

Успех стал изменять антрепренеру, после того как в 1886 году он «стал обладателем целого театрального замка на Никитской» [21, с. 363] — Театра Парадиза, или Никитского театра, как называли его москвичи, — одной из первых разрешенных частных сцен после отмены монополии императорских театров в российских столицах (1882). Спектакли постоянной немецкой труппы проходили при полупустых залах и не окупали всех расходов, как и русской оперетты, ангажированной Парадизом несколько позднее в надежде покрыть материальные убытки и окончательно подорвавшей его благосостояние. В 1892 году театральный деятель был официально объявлен банкротом, а все его имущество продано с молотка [15, с. 50].

Парадиза, «бросающегося чуть не в кафешантанские предприятия, лишь бы заткнуть глотки кредиторам, — хорошо помнят все театралы», другого — «великолепного директора <...>, полного широких эстетических задач <...> помешанного на классиках и великих актерах для классиков, — все позабыли» [1, с. 121], а между тем его организаторские способности, столь необходимые импресарию, раскрылись во второй половине 1880-х – 1890-е годы наиболее ярко. В своем деле Парадиз стал одним из первых и наиболее удачливых — он «возил по России трагедию и летающий балет, выписывал мейнингенцев» [21, с. 363], был антрепренером Э. Росси, Кокленов — старшего и младшего, С. Бернар, А. Жоссе, Ж. Муне-Сюлли, Г. Режан и многих других «выдающихся артистов-художников» — оперных и драматических. Особое место в звездной галерее энергичного директора занимали соотечественники, среди которых наиболее значительными явлениями не только московской, но и российской культурной жизни были выступления Э. Поссарта (1841–1921) и Л. Барная (1842–1924).

Поссарт, по меткому определению К. С. Станиславского, «актер в самом лучшем и дурном смысле слова» и Барная — «красивый человек с поэтической душой» [20, с. 541] — два крупнейших и одновременно весьма непохожих друг на друга корифея европейской сцены, которых объединяли, пожалуй, лишь трепетное отношение к классической драматургии, режиссерская деятельность и занимаемые в разные годы посты директоров придворных театров Германии — в Мюнхене и Берлине, соответственно.

Несмотря на то что оба артиста были воспитаны немецкой классической театральной школой, «несколько условной» и «приподнятой», глубоко эмоциональное и «внутренне правдивое» исполнение Барная [2] заметно отличалось от присущего большинству ее учеников «пафоса и торжественности» [24].

Приверженец героического стиля, он, как и мейнингенцы¹, не отвергал «душевный» натурализм, позволявший изображать «простоту психологического рисунка жизненного переживания», тогда как Поссарт продолжал отстаивать традиции типичной немецкой игры «на ходулях» [3].

Речь Барная, обладавшего приятным мягким баритоном, естественная и натуральная, была лишена «певучести и завывания», свойственных декламации трагических исполнителей [30, с. 234]. «Богатейший» теноровый баритон Поссарта «огромного регистра, большой звучности и силы», развитый многолетним упражнением до почти невероятных диапазонов и гибкости, по свидетельству литератора и театрального критика А. В. Амфитеатрова, позволил артисту стать «первым декламатором и мелодекламатором не только Германии, но и всей Европы» [1, с. 66].

Барнай был артистом изысканной красоты — высоким, стройным, с «красиво посаженной на плечах головой», «классическим профилем <...> и черной, как вороное крыло, шевелюрой» [8], который «нес в себе» необходимое для актера обаяние, мгновенно располагая к себе зрителя, который «отдавался во власть его таланта» [30, с. 234]. Поссарт не имел этого важнейшего для мастера сцены капитала — «красивым его назвать было нельзя», — однако владел он своими далеко не идеальными данными в совершенстве, что предполагало «много труда, энергии и настойчивости» [30, с. 234].

Поссарт демонстрировал высочайший уровень артистической школы, даже в почтенном возрасте, как отмечала прима Александринского театра М. Г. Савина, его техника была совершенна [17], что подтверждало и наблюдение режиссера Ф. Комиссаржевского, полагавшего, что Поссарт был прежде всего блестящим виртуозом-техником, благодаря чему оставался «если не всегда увлекательным, но интересным на сцене до старости» [10, с. 3].

Тем не менее виртуозность и вышколенность мастера, игра «умом, а не сердцем» имели и оборотную сторону, не ускользнувшую от профессионалов, считавших, что тонко отделанная деталь была для него важнее «непосредственного порыва чувства» и с возрастом такой подход к творчеству проявлялся все заметнее [13].

По своему сценическому предназначению Барнай был трагиком, причем прирожденным [30, с. 235], заслужившим мировое признание неподражаемым исполнением классики мировой драматургии — произведений У. Шекспира и Ф. Шиллера.

Истинную силу дарования Поссарта, упорно стремившегося позиционировать себя на сцене трагическим героем, по мнению критиков и сценических деятелей, составляла серьезная комедия, роли, открывавшие артисту простор для творчества: не требовавшие большого темперамента, но позволявшие раскрыть всю палитру блестящей техники речи и показать искусство «своей

¹ С 10 февраля по 15 марта 1885 года Барнай гастролировал в Петербурге в составе Мейнингенской придворной труппы, с которой сотрудничал с 1874 года.

играющей полутонами мимики» [18, с. 71]. Однако он вынужден был считаться с прочно укоренившимся в европейском и отечественном театрах мнением, что звание мирового артиста может носить лишь трагик, принять которое категорически не могли многие теоретики и практики сцены, включая Станиславского. По убеждению режиссера, Поссарт был превосходным характерным артистом и, если бы мастер ограничил свой репертуар «лишь такими, соответствующими его таланту» ролями, он был бы «еще более велик в нашем искусстве» [20, с. 542].

Поссарт первым из прославленных немецких гастролеров посетил Москву². Он выступал в Белокаменной дважды — в 1884 и 1891 годах³ — и успел стать настоящим любимцем публики, «начиная с просвещенных генералов и кончая невежественными охотнорядцами» [26, с. 140]. Тягу к прекрасному местной аудитории, не всегда образованной, но жаждущей «упиваться знаменитостями», отметил в одной из журнальных заметок со свойственной ему иронией А. П. Чехов: «На Поссарта ходит вся Москва... Девять десятых из них знают по-немецки только “шпрехен зи деич” да “шнапс тринкен”. Шекспира отродясь не видали и не слышали... Не повидать Поссарта считается у нас мове-жанром» [26, с. 140].

Мастер сцены, переигравший практически весь героический репертуар, больше всего любивший Шекспира, некоторые пьесы которого даже обработал для театра, запомнился публике в образах Шейлока, Ричарда III, в байроновском «Манфреде» и гетевском «Мефистофеле», однако максимума эстетической полноты и точности сценического воплощения, по мнению абсолютного большинства отечественных критиков, достигал в ролях Натана Мудрого в одноименной пьесе Г. Э. Лессинга и Зихеля в «Друге Фрице» Эркмана-Шатриана, в исполнении которых «ни один из современников <...> не отваживался на соревнование с ним» [30, с. 232].

В массе положительных отзывов встречалось и неприятие лучших творений Поссарта, во всяком случае менее восторженное к ним отношение, особенно в сравнении интерпретациями, предложенными артистом в 1884 и 1891 годах. Так, по мнению театроведа и историка литературы, профессора московского университета А. Н. Веселовского, роли Натана и Зихеля, к которым исполнитель каждый раз возвращался, «точно к любимым картинам Эрмитажа или Лувра» «застыли навсегда в прежних образах; те же интонации, те же жесты», однако, по признанию критика, «так задумать и создать» их мог лишь артист, «обладающий не только техникой своего дела, но и тонким умом и развитием» [6, с. 125].

В то же время роль Мефистофеля образца 1891 года, усвоившего «ужимки фигляра и вульгарного забавника», напротив, не произвела на профессора ожидаемого впечатления, более того, была подвергнута нелицеприятной,

² Гастроли Поссарта в России состоялись в 1883 и 1913 годах — в Михайловском театре (Санкт-Петербург); в 1884 и 1891 годах — в Немецком театре Парадиза (Москва).

³ Выступления Поссарта в Москве проходили с 1 по 20 января 1884 года и с 10 по 30 марта 1891 года.

но отчасти обоснованной критике: «за комическими эффектами иногда пропадала сущность сатиры, острие насмешки притуплялось» [6, с. 125]. Прежнее, действительно глубокое, с его точки зрения, понимание сущности героя производило более цельное художественное впечатление и составляло контраст с последним «слишком популяризированным истолкованием гетевского беса» [6, с. 126].

Признавая многогранный талант артиста, многие знатоки театра отмечали «неистоимость истинности комического дарования у Поссарта» [6, с. 128], доказательством чему служил образ милого и доброго раввина в «Друге Фрице» — «восхитительного создания, перед которым нельзя не преклоняться», как и не менее талантливое изображение хитрого и умного адвоката Берендта в современном произведении норвежского драматурга Б. Бьернсона «Банкротство», которые Станиславский относил к вершинам творчества художника [20, с. 542]. Другие, в частности Амфитеатров, утверждали, что Поссарт — мастер «сильных и умных настроений», не изменявший себе «безразлично в трагедии ли, в драме ли, в комедии», именно поэтому и был прекрасен в любых своих сценических проявлениях [1, с. 123].

Отдельного внимания заслужили безграничные возможности сценического перевоплощения артиста в сложных и разноплановых ролях его репертуара. Неизгладимое впечатление удивительные трансформации мастера произвели на начинающую актрису Малого театра Н. А. Смирнову, впервые наблюдавшую игру Поссарта в нескольких спектаклях Театра Парадиза 1880-х годов: Шейлок превращался из высокого, худого человека со сверкающими глазами на библейском лице в маленького раввина с хриплым старческим голосом — ребе Зихеля, от добродушия которого не оставалось и следа, как и «ничего похожего на... горький гнев Шейлока», когда на сцене появлялся Мефистофель — насмешливый, язвительный, «ни во что человеческое не верящий злой дух» [19, с. 54]. Во время московских выступлений Поссарта 1891 года схожие эстетические чувства довелось испытать будущему артисту Малого театра, в то время — юному слушателю драматических курсов Ю. М. Юрьеву⁴.

Поссарт был примером для каждого сценического деятеля, который хотел совершенствоваться [30, с. 235], но в первую очередь для театральной молодежи. Особенно важным опытом, вынесенным артистами из его спектаклей, были, по мнению Юрьева, школа постановки голоса, искусство владения мимикой и жестами — необходимые технические средства и приемы в арсенале каждого настоящего художника.

Многие деятели театра, включая упомянутых выше, видевшие в Поссарте своего учителя, а в спектаклях с его участием — мастер-классы непревзойденного актерского мастерства, с течением времени становились блестящими профессионалами.

Педагогическая миссия Поссарта не исчерпывалась лишь показательными уроками для профессионалов, но включала и индивидуальные занятия

⁴ Ю. М. Юрьев был племянником профессора С. А. Юрьева, упомянутого ниже.

по собственной методике для начинающих артистов. Непродолжительное время среди его учеников был молодой Станиславский. Анализируя впоследствии роль «временного учителя» в собственном творческом становлении, автор теории сценического искусства приходил к выводу, что Поссарт был для него примером «трудоспособного, интеллигентного артиста», убедительно показавшего, каких результатов можно достигнуть с помощью техники [20, с. 544].

Итак, Поссарт был исполнителем высочайшего уровня, но, что еще важнее — обладателем незаурядного сценического мышления — «актером характера, актером-публицистом и философом», состязаться с которым «в искусстве растолковать публике, что осталось подразумеваемым между авторскими строками», могли совсем немногие мастера европейской сцены [1, с. 123].

Одним из них был Л. Барнай — «повсеместный и постоянный соперник Поссарта» [1, с. 125], в неменьшей степени заинтересованный в успехе у отечественной публики. Россия, где, по собственному признанию Барная, он как артист встретил «теплый, почти доходящий до энтузиазма прием, а как человек — целый ряд искренних друзей», на протяжении многих лет оставалась одним из ведущих направлений его гастрольных турне⁵, важным пунктом которых была Москва, принимавшая великого трагика в 1885, 1886 и 1896 годах [2, с. 35].

Свой курьезный московский дебют, свидетельствовавший о полном отсутствии художественной осведомленности у некоторой части местной аудитории, Барнай, обладавший наряду с обычной актерской эмоциональностью весьма развитым чувством юмора, описал в мемуарах. Приветствуя мастера на театральных подмостках Парадиза, публика восторженно кричала: «Поссарт! Поссарт!», что было расценено Барнаем как «преднамеренная оппозиция против его гастролей», но истинная причина недостаточно почтительного поведения москвичей вскоре стала понятна: после недавних выступлений своего кумира многие полагали, что его имя в русском переводе означает «Браво!» [31, с. 307].

Однако уже после нескольких спектаклей Барная значительная часть аудитории радикально поменяла свои художественные предпочтения и пальма первенства перешла к новому московскому гостю. Одним из первых в мире искусства «перешел от Поссарта к Барнаю» известный переводчик Шекспира, критик, драматург, редактор журнала «Артист» С. А. Юрьев, скончавшийся по иронии судьбы «по пути в театр, на “Фауста” с Поссартом» [11, с. 39]. Знаток сцены, чье мнение было авторитетным для образованной публики, он «увлек за собой множество последователей», особенно среди молодежи. В итоге, по свидетельству театрального рецензента С. Васильева (Флерова), ценители европейского театра разделились на два лагеря, причем «поссартисты не признавали Барная; барнаисты не признавали Поссарта» [5, с. 157].

⁵ Барнай гастролеровал в России (Санкт-Петербурге, Москве, Киеве и Одессе) в 1882, 1885, 1886 и 1896 годах. В Москве его выступления проходили в 1885 году — с 10 января по 3 февраля, в 1886-м — со 2 по 27 марта, и в 1896 году — с 21 ноября по 7 декабря.

Гастроли Барная 1880-х годов имели колоссальный успех у зрителей, театральной общественности и критиков. Практически единодушно его признавали выдающимся артистом своего времени, крупнейшим драматическим талантом, великолепным трагиком, обладателем «высшего типа мужской героической красоты» [16, с. 59].

Артист, представивший москвичам обширный классический и современный репертуар, выступил в ролях графа Вальдемара в пьесе Г. Фрейтага, Уриэля Акосты — К. Гуцкога, Кина — А. Дюма-отца, ряде шекспировских образов, созданных им в «Кориолане», «Короле Лире», «Много шума из ничего», «Макбете» и др., особый успех снискал блестящим исполнением Гамлета и Отелло, а также Валленштейна в драматической поэме Ф. Шиллера «Смерть Валленштейна».

Многие отечественные рецензенты приходили к выводу, что великие трагики XIX века, лучшие интерпретаторы Шекспира — итальянцы Э. Росси и Т. Сальвини, — у которых, между прочим, Барнай учился, Э. Поссарт — его знаменитый соотечественник, и французский актер Ж. Муне-Сюлли, не раз гастролировавшие в России, «по силе таланта и выражению энергии» не выдерживали сравнения с Барнаем, воплотившим на сцене «жизнь, окутанную в тонкую, прекрасную художественную оболочку» [24].

В роли Отелло, в частности, ни один из серьезных артистов, по мнению критиков, не производил «такого сильного, такого потрясающего впечатления <...> своей оригинальной, совершенно своеобразной концепцией» шекспировского героя [24]. Преданный поклонник артиста — С. А. Юрьев, — не пропустивший ни одного его московского спектакля, был настолько потрясен барнаевским Отелло, что «как юноша, взобрался на кресло и, размахивая длинным шарфом, не уставал выкрикивать “браво” своим густым басом» [30, с. 227]. Заметим, что симпатия деятелей культуры двух стран была взаимной: Барнай причислял «незабвенного профессора Юрьева» к тем людям, которых, по его словам, можно было встретить только в России [31, с. 138].

В представлении Юрьева, посвятившего «смелому и оригинальному» исполнению мастера подробную аналитическую статью [27; 28; 29], Барнай, создавший свои творения прекрасными и непохожими друг на друга, был не только «за сердце хватающим» в «Отелло», но и «несравненным и совершенно оригинальным» в «Лире» и «Уриэле Акосте», превосходит в роли Гамлета, неподражаем в «Кориолане» и поразительно верен правде в «Вильгельме Телле» [28].

Основной чертой творчества и большим достижением Барная профессор считал «художественную реальность, которую русский зритель не видел ни у иностранных, ни у русских артистов» [28]. В то же время многие знатоки сцены отмечали, что, несмотря на различие актерских школ, стиль исполнения немецкого трагика имел большое сходство с творчеством русских коллег по театральному цеху, что на фоне прочих достоинств стало решающим фактором его признания в России.

В Москву Барнай вернулся спустя десять лет после своего триумфа. Фактически покинувший к этому времени сцену, артист откликнулся на предложение немецкого посла в России князя Г. Радолина выступить на музыкально-драматическом вечере в честь коронации российского императора Николая II, состоявшемся 24 мая 1896 года [4, с. 155]⁶. Признание высшим обществом заслуг исполнителя, награжденного за спектакль для важных зрителей орденом Станислава второй степени, во многом повлияло на его решение вновь совершить поездку в Россию, оказавшуюся по воле случая последней.

Московские гастрели 1896 года, которые Барнай назвал своей лебединой песней [2, с. 31], стали разочарованием для зрительской аудитории. Критики с пристрастием оценивали урон артистической внешности мастера, нанесенный беспощадным временем, — «не тот юношеский огонь в очах, не та мощь голоса, не то молодое, вдохновенное лицо» [8]; скрупулезно исследовали и фиксировали перемены, отразившиеся на его творчестве, — «нет следа вдохновения, истинного пафоса, он сам не увлекается и не увлекает публики»; и приходили к заключению, что дарование артиста «преждевременно перегорело и осталось лишь холодное мастерство» [25, с. 104].

Даже в коронной роли Отелло, производившей прежде впечатление «мощной и величественной фигуры», теперь, по словам рецензентов, «не было того огня, который десять лет назад согревал всех <...> прежнего величия не было» [22]. Едва ли утешением для Барная было то, что критики отдавали должное былым его заслугам и творчеству в целом, признавали умным и образованным человеком, интеллигентным актером, «обладающим огромным мастерством и глубоко проникающим в исполняемые им роли» [22].

Несмотря на несколько пошатнувшееся в глазах вчерашних поклонников положение, Барнай остался в памяти москвичей тонко чувствующим, в высшей степени эмоциональным и искренним артистом, создавшим галерею своих незабываемых классических образов, трагически значительных и психологически глубоких.

Заключение

Таким образом, благодаря интенсивной гастрольной деятельности двух крупнейших художников сцены Германии — Э. Поссарта и Л. Барная, — дополнявшей и оживлявшей культурную жизнь Москвы конца XIX века, широкая публика не только приобщалась к модному развлечению, но и просвещалась и образовывалась, открывая для себя европейское драматическое искусство и знакомясь с пьесами западного классического и современного репертуара, которые не ставились в России или были известны в ином прочтении;

⁶ Драматическую часть программы составил первый акт «Смерти Валленштейна» в исполнении известных немецких артистов с Барнаем в главной роли.

представители отечественной театральной школы получили возможность увидеть положительные моменты в сценических концепциях немецких коллег, возможно, не принимавшихся в целом, и воспринять то, что, с их точки зрения, следовало использовать в собственном профессиональном опыте.

Список литературы

1. Амфитеатров А. В. Контуры. СПб.: Общественная польза, 1906. 314 с.
2. Барнай Л. Отрывки воспоминаний // Библиотека театра и искусства. 1905. Кн. 2. С. 35–44.
3. Бескин Э. Людвиг Барнай // Новый зритель. 1924. № 7. С. 1–2.
4. В память Священного Коронования Их Императорских Величеств Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Федоровны 14 мая 1896 г. СПб.: Тип. С. Добродеева, 1896. 279 с.
5. Васильев С. Театральная хроника: Сезон 1895–1896 гг. М.: С. Рассохин, 1896. 212 с.
6. Веселовский А. Поссарт в Москве // Артист. 1891. № 14. С. 124–128.
7. Гидони А. Иосиф Кайнц // Ежегодник императорских театров. 1911. Вып. 1. С. 86–95.
8. Злободневник. Злобы дня // Развлечение. 1896. № 47. С. 4.
9. История зарубежного театра. Ч. 2. Театр Западной Европы XIX – начала XX в. (1789–1917) / под ред. Г. Н. Бояджиева, А. Г. Образцовой, А. А. Якубовского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1984. 272 с.
10. Комиссаржевский Ф. Образованный актер // Студия. 1911. № 37. С. 3–6.
11. Кугель А. Р. Профили театра. М.: Театропечать, 1929. 276 с.
12. Л. Барнай в роли «Отелло» // Театр и жизнь. 1885. № 37.
13. Лютер А. Угасающее солнце (Прощальные гастролы Э. Поссарта) // Студия. 1912. № 38–39. С. 14.
14. Макарова Г. В. Театральное искусство Германии на рубеже XIX–XX вв.: национальный стиль и формирование режиссуры. М.: Наука, 1992. 334 с.
15. Огородникова О. А. Георг Парадиз — проводник немецкой театральной культуры // Российское государство, общество и этнические немцы: основные этапы и характер взаимоотношений (XVIII–XXI вв.): материалы XI Международной научной конференции, Москва, 1–3 ноября 2006 г. / [науч. ред. А. А. Герман]. М.: МСНК-пресс, 2007. С. 50–58.
16. Огородникова О. А. Немецкий трагик Людвиг Барнай в России (последняя треть XIX века) // Диалог культур. Культура диалога: от конфликта к взаимопониманию: материалы Второй Международной конференции, Москва, 21–25 апреля 2020 г. / под общ. ред. Л. Г. Викуловой; Департамент образования и науки г. Москвы, Моск. гор. пед. ун-т. М.: Яз. Народов Мира, 2020. С. 59–65.
17. Поссарт в мелодраме // Новое время. 13.03.1913.
18. Слонимская Ю. Впечатления сезона. Гастролы Эрнста Поссарта // Ежегодник императорских театров. 1913. Вып. 3. С. 63–75.
19. Смирнова Н. А. Воспоминания. М.: Всерос. театр. о-во, 1947. 440 с.
20. Станиславский К. С. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 1. Моя жизнь в искусстве. М.: Искусство, 1988. 622 с.
21. Театральная критика Власа Дорошевича / сост., вступит. ст. и коммент. С. В. Букчина. Минск: Харвест, 2004. 863 с.

22. Хроника // Новости сезона. 26.11.1896.
23. Хроника // Петербургский листок. 12.12.1896.
24. Хроника // Театр и жизнь. 1885. № 27.
25. Хроника. Петербург // Театрал. 1896. № 98–99. С. 104.
26. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 16. 1881–1902. М.: Наука, 1979. 624 с.
27. Юрьев С. А. Л. Барнай // Театр и жизнь. 1885. № 29.
28. Юрьев С. А. Л. Барнай // Театр и жизнь. 1885. № 46–48.
29. Юрьев С. А. Л. Барнай // Театр и жизнь. 1885. № 55–58.
30. Юрьев Ю. М. Записки: в 2 т. Т. 1. Л.; М.: Искусство, 1963. 659 с.
31. Barnay L. Erinnerungen. Berlin: E. Fleischel, 1903. 378 S.
32. Berlin — Theater der Jahrhundertwende: Bühnengeschichte der Reichshauptstadt im Spiegel der Kritik (1889–1914) / Norbert Jaron, Renate Möhrmann, Hedwig Müller. Tübingen: Niemeyer, 1986. 814 S.
33. Martersteig M. Das deutsche Theater im XIX. Jahrhundert. Leipzig: Breitkopf und Härtel, 1904. 735 S.
34. Ihering H. Theaterstadt Berlin. Berlin: Henschel, 1948. 375 S.
35. Possart E. Erstrebtes und Erlebtes: Erinnerungen aus meiner Bühnentätigkeit. Berlin: Mittler, 1916. 326 S.

References

1. Amfiteatrov, A. V. (1906). *Kontury [Contours]*. Sankt-Peterburg: Obshchestvennaia pol'za (in Russian).
2. Barnaj, L. (1905). Otryvki vospominanii [Fragments of memories]. *Biblioteka teatra i iskusstva [Library of Theater and Art]*, 2, 35–44 (in Russian).
3. Beskin, Je. (1924). Liudvig Barnai [Ludwig Barnay]. *Novyj zritel' [New spectator]*, 7, 1–2 (in Russian).
4. *V pamiat' Sviashchennogo Koronovaniia Ikh Imperatorskikh Velichestv Gosudaria Imperatora Nikolaia Aleksandrovicha i Gosudaryni Imperatritsy Aleksandry Fedorovny 14 maia 1896 g. (1896) [In memory of the Sacred Coronation of Their Imperial Majesties, the Sovereign Emperor Nicholas Alexandrovich and the Empress Alexandra Feodorovna on May 14, 1896]*. Sankt-Peterburg: Tipografija S. Dobrodeeva (in Russian).
5. Vasil'ev, S. (1896). *Teatral'naia khronika: Sezon 1895–1896 gg. [Theatrical chronicle: The Season of 1895–1896]*. Moskva: S. Rassohin (in Russian).
6. Veselovskij, A. (1891). A. Possart v Moskve [Possart in Moscow]. *Artist [Actor]*, 14, 124–128 (in Russian).
7. Gidoni, A. (1911). Iosif Kaints [Josef Kainz]. *Ezhegodnik imperatorskikh teatrov [Yearbook of Imperial Theaters]*, 1, 86–95 (in Russian).
8. Zlobodnevnik. Zloby dnja (1896). [Topical issue. Grudges of the day]. *Razvlechenie [Entertainment]*, 47, 4 (in Russian).
9. Bojadzhiev, G. N., Obrazcova, A. G. & Jakubovskij, A. A. (Eds.). (1984). *Istoriia zarubezhnogo teatra. Ch. 2. Teatr Zapadnoi Evropy XIX – nachala XX v. (1789–1917) [History of foreign theater. Part 2. Theater of Western Europe of the XIX – early XX century (1789–1917)]*. Moskva: Prosveshchenie (in Russian).
10. Komissarzhevskij, F. (1911). Obrazovannyj aktjor [An educated actor]. *Studiia [Studio]*, 37, 3–6 (in Russian).

11. Kugel', A. R. (1929). *Profili teatra* [*Profiles of the theater*]. Moskva: Teakino-pechat' (in Russian).
12. L. Barnaj v roli "Otello" [L. Barnaj as "Othello"] (1885). *Teatr i zhizn'* [*Theater and Life*], 37 (in Russian).
13. Ljuter, A. (1912). Ugasaiushhee solntse (Proshhal'nye gastroli E. Possarta) [The fading Sun (E. Possart's Farewell Tour)]. *Studiia* [*Studio*], 38–39, 14 (in Russian).
14. Makarova, G. V. (1992). *Teatral'noe iskusstvo Germanii na rubezhe XIX–XX vv.: natsional'nyi stil' i formirovanie rezhissury* [*Theatrical art of Germany at the turn of the XIX–XX centuries: national style and the formation of directing*]. Moskva: Nauka (in Russian).
15. Ogorodnikova, O. A. (2007). Georg Paradiz — provodnik nemetskoj teatral'noi kul'tury [Georg Paradiz — conductor of German theatrical culture]. In A. A. German (Scien. Ed.). *Rossiiskoe gosudarstvo, obshchestvo i etnicheskie nemtsy: osnovnye etapy i kharakter vzaimootnoshenii (XVIII–XXI vv.): materialy XI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Moscow, 1–3 noiabria 2006 g.* [*The Russian state, society and ethnic Germans: the main stages and nature of relations (XVIII–XXI centuries): Materials of the XI International Scientific Conference, Moscow, 2006, November 1–3*] (pp. 50–59). Moskva: MSNK-press (in Russian).
16. Ogorodnikova, O. A. (2020). Nemetskij tragik Ljudvig Barnai v Rossii (posledniaia tret' XIX veka) [German tragedian Ludwig Barnaj in Russia (the last third of the XIX century)]. In L. G. Vikulova (Ed.). *Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: ot konflikta k vzaimoponimaniuu: materialy Vtoroi Mezhdunarodnoi konferentsii, Moskva, 21–25 apreliia 2020 g. / Departament obrazovaniia i nauki goroda Moskvyy, Moskovskii gorodskoi pedagogicheskii universitet* [*Dialogue of cultures. The culture of dialogue: from conflict to mutual understanding: Materials of the Second International Conference, Moscow, 2020, April 21–25*] (pp. 59–65). Moskva: Iazyki Narodov Mira (in Russian).
17. Possart v melodrame [Possart in melodrama] (1913). *Novoe vremja* [*New Time*], March 13 (in Russian).
18. Slonimskaja, Iu. (1913). Vpechatleniia sezona. Gastroli Ernsta Possarta [Impressions of the season. Ernst Possart's tours]. *Ezhegodnik imperatorskikh teatrov* [*Yearbook of Imperial Theaters*], 3, 63–75 (in Russian).
19. Smirnova, N. A. (1947). *Vospominaniia* [*Memoirs*]. Moskva: Vserossiiskoe teatral'noe obshchestvo (in Russian).
20. Stanislavskij, K. S. (1988). Moia zhizn' v iskusstve [My life in art]. In *Sobranie sochinenii: v 9 t.* [*Collected works: in 9 volumes*] (Vol. 1). Moskva: Iskusstvo (in Russian).
21. Bukchin, S. V. [Ed.] (2004). *Teatral'naia kritika Vlasy Doroshevicha* [*Theater criticism of Vlas Doroshevich*]. Minsk: Harvest (in Russian).
22. Khronika [Chronicle] (1896). *Novosti sezona* [*News of the season*]. 26th November (in Russian).
23. Khronika [Chronicle] (1896). *Peterburgskii listok* [*Petersburg leaflet*]. 12th December (in Russian).
24. Khronika [Chronicle] (1885). *Teatr i zhizn'* [*Theater and life*], 27 (in Russian).
25. Khronika. Peterburg [Chronicle. Petersburg] (1896). *Teatral'* [*Theater*], 98–99, 104 (in Russian).

26. Chekhov, A. P. (1979). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t.* [The complete collection of works and letters: in 30 volumes] (Vol. 16. 1881–1902). Moskva: Nauka (in Russian).
27. Jur'ev, S. A. (1885). L. Barnaj [L. Barnay]. *Teatr i zhizn'* [Theater and life], 29 (in Russian).
28. Jur'ev, S. A. (1885). L. Barnaj [L. Barnay]. *Teatr i zhizn'* [Theater and life], 46–48 (in Russian).
29. Jur'ev, S. A. (1885). L. Barnaj [L. Barnay]. *Teatr i zhizn'* [Theater and life], 55–58 (in Russian).
30. Jur'ev, Ju. M. (1963). *Zapiski: v 2 t.* [Notes: in 2 volumes] (Vol. 1). Moskva: Iskusstvo (in Russian).
31. Barnay, L. (1903). *Erinnerungen.* Berlin: E. Fleische (in German).
32. Jaron, N., Möhrmann R., & Müller H. (1986). *Berlin — Theater der Jahrhundertwende: Bühnengeschichte der Reichshauptstadt im Spiegel der Kritik (1889–1914).* Tübingen: Niemeyer (in German).
33. Martersteig, M. (1904). *Das deutsche Theater im XIX.* Leipzig: Breitkopf and Härtel (in German).
34. Ihering, H. (1948). *Theaterstadt Berlin.* Berlin: Henschel (in German).
35. Possart, E. (1916). *Erstrebtes und Erlebtes: Erinnerungen aus meiner Bühnentätigkeit.* Berlin: Mittler (in German).

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(47)«1917/991»

DOI: 10.25688/20-76-9105.2021.43.3.2

Воробьев Сергей Викторович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Центр политической и социокультурной истории Института истории и археологии УрО РАН
Россия, Москва

E-mail: svorob.hist@gmail.com; ORCID: 0000-0002-1461-0104

«МЫ ЕМУ ДАДИМ ПО МОРДЕ»: ТАГИЛЬСКИЙ ОКРУЖКОМ ВКП (б) ПРОТИВ КОРРЕСПОНДЕНТА ГАЗЕТЫ «УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ» Н. ХАРИТОНОВА

В статье рассматривается конфликт между корреспондентом газеты «Уральский рабочий» Н. Харитоновым и руководством Тагильского окружкомом ВКП (б), вызванный его письмами и докладной запиской о состоянии Надеждинской партийной организации, появившимися в результате его служебной командировки в Надеждинск.

Для изучения проблемы в работе на основе концепции повседневности применяются традиционные исторические методы исследования и историко-антропологический подход. В рамках концепции повседневности анализируются политические практики представителей власти, их образ действий и мотивы поведения. Историко-генетический метод исследования позволяет выявить причины и последствия конфликта окружных и областных структур партийной власти. Историко-сравнительный метод применяется для сопоставления позиции конфликтующих сторон. Антропологический подход дает возможность показать эмоциональную составляющую конфликта, психологию противостоящих сторон.

В статье показано, что в конфликт оказалось вовлечено не только областное руководство, но и московские проверяющие. Конфликтную ситуацию не удалось удержать в рамках области, она стала известна высшему партийному руководству. На Урал для расследования вопроса была направлена представительная московская комиссия. В результате возникло так называемое «надеждинское дело». Установлено, что оно развивалось на фоне непростых взаимоотношений между Тагильским окружкомом и Уралобкомом ВКП (б). Тагильские окружные руководители считали, что данное дело спровоцировано областными руководителями, которых они подозревали в интригах по отношению к окружкому партии. Эта позиция в значительной

степени сказались на выводах окружной комиссии, поддержанных окружкомом. С ними не согласилось как областное руководство, так и московские представители, признав их ангажированными и предвзятыми. Следствием этого стало снятие с должностей районных и окружных руководителей, причастных к «надеждинскому делу».

Ключевые слова: Н. Харитонов; Тагильский окружком; Уралобком ВКП (б); Надеждинский райком; «надеждинское дело»; Н. М. Шверник; В. Х. Петров; Симанов.

UDC 94(47)«1917/991»

DOI: 10.25688/20-76-9105.2021.43.3.2

Sergey V. Vorobyev

PhD in History, Senior Researcher

Center for Political and Socio-Cultural History of the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Russia, Moscow

Email: svorob.hist@gmail.com; ORCID: 0000-0002-1461-0104

«WE’LL PUNCH HIM IN THE MUZZLE»: TAGIL DISTRICT COMMITTEE OF THE VKP (b) AGAINST CORRESPONDENT NEWSPAPER *URAL WORKER* N. KHARITONOV

The paper deals with the conflict between correspondent of newspaper *Ural Worker* N. Kharitonov and leadership of Tagil district committee of the VKP (b), caused by his letters and a memo about Nadezhdinsk party organization, which appeared as a result of his official trip to Nadezhdinsk.

Based on the concept of everyday life, the paper uses traditional historical research methods and a historical-anthropological approach to study the issue. Within the framework of concept of everyday life, author of the paper analyzes political practices of government representatives, their way of action and motives of behavior. Historical and genetic method of research allows us to identify causes and consequences of the conflict of district and regional party organizations. The author uses historical-comparative method to compare positions of the conflicting parties. Anthropological approach makes it possible to show emotional component of the conflict as well as psychology of the opposing sides.

The paper shows that this conflict involved not only the regional leadership, but also the Moscow inspectors. The conflict situation could not be kept within the framework of the region, it became known to the highest party leadership. A representative Moscow commission was sent to the Urals to investigate this issue. As a result, the so-called *Nadezhdinsky case* arose. The Nadezhdinsky case developed against the background of difficult relations between Tagil district committee and Ural regional committee of the VKP (b). Tagil district leaders believed that the regional leaders, whom they suspected of scheming against the district party committee, instigated this case. This position largely affected conclusions of the district commission on it, supported by the district party committee. Both the regional leadership and the Moscow inspectors disagreed with these conclusions, recognizing them

as biased and prejudiced. Because of it, district and local leaders involved in the Nadezhdinsky case were dismissed from their posts.

Keywords: N. Kharitonov; Tagil district committee; Ural regional committee of VKP (b); Nadezhdinsky local committee; Nadezhdinsky case; N. M. Shvernik; V. Kh. Petrov; Simanov.

В статье рассматривается так называемое «надеждинское дело», которое в итоге привело к эскалации конфликта между Тагильским окружкомом и Уралобкомом ВКП (б). Его анализ позволяет показать внутринаменклатурные конфликты периода нэпа, которые становятся частью политической повседневности и в значительной степени определяют взаимоотношения между различными уровнями власти на региональном уровне.

В современном отечественном историографическом дискурсе конфликты как составляющая политической повседневности советской номенклатуры 1920–1930-х годов являются перспективным направлением исследования советской политической системы. Так, А. Н. Чистиков рассмотрел конфликт между Северо-Западным бюро ЦК РКП (б) и региональными партийно-государственными функционерами [30]; Г. Л. Олех подробно описал «склоку» между Сибирским бюро ЦК РКП (б) и местными партийными и советскими работниками [15]. В исследованиях Р. А. Малахова и Ю. А. Перебиноса, посвященных региональной партийно-советской номенклатуре, также затрагивается тема «склок» [11; 16]. Конфликты в Бурят-Монгольском обкоме РКП (б) [13] и Сибирском крайкоме ВКП (б) [12; 14] изучила Т. И. Морозова. Среди уральских историков, занимающихся проблемой внутринаменклатурных конфликтов, следует выделить публикации В. В. Шабалина [31–33] и С. В. Воробьева [3; 4; 6].

Для изучения проблемы в работе используются неопубликованные архивные материалы партийных органов власти из федерального (РГАСПИ) и регионального (ЦДООСО) архивов.

В ноябре 1928 года редакция газеты «Уральский рабочий» направила своего корреспондента Николая Харитонов в служебную командировку в Надеждинск. К тому времени Харитонов был уже известным журналистом. Как отмечала «Комсомольская правда», «вся уральская партийная организация знает и ценит работу молодого, талантливого, преданного партии журналиста» [8]. Он был очень плодовитым автором: в течение четырех лет Харитонов напечатал в областной газете «свыше шестисот статей, направленных против конкретных носителей бюрократизма и бесхозяйственности» [8]. По результатам поездки в Надеждинск Харитонов направил два письма (члену редколлегии газеты И. М. Юреню и ответственному редактору газеты Д. Г. Тумаркину). В этих письмах он указывал, что в Надеждинской организации имеется ряд серьезных недостатков.

В письме Юреню он сообщал, что 19 ноября троцкисты устроили акцию и разбросали на Надеждинском заводе листовки, «призывавшие рабочих к открытому протесту против того, что Троцкий до сих пор находится в ссылке,

несмотря на то, что [он] опасно болен малярией» [19, л. 46]. Действительно, Л. Д. Троцкий — один из лидеров объединенной оппозиции — после поражения был исключен из партии в ноябре 1927 года, а в январе 1928-го — выслан в Алма-Ату. Официальная пропаганда пыталась представить опального политика как врага Советского государства [2, с. 474–475]. Однако Троцкий продолжал политическую деятельность, рассылая письма своим сторонникам по всей стране. «За апрель – октябрь 1928 года им было послано из Алма-Аты около 550 телеграмм и 800 политических писем» [18, с. 32], а его сторонники на местах проводили акции в его поддержку [35, с. 131–134]. В результате выступления троцкистов местные власти «страшно растерялись, были напуганы и ждали крупного эксцесса», а когда его не произошло, то хотели быстрее замять это дело, опасаясь, что информация уйдет за пределы округа и станет известна областным властям [19, л. 47].

Кроме того, Харитонов отмечал со стороны рабочих «снабженческие» недовольства, развал профсоюзной работы в районе, в связи с чем авторитет профсоюзов среди рабочих низкий, так как они не защищают их права. Рабочие говорили: «Надо профсоюзы ликвидировать — больно много дармоедов — ничего не делают, рабочего не защищают, а деньги тратят. <...> Профсоюзы спелись с местной администрацией, надо их гнать» [19, л. 47–48].

Харитонов утверждал, что в Надеждинске процветают «протекционизм, родство, пьянки, избияния рабкоров». В личной беседе с журналистом секретарь райкома партии Симанов признался, что «в условиях Надеждинска, где развита семейственность и где почти все друг другу родня, работать ему тяжело» [19, л. 44]. Комсомольская организация слабая, а партийная — в большей степени формируется за счет служащих, а рабочие в партию вступать не хотят. Рабочие в беседе с ним говорили: «А зачем я туда пойду. Коммунисты за границы последним барахлом торговать поехали — последнюю корону в Берлине проедают, штанами княжескими, да панталонами торгуют в Ленинграде, значит скоро каюк... А ты — в партию!» [19, л. 49]. Исходя из этого корреспондент «Уральского рабочего» делает неприятное заключение о ситуации в Надеждинске: «Впечатление полного, назревшего гнойника, где разложение коммунистов-хозяйственников доходит до низшей степени» [19, л. 48].

В письме на имя ответственного редактора газеты Тумаркина он дополняет картину следующими фактами: состояние местных профсоюзов — «жуть, дебри, делячество, постепенное умирание», отсутствие в партийной организации борьбы с правым уклоном. В Надеждинске наблюдается зажим самокритики: «это по-видимому общее положение в Тагильском округе». Резкой критике Харитонов подверг ответственного секретаря Тагильского окружка И. Ф. Масленникова, который после выступления троцкистов сделал в Надеждинске «кругленький» доклад о работе окружка. По мнению корреспондента, «окружком прозевал и перевыборы, и правый уклон и самокритику и прозевал также последнее удачное выступление троцкистов». В конце письма Харитонов

ставит вопрос о состоянии Надеждинской организации и предлагает «перетряхнуть тут всё» [19, л. 52].

Ответственный редактор «Уральского рабочего» Давид Григорьевич Тумаркин, помимо того что занимал журналистскую должность, являлся членом бюро Уральского обкома ВКП (б). Прочитав письма своего корреспондента, он решил передать их в обком партии. Он так позднее объяснял мотивы своего поступка: «Прочитав, я пришел к убеждению, что сообщение является сугубо политически важным и что моя обязанность заключается в данный момент в том, чтобы это дело разрешить вместе с партийной организацией» [23, л. 78].

В это время областное руководство находилось в Москве на пленуме ЦК ВКП (б), а после его возвращения было созвано совещание секретарей окружкомов. После него Масленников в 12 часов ночи был принят ответственным секретарем Уральского обкома ВКП (б) Н. М. Шверником и они «беседовали по ряду практических вопросов». В ходе этой беседы заведующий информационным отделом обкома П. М. Уральский ознакомил руководителя области с письмами Харитоновова о недостатках в Надеждинской организации. Прочитав их, Шверник дал поручение Масленникову разобраться в этом вопросе, сказав, что он может ознакомиться с письмами в информационном отделе обкома [23, л. 55].

Однако Масленников весьма негативно отреагировал на факт появления писем и их содержание. Дело в том, что отношения между обкомом и окружкомом не были безоблачными. Тагильские руководители подозревали обком партии в интригах, в попытке внести раскол в их ряды. Кроме того, письма появились накануне окружной партийной конференции, поэтому Масленников и руководство окружкома расценили их как недружественный шаг и спланированную провокацию в отношении окружкома партии. Руководитель окружкома распорядился создать окружную комиссию по расследованию дела. Позднее Масленников утверждал, что именно Шверник поручил ему «немедленно расследовать и принять меры». Однако последний опроверг его слова: «Что касается расследования, то мы на счет расследования и комиссии не договаривались» [23, л. 55]. Таким образом, создание комиссии полностью являлось инициативой тагильского окружного руководства. Позже, в январе 1929 года на объединенном заседании бюро обкома и областной контрольной комиссии Шверник упрекнул Масленникова в том, что он создал комиссию без согласования с обкомом партии: «И тут, конечно, тов. Масленников допустил ошибку, что поторопился создать комиссию. Не надо было бы этого делать» [23, л. 115а].

Несколько позднее 30 ноября 1928 года Харитонов представил Д. Г. Тумаркину большую докладную записку о положении дел в Надеждинской районной организации [19, л. 26–45], которую последний 5 декабря 1928 года также передал в обком партии, тем более что Харитонов сам в записке просил, что так как он придает этой записке «особо важное значение, то хорошо бы, если бы копия ее была передана в обком ВКП(б)» [19, л. 26].

В записке Харитонов подробно рассмотрел проблемы, выявленные в Надеждинской парторганизации в ходе командировки. Во-первых, он остановился на политической обстановке в районе. По его мнению, как районное, так и окружное руководство уделяли недостаточно внимания вопросу борьбы с правым уклоном с учетом того, что в партийной организации имеются «ярко выраженные течения и уклоны от генеральной линии нашей партии» [19, л. 27]. В результате им был сделан нелицеприятный вывод: «в Надеждинске правый уклон имеет почву и настолько значителен, что молчать о нем, как делает это райком — нельзя» [19, л. 31].

Он снова поднял вопрос о неспособности районного руководства решительно вести борьбу с проявлениями троцкизма в районе. Выступление троцкистов на Надеждинском заводе показало, что райком партии во главе с Симановым не смог должным образом купировать ситуацию, «никакого политического решения, никакой оценки выступления троцкистов он не вынес». В результате райком «молча проглотил <...> троцкистскую пилюлю». Однако подобное беззубое отношение районного начальства к правому и левому уклонам, считал Харитонов, не являлось сознательными действиями райкома, а свидетельствовало о слабости районного руководства, о том, что «просто у т. Симанова нет политической ясности в отдельных вопросах» [19, л. 32–33].

Второй вопрос, который поставил Харитонов, — «о самокритике, о жесточайшем ее зажиме, о затирании самокритики». Как свидетельствовало из записки, «по вопросу о самокритике <...> райком недооценил и этого вопроса, не придавал ему широкого значения» ([19, л. 32–33]. Общий настрой к самокритике с оттенком негативизма со стороны местного руководства проявился в выступлении на рабочем собрании газоэлектрического цеха представителя районного завкома, который заявил: «Самокритика самокритикой, а у нас все-таки критикуют много зря. Надо критиковать обоснованно» [19, л. 34]. Член Центральной контрольной комиссии ЦК ВКП (б) П. Е. Антонов, работавший в Надеждинске, также считал, что «самокритика ничего кроме вреда организации не принесет» [23, л. 76]. Видимо, местные власти трактовали самокритику исходя из принципа, сформулированного позднее советским поэтом-сатириком Ю. Н. Благовым: «Мы — за смех! Но нам нужны / Подобрее Щедрины / И такие Гоголи, / Чтобы нас не трогали» (цит. по: [7: с. 379]).

Подобную позицию районного руководства по поводу самокритики и возможных негативных последствий для критикующих хорошо понимали рабочие и реагировали соответствующим образом: «У меня семья, а идти за ворота не хочется», «что мне критиковать, я есть хочу» [20, л. 3], «прежде чем начать критиковать надо запастись хлебом на 2 месяца, а потом уже выступать» ([19, л. 35]. Фактически районные функционеры игнорировали развернувшуюся в стране кампанию самокритики. На XV съезде ВКП (б) в декабре 1927 года И. В. Сталин разъяснял партийцам важность самокритики: «Ежели мы, большевики, которые критикуют весь мир, которые, говоря словами Маркса, штурмуют небо, если мы ради спокойствия

тех или иных товарищей откажемся от самокритики, — то разве не ясно, что ничего, кроме гибели нашего великого дела, не может из этого получиться?» [21, с. 70].

В докладной записке Харитонов подробно остановился на фактах массовых гонений на рабочих корреспондентов со стороны местных властей. Нежелательные рабкоры подвергаются угрозам со стороны заводских руководителей, их увольняют с работы или переводят на менее оплачиваемую. В качестве одного из примеров Харитонов привел случай с рабкором Ларьковым, который в ходе сбора материалов для статьи беседовал с работником завода. Увидевший это помощник директора Надеждинского завода Реутов «закричал на сотрудника: “убирайся вон отсюда”, а тов. Ларькова схватил за плечи и столкнул с лестницы». После того как Ларьков придал огласке этот факт на собрании мартеновской ячейки, заводское руководство попыталось при поддержке представителя райкома партии заставить рабкора отказаться от своих слов, а «сейчас это дело стараются замаять, придать ему шуточный характер» [19, л. 36].

Корреспондент «Уральского рабочего» снова ставит вопрос о состоянии профсоюзной работы в районе, указывая, что профсоюзы плохо справляются со своими обязанностями, не защищают права рабочих, чем вызывают их недовольство. Зачастую профсоюзные работники действуют в интересах заводского начальства, решая вопросы через голову профсоюзных организаций завода. «Твердой линии у райзавкома в деле защиты интересов рабочих не было. Наоборот, в систему было введено всяческое согласование с хозяйственниками» [19, л. 43]. Следствием такой соглашательской политики стала соответствующая оценка профсоюзов. Харитонов приводит слова секретаря райкома комсомола Монахова, который «открыто называет местный профсоюз и его работников предателями рабочего класса — “желтыми”» [19, л. 29]. В то время в странах Запада желтыми называли профсоюзы, которые находились под контролем работодателей и проводили политику классового сотрудничества с ними [22, с. 241–247, 345–350].

Много внимания в докладной записке Харитонов уделил неприглядному поведению районных хозяйственников, в первую очередь руководству Надеждинского завода, которое он обвинил в грубости, рукоприкладстве, пьянстве и злоупотреблениях. По свидетельству Харитонova, директор завода Маврин грубо обращается с заводскими специалистами, в частности вызвав к себе механика завода Еременко, «стал материть его самой отборной площадной руганью». Повседневной практикой заводского руководства является распитие спиртных напитков. «Пьянство принимает совершенно открытый характер». Заводское начальство проводило пирушки совместно со специалистами завода. Для оправдания «одной из безобразных пьянок со специалистами, где тов. Реутов провозглашал довольно разнузданные тосты», бывший в то время секретарем райкома Баландин заявил, что Маврин и Реутов были направлены на это увеселительное мероприятие по специальному заданию райкома для изучения настроений специалистов [19, л. 37, 39]. Пьянство заводское начальство

совмещало с развлечениями, «организуя облавы на зайцев, беря для этой цели рабочих доменного цеха и относя расходы на облаву на счет цеха» [19, л. 38].

В итоге Харитонов сделал вывод о том, что в Надеждинской организации не все благополучно, районное руководство плохо справляется с имеющимися проблемами и «в чрезвычайно сложных политических условиях Надеждинска требовалось бы более твердое и умелое партийное руководство» [19, л. 45].

Передав свою записку Д. Г. Тумаркину, Харитонов предложил на ее основе опубликовать в «Уральском рабочем» статью, которую он уже подготовил, затронув в ней три вопроса: «о правой опасности, по вопросу о выступлении троцкистов и по вопросу о развертывании самокритики в Надеждинском районе» [19, л. 24].

Получив докладную записку Харитонова по Надеждинску, Шверник обсудил этот вопрос со вторым секретарем обкома Н. Лисициным и председателем облисполкома И. Д. Кабаковым, и они приняли коллегиальное решение не предавать эти сведения публичной огласке в виде статьи в газете «Уральский рабочий», не создавать комиссии обкома по расследованию, а обсудить их в партийном кругу. Для начала было решено вызвать в обком партии Харитонова, которого Шверник запомнил по его ярким статьям в «Уральском рабочем» «и по-товарищески поговорить» [23, л. 115а].

В декабре 1928 года начала свою проверку материалов Харитонова окружная комиссия в составе председателя Тагильского окрисполкома и члена бюро окружкома ВКП (б) В. Х. Петрова, члена президиума окружной контрольной комиссии А. Н. Вавуленко и члена Центральной контрольной комиссии ЦК ВКП (б) П. Е. Антонова, работавшего на Надеждинском заводе помощником заведующего литейным цехом [24, л. 41].

Областные власти старались решить вопрос на местном уровне. Однако информацию о Надеждинском деле не удалось удержать в пределах области, и сведения о скандале вокруг записки Харитонова каким-то образом попали в Москву. Заведующий организационным отделом Тагильского окружкома Лузин, выступая 20 декабря 1928 года на объединенном заседании бюро окружкома и президиума окружной контрольной комиссии, сокрушенно сообщил коллегам: «Товарищи, эта записка стала известна уже в АПО ЦК» [23, л. 39 об.]. В центре заинтересовались запиской Харитонова, так как недавно по аналогичному случаю в Николаевской партийной организации, когда окружком партии снял с должности руководителя пропагандистской группы ЦК партии, написавшего письмо в Центральный комитет без ведома окружного комитета партии, ЦК ВКП (б) издал постановление, где указывалось, что члены партии обязаны писать о недочетах в ЦК ВКП (б) [23, л. 19].

Таким образом, конфликт оказался в центре внимания московского руководства. В итоге в область для выяснения ситуации на месте в конце декабря 1928 – начале января 1929 года была направлена представительная комиссия в составе заведующего агитационно-пропагандистским отделом ЦК ВКП (б) А. И. Криницким и двух ответственных инструкторов ЦК ВКП (б)

Н. А. Филатова и М. А. Герцмана. Назначение Криницкого руководителем московской комиссии, по-видимому, было неслучайным. Как мы помним, в материалах Харитоновва много внимания было уделено борьбе с «правым уклоном» в Тагильской организации, а Криницкий как руководитель идеологического отдела играл важную роль в разоблачении «школы Бухарина». В этот период он говорил: «Мы боролись и будем бороться против антиленинской идеологии и теории Бухарина. <...> Сейчас слишком серьезное время, чтобы мы могли равнодушно смотреть на ревизию ленинизма представителями правого оппортунизма в партии» (цит. по: [1, с. 113–114]).

В то же время, 2 января 1929 года, Уралобком ВКП (б) принял решение направить в Надеждинск представителя областной контрольной комиссии А. Т. Попкова для обследования партийной организации [25, л. 3]. Таким образом, в Надеждинске почти одновременно работали две комиссии и представитель обкома.

Первой закончила проверку окружная партийная комиссия, работавшая в Надеждинске в декабре и предоставившая результаты обследования на совместном заседании бюро Тагильского окружкома партии и президиума окружной контрольной комиссии, проходившем 20 декабря 1928 года. На заседании присутствовали руководители обкома во главе со Шверником.

Окружная комиссия признала, что в деятельности Надеждинской партийной организации имеется ряд недостатков. Но в целом комиссия пришла к заключению, что большинство обвинений Харитоновва не нашли подтверждения и являются политическим шантажом и ложью [24, л. 61]. Относительно самого Харитоновва и его материалов комиссия пришла к выводу, «что это мог написать человек, который имеет другие политические убеждения и преследует другие цели, но ни в коем случае этого не мог написать человек, носящий в кармане билет члена ВКП (б)». Было выражено сомнение в компетентности его как журналиста: «Комиссия поражена, как может работать человек с таким упадочным настроением, гнилой психологией в редакции “Уральского рабочего”». От комиссии Харитоновв получил упрек в том, что он «не знает жизни и работы рабочих на заводе» и «сознательно занимается обливанием грязью рабочих» [24, л. 57–58].

У членов окружной комиссии изначально сформировалось негативное отношение к областному корреспонденту. Возглавив комиссию, ее руководитель В. Х. Петров тут же послал в редакцию «Уральского рабочего» телеграмму угрожающего содержания: «Пришлите представителя в комиссию, иначе вашего корреспондента ожидает большая неприятность». Не успокоившись, председатель окрисполкома, выступая на Надеждинском партактиве пригрозил: «Если Харитоновв еще раз сюда явится, мы ему дадим по морде» [8, с. 2].

С большим докладом на этом заседании выступил секретарь Тагильского окружкома ВКП (б) И. Ф. Масленников, в котором он полностью солидаризировался с выводами окружной комиссии: «Я должен заявить, что основные

выводы, указанные Харитоновым в записке, не соответствуют действительности» [24, л. 39]. Значительное место в выступлении Масленников уделил парированию обвинений Харитонova в том, что он как руководитель округа почти не уделяет внимания борьбе с правым уклоном. И здесь необходимо учитывать общеполитический контекст. В конце 1928 года Сталин начинает борьбу на советском политическом олимпе со своими оппонентами. Группа Сталина, олицетворявшая генеральную линию партии, перешла в наступление против Н. И. Бухарина и его сторонников, обвинив их в правом уклоне, потворствовании мелкобуржуазной крестьянской стихии, попытке реставрации капитализма в СССР [17, с. 201–210]. Сталин смог демонизировать своих противников, покончить с любой значимой внутривнутрипартийной демократией и установить монополющую власть в партии [34, с. 698].

В кампанию по борьбе с правой оппозицией аппаратом ЦК ВКП (б) активно вовлекаются региональные партийные организации для подготовки резолюций «осуждения с мест» [34, с. 694; 1, с. 125]. Однако местные окружные, а тем более районные партийные и советские руководители не разбирались или плохо разбирались в межгрупповых баталиях в верхних эшелонах советского руководства. Например, секретарь райкома ВКП (б) Симанов признавался, что «долго не мог усвоить сущности правого уклона» [23, л. 5]. Понимание у него возникло только после того, как он «засел за стенограммы, прочел речь Сталина и уяснил в чем суть правого уклона» [19, л. 28]. Большинство членов партии в Надеждинске признавалось: «мы и сейчас не знаем, что из себя представляет правый уклон» [23, л. 5].

С другой стороны, партийные и советские функционеры хорошо понимали, что обвинение в принадлежности или попустительстве партийной оппозиции может стоить им политической карьеры [9, с. 96]. Поэтому Масленников крайне болезненно воспринял обвинение Харитонova в том, что он не борется в округе с «правым уклоном» и троцкизмом. Он указал на то, что выступал с докладами о правой опасности Нижнем Тагиле, Нижней Салде и Надеждинске. Он с негодованием отверг обвинение со стороны Харитонova «чуть ли не в правом уклоне или по меньшей мере примиренчестве. Я заявляю, что это возмутительная ложь. <...> Харитоновым пущена явная клевета и на меня и в целом и на крупнейшую рабочую организацию, какой является Надеждинск» [24, л. 40].

Масленников решил бить Харитонova его же оружием. В качестве способа защиты Масленников выбрал тактику отождествления обвинений Харитонova с заявлениями троцкистов. Он уличал корреспондента в том, что последний свою информацию черпал главным образом от сторонников троцкистов в районе и в результате стал «рупором троцкистов». Поэтому невозможно найти разницы между утверждениями Харитонova и троцкистов. По словам Масленникова, основные данные он получил от рабкора Ларькова, связанного с троцкистами. «И вы посмотрите, какая получается цепочка, — обращал внимание

Масленников, — Харитонов связан и основным материал получает от Ларькова. Ларьков тесно связан со своим племянником Шишкиным. Последний исключен из партии и рабфака за троцкизм и в последнее время в Надеждинске ведет открытую троцкистскую работу, открыто выступая на собраниях и т. д.» [24, л. 39]. Такими аргументами Масленников постарался пригвоздить Харитонova к позорному столбу троцкизма. В конце своего выступления Масленников демонстративно заявил: «Я могу сейчас подать заявление с просьбой об освобождении меня от работы с какими угодно мотивами: “учиться”, “лечиться” и т. д.» [24, л. 40]. На подобный шаг пошел и руководитель Надеждинского райкома Симанов, подавший 4 января на заседании бюро райкома заявление об освобождении его от занимаемой должности. Правда бюро райкома его отставку не приняло, а предоставило месячный отпуск, попросив окружком о предоставлении ему места для лечения [27, л. 26].

Выступившие на заседании бюро окружкома тагильские ответственные работники отстаивали две позиции: Харитонов действовал по заданию обкома и Харитонов — скрытый троцкист. Заведующий организационным отделом окружкома Лузин считал, что главной целью Харитонova был руководитель окружкома: «Если вы внимательно прочтете докладную записку Харитонova, то увидите, что она начинается с Масленникова и кончается Масленниковым». Он предположил, что Харитонов самостоятельно не решился бы на подобный шаг, «если бы не чувствовал за собой какую-то поддержку» [24, л. 37 об.]. Подобной же версии причастности обкома придерживался и ответственный секретарь Тагильского райкома партии Нохрин: «По-моему, Харитонов имеет поддержку со стороны отдельных работников в аппарате обкома, иначе он не мог бы написать такой докладной записки одной собственной рукой» [24, л. 38]. Кандидат в члены бюро окружкома Родионов высказал мнение, что Харитонов стремился нанести удар не только по Надеждинской организации, но и по всей окружной организации и здесь также не обошлось без руки из области: «Харитонов не мог писать без соответствующей поддержки со стороны кого-то из области». Представитель бюро окружкома Дуревский предположил, что целью Харитонova было «сделать перестановку в работниках и в самом руководящем аппарате райкомов и окружкома». Член Центральной контрольной комиссии ЦК ВКП (б) П. Е. Антонов пожаловался, что на Надеждинскую организацию «в последнее время стали весить всех собак» и считал, что акция Харитонova спланирована редакцией «Уральского рабочего» [24, л. 38 об.].

Таким образом, подавляющее число членов окружного руководства придерживалось теории заговора со стороны обкома. Практически все выступления представителей тагильской организации имели обвинительный уклон в отношении Харитонova и защитный в отношении своего патрона Масленникова. Пожалуй, единственным, кто выступил против обвинительной линии, был член бюро Тагильского окружкома ВКП (б) Шапурин. Разделяя точку зрения товарищей на неправоту Харитонova касательно правого уклона,

он поставил под сомнение выводы комиссии, заявив: «Я бы со своей стороны не сделал того, чтобы голосовать за материалы комиссии, так как комиссия приняла защитную сторону, надо материал переделать, надо проверить некоторые моменты. <...> Надо резче сказать о тех недостатках, которые имеют место в организации» [24, л. 39]. В результате выступление Шапурина не было внесено в итоговый протокол заседания, а за высказанную особую точку зрения, которая шла вразрез с общей позицией остальных окружных работников, он подвергся проработке со стороны руководящих тагильских товарищей, цель которой состояла в том, чтобы заставить его отказаться от этой позиции.

В конце заседания бюро окружкома было принято постановление, утвердившее выводы комиссии. Была отмечена правильность и своевременность выступления Масленникова по вопросу о правой опасности. Бюро окружкома обратилось к областной контрольной комиссии с просьбой привлечь к партийной ответственности Харитонов «за клевету на Надеждинскую организацию и на т. Масленникова» [24, л. 40].

Участовавший в заседании бюро Тагильского окружкома Шверник занял примирительную позицию, выбрав для себя роль третейского судьи. С одной стороны, он встал на защиту корреспондента: «Харитонов является одним из лучших сотрудников “Уральского рабочего”, но допускаю, что и у него имеется тот же недостаток, что и у некоторых корреспондентов — погоня за сенсацией» [19, л. 58]. С другой стороны, он успокоил окружное руководство, заявив, что в Надеждинской организации гнойника нет, а также он не считает, что Масленников не ведет борьбу с правым уклоном и вопрос о его снятии не стоит в повестке дня: «Тов. Масленников является у нас лицом, которое может руководить и которому обком партии доверяет руководить организацией» [24, л. 40].

На состоявшейся после заседания бюро окружкома VII окружной партийной конференции партийный актив вел себя достаточно вызывающе по отношению к областному руководству, выражая свое несогласие с его действиями, хотя Шверник пытался, как мы видели, проводить гибкую политику, дипломатично стараясь не обострять ситуацию. Однако переломить недовольство в отношении обкома не удалось. Тагильские партийцы демонстративно не приветствовали руководителя Уралобкома ВКП (б) Н. М. Шверника, оказав ему довольно прохладный прием. И в то же время участники конференции устроили теплый прием (выкрики, аплодисменты) своему секретарю окружкома И. Ф. Масленникову. Атмосферу, царившую на конференции вокруг Масленникова, описал присутствовавший на ней тагильский работник: «На окрпартконференции некоторым вождям устраивали овации, кричали “ура”. <...> От таких акций маленьким вождям надо в дальнейшем отказаться» [26, л. 15]. Исследовавшие феномен формирования культа местного партийного вождя О. Л. Лейбович и А. А. Колдушко [10] относили его зарождение к середине 1930-х годов, но, видимо, первые ростки культовых практик появляются уже в конце 1920-х.

В резолюции окружной конференции по докладу Масленникова политическая линия окружкома была полностью одобрена, а его работа признана вполне удовлетворительной. Конференция констатировала, что партийная организация «атаку троцкистов в округе» отбила и вела решительную борьбу с троцкистскими элементами. Правый уклон и теория примиренчества также получили «резкое осуждение всей парторганизации» [26, л. 3].

Выслушав решение тагильского руководства, Шверник сообщил, что выводы окружной комиссии приняты им к сведению, но окончательное решение будет принято после обсуждения вопроса на заседании бюро обкома партии: «...можете принимать какое угодно решение — это дело ваше, если ездили и обследовали; но мы будем разбирать этот вопрос в обкоме <...> мы этот вопрос поставим на бюро обкома независимо от той записки, которая была и расследуем это дело» [23, л. 115].

Совместное заседание Уралобкома ВКП (б) и областной контрольной комиссии, на которое было приглашено и окружное руководство, состоялось 11 января 1929 года. На этом заседании результаты своего расследования огласили член московской комиссии Н. А. Филатов и представитель обкома партии А. Т. Попков. Их выводы оказались прямо противоположными выводам окружной комиссии. Ее выводы и методы работы областные и московские проверяющие подвергли серьезной критике. По их мнению, деятельность окружной комиссии изначально была ангажированной, а в ее выводах доминировала обвинительная риторика в отношении Харитонов и просматривалось стремление «замазать» имеющиеся недостатки. По действиям членов комиссии было понятно, что «беспристрастности у комиссии не будет» [23, л. 20].

На заседании представители обкома партии выступили с критикой позиции Тагильского окружкома, занятой им в ходе расследования «надеждинского дела», и в целом линии поведения Тагильского окружкома в отношении обкома партии, признав ее неприемлемой и недопустимой. Заведующий агитационно-пропагандистским отделом обкома А. Н. Гусев и заместитель заведующего орготделом обкома М. Ф. Маркус отметили сходство действий тагильского руководства в этом деле с «кушвинским делом» весны 1928 года, когда все его силы были брошены на защиту Кушвинского райкома партии и попытку обелить себя (см. подробнее: [5]). В результате благодаря подобным методам руководства со стороны окружкома приходится после «кушвинского дела» слушать «надеждинское дело» [23, л. 72, 94]. Шверник указал на нечистоплотность и недобросовестное поведение окружного руководства в расследовании «надеждинского дела» [23, л. 112–114], а также призвал тагильское руководство прекратить конфронтацию с обкомом партии и наладить с ним нормальные взаимоотношения [23, л. 115a]. Руководитель обкома также заметил, что тагильские товарищи болезненно реагируют на любые статьи в «Уральском рабочем» об их округе. В этом же ключе высказался ответственный редактор газеты Д. Г. Тумаркин, отметивший что «за последнее время со стороны отдельных товарищей имеется очень много нападок» на областную

газету [23, л. 78]. Он встал на защиту своего корреспондента, обвиненного в том, что он якобы был послан редакцией в Надеждинск по специальному заданию обкома с целью получения компромата, и заявил, что угроза со стороны Петрова набить ему морду — это «политический бандитизм» [23, л. 80].

Окончательное решение областных властей оказалось не в пользу тагильцев. Симанов был снят с должности секретаря Надеждинского райкома ВКП (б), а Реутов — с должности помощника директора Надеждинского завода [25, л. 32–33]. Снятого Симанова сначала планировали назначить заместителем начальника «Богомолстроя» [29, л. 108], однако затем решение было пересмотрено и он был направлен на работу заместителем директора Алапаевского завода [29, л. 159]. В отношении Масленникова и Петрова постановили «предрешить вопрос» об их снятии и «поставить этот вопрос на решение ЦК» [25, л. 30, 32]. По Петрову положительное решение от Москвы было получено, и 28 января 1928 года он был снят с должности председателя Тагильского окрисполкома с предоставлением месячного отпуска [29, л. 29], а затем назначен начальником «Березникхимстроя» [28, л. 2 об.]. Таким образом, по существовавшей тогда практике проштрафившихся партийно-советских функционеров переводили на хозяйственные должности.

Судьбу Масленникова в итоге также решила Москва, и в конце марта 1929 года он и директор Надеждинского завода Маврин были сняты со своих должностей [26, л. 29; 29, л. 159]. Короткое время, с июня по август 1929 года, И. Ф. Масленников занимал должность инструктора Уральского обкома ВКП (б), а затем стал слушателем Всесоюзной промышленной академии им. И. В. Сталина. На этом партийная карьера Масленникова завершилась, в дальнейшем он занимал должности по хозяйственной линии.

Были подвергнуты наказанию и другие участники Надеждинского дела. Материалы на членов окружной комиссии А. Н. Вавуленко и П. Е. Антонова были переданы на рассмотрение областной контрольной комиссии. Решением президиума комиссии от 21 февраля 1929 года. Вавуленко получил выговор, Антонову было поставлено на вид, а о его поведении решено «довести до сведения ЦКК ВКП (б)» [28, л. 15 об.].

Таким образом, в «надеждинском деле» отразилась политическая повседневность местной партийно-советской номенклатуры конца 1920-х годов, характер ее взаимоотношений с вышестоящими партийными организациями. Окружное руководство продемонстрировало способность противопоставлять себя областной и центральной властям, вступать с ними в полемику и отстаивать свои позиции, если затрагивались его интересы или ущемлялись властные компетенции. В связи с этим в значительной степени причиной снятия с должностей фигурантов дела были не выявленные изъяны в работе Надеждинского райкома, а линия поведения в конфликтной ситуации, выбранная окружными ответственными работниками, их эмоциональная реакция и противодействие расследованию со стороны вышестоящих партийных структур.

Показательным является также пример отношения к самокритике и публичной критике в прессе со стороны низовой партийно-советской номенклатуры. Он демонстрирует, что, формально выполняя требования вышестоящих партийных инстанций, местное руководство имело широкие возможности для интерпретации этих установок и распоряжений в выгодном для себя свете и минимизации их негативных издержек.

Список литературы

1. Авторханов А. Технология власти. М.: Русский шахматный дом, 2019. 624 с.
2. Брянцев М. В. «Уроки Октября» Л. Д. Троцкого и борьба в верхах. Представления населения 1920-х гг. // Вестник архивиста. 2019. № 2. С. 467–479. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2019-2-467-479>
3. Воробьев С. В. Партийный лидер Урала М. М. Харитонов во внутрипартийной борьбе и интригах первой половины 1920-х годов // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2017. № 4. С. 35–49.
4. Воробьев С. В. Случай Н. М. Шверника: конфликт в руководстве Уральской области в 1927–1928 гг. // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2019. № 3 (35). С. 36–46.
5. Воробьев С. В. «Кушвинское дело»: повседневная жизнь районной партийной номенклатуры в конце 1920-х годов // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2020. № 3 (39). С. 24–40. <https://doi.org/10.25688/2076-9105.2020.39.3.03>
6. Воробьев С. В. И. Д. Кабаков против Н. М. Шверника: борьба двух «варягов». Конфликт в Уральской области в 1928–1929 гг. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета: электронный научный журнал. 2019. № 4. С. 112–122.
7. Душенко К. История знаменитых цитат. М.: КоЛибри, 2018. 704 с.
8. Киш Г. Расследуйте Надеждинское дело! Удар по самокритике. «Мы ему дадим по морде» // Комсомольская правда. 1928. 28 декабря. С. 2.
9. Колчанова Ю. С. «Не склочник и не группировщик. Хороший организатор»: казус С. П. Мартыненко // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2017. № 4 (39). С. 92–100. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2017-4-92-100>
10. Лейбович О., Колдушко А. А жертвы кто? Культурные практики местной номенклатуры до большого террора // Ретроспектива. Пермский историко-архивный журнал. 2008. № 1 (6). С. 15–23.
11. Малахов Р. А., Перебинос Ю. А. Вологодское чиновничество 1918–1930-х годов // Вологда: краеведческий альманах. Вологда, 2003. Вып. 4. С. 137–189.
12. Морозова Т. И. «Не сумел объединить и мобилизовать основную руководящую группу». Выступление партийных руководителей Сибири против Р. И. Эйхе. 1930 г. // Исторический архив. 2013. № 3. С. 49–80.
13. Морозова Т. И. Конфликт в Бурят-Монгольском обкоме РКП (б): формальные и неформальные практики борьбы за власть (март – ноябрь 1925 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 142–153. <https://doi.org/10.17223/15617793/426/18>
14. Морозова Т. И. Схватка в партийно-советской элите Сибири 1930 года: провал заговора против Р. И. Эйхе // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2014. № 3. С. 137–152.

15. Олех Г. Л. Партийная машина РКП (б) в начале 20-х гг.: устройство и функционирование. Новосибирск: Новосиб. гуманитар. ин-т, 1995. 144 с.
16. Перебинос Ю. А. Вологодское чиновничество в конце 1920-х годов // Вологда: краеведческий альманах. Вологда, 2000. Вып. 3. С. 147–159.
17. Писаренко К. А. Тридцатилетняя война в Политбюро. 1923–1953. М.: Вече, 2006. 368 с.
18. Роговин В. З. Власть и оппозиции. М.: Тов-во «Журнал “Театр”», 1993. 400 с.
19. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 69. Д. 615.
20. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 678.
21. Сталин И. С. Политический отчет ЦК // XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б): стенографический отчет. М.; Л.: Госиздат, 1928. С. 38–82.
22. Фостер У. З. Очерки мирового профсоюзного движения: пер. с англ. М.: Профиздат, 1956. 770 с.
23. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 7. Д. 19-а.
24. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 24.
25. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 33.
26. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 157.
27. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 168.
28. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 24. Д. 1732.
29. ЦДООСО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1081.
30. Чистиков А. Н. Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада Советской России 1920-х гг. СПб.: Европейский Дом, 2007. 292 с.
31. Шабалин В. В. «Закулисная политика» (к истории внутривнутрипартийных конфликтов на Урале в 1920-х гг.) // Пермская элита: становление, развитие, современное состояние: материалы интернет-конференции, январь – март 2003 г. / под общ. ред. В. П. Мохова. Пермь: Перм. гос. техн. ун-т, 2003. URL: http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod_id=29&pod3_id=259 (дата обращения: 29.09.2021).
32. Шабалин В. В. «Как и полагалось, жизнью района руководит Круглов...» (конфликты и конвенции в среде партийно-советской бюрократии 20-х гг.) // Разрывы и конвенции в отечественной культуре: [монография] / [под ред. О. Л. Лейбовича; М-во культуры РФ, Пермский гос. ин-т искусства и культуры, Центр культурологических исслед. Пермь: ПГИК, 2011. С. 88–104.
33. Шабалин В. В. «Склока» как способ саморегуляции районной элиты в 1920-е годы // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2013. Вып. 2 (22). С. 159–166.
34. Harris Ja. The Bolshevik Party Transformed: Stalin's Rise to Power (1917–1927) // *Quaestio Rossica*. 2017. Т. 5. № 3. С. 693–707. <https://doi.org/10.15826/qr.2017.3.245>
35. Takala I. R. «Love live comrade Trotskii!» The discourse on the intra-party opposition in the documents of the OGPU // *Canadian-American Slavic Studies*. 2019. Т. 53. № 1–2. P. 121–148. <https://doi.org/10.1163/22102396-05301008>

References

1. Avtorkhanov, A. (2019). *Tekhnologiya vlasti [Technology of Power]*. Moskva: Russkii shakmatnyi dom (in Russian).
2. Bryantsev, M. V. (2019). «Uroki Oktiabria» L. D. Trotskogo i bor'ba v verkhakh. Predstavleniia naseleniia 1920-kh gg. [«Lessons of October» by L. D. Trotsky and the Struggle at the Top. Representations of the Population of the 1920s.]. *Vestnik Arkhivista [Herald of an Archivist]*, 2, 467–479. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2019-2-467-479> (in Russian).
3. Vorob'ev, S. V. (2017). Partiinyi lider Urala M. M. Kharitonov vo vnutripartiinoi bor'be i intrigakh pervoi poloviny 1920-kh godov [Party Leader of the Urals M. M. Kharitonov in the Internal Party Struggle and Intrigues of the First Half of the 1920s]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki [MCU Journal of Historical Studies]*, 4, 35–49 (In Russian).
4. Vorob'ev, S. V. (2019). Sluchai N. M. Shvernika: konflikt v rukovodstve Ural'skoi oblasti v 1927–1928 gg. [The case of N. M. Shvernik: the Conflict in the Leadership of the Ural Region in 1927–1928]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki [MCU Journal of Historical Studies]*, 3 (35), 36–46 (in Russian).
5. Vorob'ev, S. V. (2020). «Kushvinskoe delo»: povsednevnaia zhizn' raionnoi partiinoi nomenklatury v kontse 1920-kh godov [“Kushvinsky Case”: Everyday Life of the District Party Nomenclature in the Late 1920s.]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki [MCU Journal of Historical Studies]*, 3 (39), 24–40. <https://doi.org/10.25688/2076-9105.2020.39.3.03> (in Russian).
6. Vorob'ev, S. V. (2019). I. D. Kabakov protiv N. M. Shvernika: bor'ba dvukh «variagov». Konflikt v Ural'skoi oblasti v 1928–1929 gg. [I. D. Kabakov vs N. M. Shvernik: the Struggle of Two «Varangians». The Conflict in the Ural Region in 1928–1929]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta: Elektronnyi nauchnyi zhurnal [Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal]*, 4, 112–122 (in Russian).
7. Dushenko, K. (2018). *Istoriia znamenitykh tsitat [History of Famous Quotes]*. Moskva: KoLibri (in Russian).
8. Kish, G. (1928). Rassleduite Nadezhdinskoe delo! Udar po samokritike. «My emu dadim po morde» [Investigate the Nadezhdinsky Case! A Blow to Self-Criticism. “We’ll Punch Him in the Muzzle”]. *Komsomol'skaia Pravda [Komsomolskaya Pravda]*, December 28, 2 (in Russian).
9. Kolchanova, Yu. S. (2017). «Ne sklochnik i ne gruppirovshchik. Khoroshii organizator»: kazus S. P. Martynenko [«Not a Squabblor and not a Grouper. A Good Organizer»: Case of S. P. Martynenko]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriiia [Perm University Herald. History]*, 4 (39), 92–100. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2017-4-92-100> (in Russian).
10. Leibovich, O., & Koldushko, A. (2008). A zhertyv kto? Kul'tovyie praktiki mestnoi nomenklatury do bol'shogo terrora [And Who are the Victims? Cult Practices of the Local Nomenclature Before the Great Terror]. *Retrospektiva: Permskii istoriko-arkhivnyi zhurnal [Retrospective: Perm Historical and Archival Journal]*, 1 (6), 15–23 (in Russian).
11. Malakhov, R. A., & Perebinos, Yu. A. (2003). Vologodskoe chinovnichestvo 1918–1930-kh godov [Vologda officialdom of 1918–1930-ies]. *Vologda: Kraevedcheskii al'manakh [Vologda: Local History Almanac]*, 4, 137–189 (in Russian).

12. Morozova, T. I. (2013). «Ne sumel ob"edinit' i mobilizovat' osnovnuiu rukovodiashchuiu grupp». Vystuplenie partiinykh rukovoditelei Sibiri protiv R. I. Eikhe. 1930 g. [“Failed to Unite and Mobilize the Main Leadership Group”. Speech of the Party Leaders of Siberia Against R. I. Eikhe. 1930]. *Istoricheskii arkhiv [Historical Archive]*, 3, 49–80 (in Russian).
13. Morozova, T. I. (2018). Konflikt v Buriat-Mongol'skom obkome RKP (b): formal'nye i neformal'nye praktiki bor'by za vlast' (mart – noiabr' 1925 g.) [The Conflict in the Buryat-Mongolian Regional Committee of the RCP (b): Formal and Informal Practices of the Struggle for Power (March – November 1925)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*, 426, 142–153. <https://doi.org/10.17223/15617793/426/18> (in Russian).
14. Morozova, T. I. (2014). Skhvatka v partiino-sovetskoi elite Sibiri 1930 goda: proval zagovora protiv R. I. Eikhe [Skirmish in the Party-Soviet Elite of Siberia in 1930: the Failure of the Conspiracy Against R. I. Eikhe]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Istoriia [Herald of Tver State University. Series: History]*, 3, 137–152 (in Russian).
15. Olekh, G. L. (1995). *Partiinaia mashina RKP(b) v nachale 20-kh gg.: ustroistvo i funkcionirovanie [The Party Machine of the RCP (b) in the early 20s: Structure and Functioning]*. Novosibirsk: Novosibirskii humanitarnyi institut (in Russian).
16. Perebinos, Yu. A. (2000). Vologodskoe chinovnichestvo v kontse 1920-kh godov [Vologda Officialdom in the Late 1920s.]. *Vologda: Kraevedcheskii al'manakh [Vologda: Local History Almanac]*, 3, 147–159 (in Russian).
17. Pisarenko, K. A. (2006). *Tridtsatiletniaia voina v Politbiuro. 1923–1953 [The Thirty-Year War in the Politburo. 1923–1953]*. Moskva: Veche. (in Russian).
18. Rogovin, V. Z. (1993). *Vlast' i oppozitsii. [Power and opposition]*. Moskva: Tovari-shchestvo «Zhurnal “Teatr”» (in Russian).
19. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI) (n. d.) [Russian State Archive of Socio-Political History (RSASPH)]. F. 17. Op. 69. D. 615 (in Russian).
20. RGASPI (n. d.) [RSASPH]. F. 17. Op. 69. D. 678 (in Russian).
21. Stalin, I. S. (1928). Politicheskii otchet TsK [Political report of the Central Committee]. *XV s"ezd Vsesoiuznoi kommunisticheskoi partii (b): Stenograficheskii otchet. [XV Congress of the All-Union Communist Party (b): Verbatim report]* (pp. 38–82). Moskva; Leningrad: Gosizdat (in Russian).
22. Foster, W. Z. (1956). *Ocherki mirovogo profsoiuznogo dvizheniia [Essays on the World Trade Union Movement]*. Moskva: Profizdat (in Russian).
23. Centr dokumentacii obshhestvennykh organizacij Sverdlovskoi oblasti (CDOOSO) (n. d.) [Documentation Center for Public Organizations of the Sverdlovsk Region (DCPOSR)]. F. 4. Op. 7. D. 19-a (in Russian).
24. CDOOSO [DCPOSR]. F. 4. Op. 7. D. 24 (in Russian).
25. CDOOSO [DCPOSR]. F. 4. Op. 7. D. 33 (in Russian).
26. CDOOSO [DCPOSR]. F. 4. Op. 7. D. 157 (in Russian).
27. CDOOSO [DCPOSR]. F. 4. Op. 8. D. 168 (in Russian).
28. CDOOSO [DCPOSR]. F. 4. Op. 24. D. 1732 (in Russian).
29. CDOOSO [DCPOSR]. F. 9. Op. 1. D. 1081 (in Russian).

30. Chistikov, A. N. (2007). *Partiino-gosudarstvennaia biurokratiia Severo-Zapada Sovetskoi Rossii 1920-kh gg.* [*Party-State Bureaucracy of the North-West of Soviet Russia in the 1920s.*]. Sankt-Peterburg: Evropeiskii Dom (in Russian).
31. Shabalin, V. V. (2003). «Zakulisnaia politika» (k istorii vnutripartiinykh konfliktov na Urale v 1920-kh gg.) [“Behind-the-Scenes Politics” (on the History of Intra-Party Conflicts in the Urals in the 1920s)]. In V. P. Mokhov (Ed.). *Permskaia elita: stanovlenie, razvitie, sovremennoe sostoianie: materialy internet-konferentsii (ianvar’ – mart 2003)* [*Perm Elite: Formation, Development, Modern State: Materials of the Internet Conference, 2003, January – March*]. Perm’: Perm. gos. tekhn. un-t, 2003. Retrieved from http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod_id=29&pod3_id=259 (in Russian).
32. Shabalin, V. V. (2011). «Kak i polagalos’, zhizn’iu raiona rukovodit Kruglov...» (konflikty i konventsii v srede partiino-sovetskoi biurokratii 20-kh gg.) [“As Expected, the Life of the District is Led by Kruglov...” (Conflicts and Conventions in the Environment of the Party-Soviet Bureaucracy of the 20s)]. In O. L. Leibovich (Ed.). *Razryvy i konventsii v otechestvennoi kul’ture* [*Gaps and Conventions in Russian Culture*] (pp. 88–104). Perm’: PGIK (in Russian).
33. Shabalin, V. V. (2013). «Skloka» kak sposob samoregulatsii raionnoi elity v 1920-e gody [“Squabble” as a way of self-regulation of the district elite in the 1920s.]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriia* [*Perm University Herald. History*], 2 (22), 159–166 (in Russian).
34. Harris, Ja. (2017). The Bolshevik Party Transformed: Stalin’s Rise to Power (1917–1927). *Quaestio Rossica*, 3 (5), 693–707. <https://doi.org/10.15826/qr.2017.3.245>
35. Takala, I. R. (2019). «Love Live Comrade Trotskii!» The Discourse on the Intra-Party Opposition in the Documents of the OGPU. *Canadian-American Slavic Studies*, 1-2 (53), 121–148. <https://doi.org/10.1163/22102396-05301008>

УДК 94(571.54)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2021.43.3.3

Байкалов Николай Сергеевич

кандидат исторических наук, доцент

Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова

Россия, Улан-Удэ

E-mail: baikalov@bsu.ru; ORCID: 0000-0002-2511-9003

ФОРМИРОВАНИЕ СЕТИ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВЛИ И ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ В РАЙОНАХ СТРОИТЕЛЬСТВА БАМ (1974–1989)

Работа посвящена изучению истории строительства и материально-технического обеспечения предприятий торговли и общепита в районах сооружения Байкало-Амурской магистрали (БАМ) в период с 1974 по 1989 год. На основе анализа документальных источников центральных, региональных и муниципальных архивов, а также личных воспоминаний строителей в статье реконструирован процесс создания предприятий снабжения и их материально-технического оснащения, приведены показатели обеспеченности населения объектами торговой сети. Сделаны выводы об отставании темпов ее формирования, на что повлияли такие факторы, как отраслевой механизм управления стройкой, ошибки и просчеты проектировщиков, корректировки проектно-сметной документации, сокращение объемов финансирования, недостатки в планировании транспортно-логистической схемы. Подчеркивается, что система рабочего снабжения рассчитывалась на период строительства магистрали. Это повлияло на размещение объектов преимущественно во временных или приспособленных зданиях, которые после завершения комсомольской стройки не были организованно переданы в муниципальное ведение, подверглись частичному разорению и утрате.

Ключевые слова: Байкало-Амурская железнодорожная магистраль; всесоюзная комсомольская стройка; торговля; общественное питание; потребительская кооперация; система рабочего снабжения; котлопункты; автолавки.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 21-09-43043.

UDC 94(571.54)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2021.43.3.3

Nikolay S. Baikalov

PhD in History, Associate Professor

Banzarov Buryat State University

Russia, Ulan-Ude

E-mail: baikalov@bsu.ru; ORCID: 0000-0002-2511-9003

FORMATION OF TRADE AND PUBLIC FOOD ENTERPRISES IN THE CONSTRUCTION AREAS OF BAIKAL-AMUR RAILWAY MAINLINE (1974–1989)

The paper is devoted to the formation and material and technical equipment of the trade and public food enterprises in the construction areas of BAM during the period from 1974 to 1989. The author considers the main indicators of work supply facilities and population needs on the base of documentary and oral sources analysis. The number of the workers' supply enterprises was lower than the normative. The lag in their construction was influenced by such factors as the branch mechanism of construction management, miscalculations of designers, adjustments to design estimates, reduction in funding. The supply system was projected for the period of construction of the mainline. The objects were mainly placed in temporary or adapted buildings, which were not officially transferred to municipal jurisdiction after the completion of the BAM and partially ruined and lost.

Keywords: Baikal-Amur Railway Mainline; All-Union Komsomol construction; trade; catering and public food; consumer cooperation; workers' supply system; boiler points; autoshops.

Acknowledgments: The study was carried out with the financial support of the RFBR, project № 21-09-43043.

Введение

История торговли и общественного питания периода позднего социализма вызывает широкий интерес исследователей, продиктованный в первую очередь стремлением установить причинно-следственные связи между потреблением эпохи застоя и рыночной трансформацией постсоветского времени. Большинство современных работ по данной теме фокусируются на различных аспектах организации торгового обслуживания: культуре потребления [38], трудовой и бытовой повседневности работников торговли [24], злоупотреблениях работников торговли [36; 37], привилегированном снабжении отдельных групп населения и закрытых торговых системах [21] и др. При этом вопросы формирования инфраструктуры торговой отрасли, тщательно разрабатываемые советскими историками, в новейшей историографии отеснены на периферию исследовательских практик.

В настоящей работе рассмотрены особенности строительства и материально-технического обеспечения предприятий торговли и общественного питания

одного из крупнейших строительных проектов всесоюзного значения — Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (БАМ). Территориальные рамки исследования охватывают западный участок БАМа в границах, определенных ИЭОПП СО РАН, и включают Усть-Кутский и Казачинско-Ленский районы Иркутской области, Северо-Байкальский и Баунтовский (с 1989 г. — Муйский) — Бурятской АССР, Каларский — Читинской области. Хронологически исследование ограничено периодом осуществления всесоюзной ударной комсомольской стройки, на которую пришелся основной объем работ по сооружению магистрали с 1974 по 1989 г.

Эмпирическую базу исследования составили материалы центральных, региональных и муниципальных архивов районов, пересеченных трассой БАМа. В выявленном комплексе документов основное место принадлежит организационно-распорядительной и отчетной документации служб рабочего снабжения Минтрансстроя СССР, районных, городских и поселковых советов народных депутатов, а также партийных, комсомольских и профсоюзных организаций. Наряду с архивными документами в работе были использованы воспоминания и рассказы бывших строителей, собранные автором в ходе полевых работ в городах и поселках западного участка БАМа.

Ход и результаты исследования

Трасса БАМа протянулась с запада на восток более чем на три тысячи километров, пройдя через северные территории шести регионов страны. По замыслу проектировщиков новая магистраль должна была разгрузить Транссиб, сократить расстояние транзитных грузоперевозок к тихоокеанским портам, а также открыть доступ к минерально-сырьевым базам северных территорий страны. На сооружение железной дороги съехались трудовые мигранты с разных концов СССР. По подсчетам историков, за полтора десятилетия только на западном участке побывало полтора – два миллиона рабочих [22, с. 59].

Система рабочего снабжения транспортных строителей формировалась в сложных условиях районов, приравненных к Крайнему Северу, для которых были характерны низкая плотность населения, удаленность от индустриально развитых центров, неудовлетворительное состояние путей сообщения, очаговая организация хозяйства и пр. На первых порах обслуживание рабочих было возложено на потребительскую кооперацию, занимавшую более 70 % в товарообороте районов строительства магистрали. Остальные 30 % принадлежали ведомственным системам снабжения геологов, леспромхозов и предприятий других отраслей народного хозяйства. С развертыванием строительных организаций БАМа численность населения притрассовых районов увеличилась в два – три раза. В первую очередь миграция коснулась иркутского участка БАМа. Например, за год в малонаселенный Усть-Кутский район прибыло

15 тыс. человек [5, л. 131]. Нагрузка на местные предприятия торговли и общепита усилилась. Во всех населенных пунктах возникали многочасовые очереди в столовые во время обеденного перерыва. На областном уровне заявки районных властей по увеличению продуктовых фондов, кроме круп, муки и сахара, не удовлетворялись по причине отсутствия необходимых объемов товарных запасов.

В условиях недостатка ресурсов местные власти предприняли ряд оперативных мер по стабилизации ситуации. Особое внимание уделялось выделению дополнительных товаров, что было обусловлено быстрым ростом населения и повышением в связи с этим спроса на продовольственные и промышленные товары. Только в 1974 году бурятским и читинским отделениям потребительской кооперации было выделено дополнительно товаров на сумму 21 млн руб., поставлено 5077 тонн картофеля, 2265 — овощей, 484 — корнеплодов, 556 — бахчевых [23]. За счет реконструкции имевшегося фонда было увеличено количество посадочных мест в столовых, некоторые предприятия переведены на полуторасменную работу. Были разработаны программы по развитию сельского хозяйства на северных территориях. В конце 1974 года Иркутский облисполком принял решение об организации в Казачинско-Ленском районе трех совхозов на базе реорганизации коопзверопромхоза и колхоза «Искра» «со строительством комплекса на 1300 коров, маслозавода и забойного пункта производительностью в три тонны в сутки» [2, л. 126]. В 1974 году Госкомтруд СССР и ВЦСПС отнесли районы стройки к «особому поясу по обеспечению работников теплой одеждой и спецобувью». В начале 1975 года Минтрансстрой подал заявку в Минторг РСФСР на приобретение валенок, меховых, овчинно-шубных и трикотажных изделий на сумму девять миллионов рублей. Госплан смог выделить лишь две трети требуемого объема теплых вещей для рабочих [26, л. 80].

Силами одной потребительской кооперации с маломощными предприятиями, ветхими помещениями, дефицитом специализированных транспортных средств и квалифицированных кадров обеспечить потребности растущего населения в торговом обслуживании и общепите было невозможно. Опыт более ранних социалистическихстроек подсказывал, что необходимо создание специализированной сети снабжения. При Минтрансстрое СССР было образовано три управления рабочего снабжения (УРС): «Ангарстрой», «Нижеангарсктрансстрой», «БАМстройпуть». Внутри каждого УРСа создавались отделы рабочего снабжения (ОРСы). Всего к середине 1980-х годов действовало около двух десятков ОРСов при строительномонтажных поездах, тоннельных отрядах и прочих предприятиях транспортных строителей.

Организация питания строителей и снабжение товарами первой необходимости первоначально осуществлялись через котлопункты, которые устраивались непосредственно на стройучастках в палатках или небольших домах. Обычно в таких помещениях располагались печь, самодельные столы и лавки. Деньги за питание рабочие не платили, ежемесячно стоимость стандартного

меню удерживалась из зарплат. Всего в первые три года было организовано 82 котлопункта на 1640 мест при общей численности строителей в 68 тыс. человек [27, л. 53]. Помимо обедов и ужинов в котлопунктах организовывались праздничные вечера, кинопоказы, концерты агитбригад, юбилеи и свадьбы. Таким образом, уже с первых лет котлопункты выполняли традиционные для предприятий советского общепита функции культурного и политического просвещения [35, с. 315–337]. По мере обустройства временных поселков многие котлопункты были реорганизованы в столовые. На отдаленных стройучастках и в вахтовых поселках котлопункты сохранялись вплоть до завершения строительного-монтажных работ и передислокации рабочих.

Оперативно обеспечивать строителей продуктами и промтоварами были также призваны закрепленные за каждым участком автолавки. По воспоминаниям бамовцев, с помощью таких магазинов на колесах можно было без очереди приобрести дефицитный товар: «Приходят к нам товары повышенного спроса, допустим, очень хорошие сапоги, унты, дубленки, шапки. Их выбрасывают, ну, то есть, продают в магазине. И покупает тот, кто сегодня находится в поселке. Но ведь много людей, которые находятся на трассе, они там живут в вагончиках прямо в тайге, приезжают только в выходные дни. Они заказывают, и к ним приезжает магазин-автолавка»⁷.

Одной из первоочередных задач УРСов являлась организация хлебопечения во временных поселках бамовцев. Из-за недостатка пекарен начались перебои в поставках хлебобулочных изделий, которые строители скупали крупными партиями. За 1974–1975 годы по УРСу «Ангарстрой» было введено в эксплуатацию семь пекарен общей мощностью 20 тонн в сутки, по УРСу «Нижнеангарсктрансстрой» — 10 пекарен на 26 тонн, по УРСу «БАМстрой-путь» — 11 пекарен на 33 тонны [30, л. 131; 32, л. 78]. Поставки хлеба осуществлялись не только на строительные участки, но и в школы, детсады, больницы и прочие социальные учреждения.

Стационарная сеть предприятий УРСов, включавшая магазины, столовые, склады, овощехранилища, холодильники, создавалась ускоренными темпами во второй половине 1970-х годов. В это время вдоль трассы было возведено свыше 60 временных поселков, а население только западного участка составляло около 112 тыс. человек. О масштабах развернувшейся торговой сети можно судить по объемам товарооборота, который увеличился с 78 млн рублей в 1975 до 344,7 млн рублей в 1980 году [29, л. 99]. Потребление на душу населения возросло на 30 %. Если по стране уровень потребления составлял 58 кг мяса и 233 штук яиц в год, то в районах БАМа — 70 и 330 соответственно [6, л. 42].

Высокие темпы роста сети рабочего снабжения достигались благодаря тому, что большинство предприятий располагалось во временных или приспособленных сооружениях, включая жилые вагоны, палатки, цистерны и дома

⁷ Полевые материалы автора (ПМА): интервью с бывшим руководителем СМП. Северобайкальск, 2004.

сборно-щитовых конструкций. Несмотря на это, на БАМе наблюдался постоянный дефицит производственных площадей предприятий торговли и общепита. На XI Профсоюзной конференции Дорпрофсожа восточносибирских транспортных строителей, проходившей в декабре 1984 года, отмечалось, что обеспеченность столовыми по тресту «Ангарстрой» составляла 54,6 %, магазинами — 75,6 %, складскими помещениями — 60,2 % [9, л. 63–64]. По УРСу «Нижнеангарсктрансстрой» обеспеченность предприятиями общепита составляла 35 %, торговыми площадями — 45 %, общетоварными складами — 49 % [31, л. 57].

Наиболее сложная ситуация наблюдалась в общественном питании, развитие материально-технической базы которого осуществлялось, как правило, за счет ввода мелких временных сооружений с низкой пропускной способностью, не удовлетворяющей потребностей населения. Работник столовой ОРСа СМП-572 поселка Новый Уоян вспоминает: «Ой, насколько я помню, это страшно было! Я на работе с семи утра до девяти вечера. Все время был у нас народ. В обед, ой, это черная стена стояла. Народу было у нас вообще немерено!»⁸.

Районы стройки относились к территориям с высокой потребностью в питании, что было обусловлено суровыми климатическими условиями, возрастной структурой населения, в которой преобладала молодежь, спецификой трудовой деятельности, сопряженной с большим расходом физических сил на открытом воздухе. По расчетам экспертов, среднелюдиная потребность населения БАМа в питании составляла примерно 3300–3400 ккал в сутки, что на 10–13 % выше аналогичного показателя в РСФСР. Рассчитанные в ЦЭНИИ при Госплане РСФСР нормативы потребления основных продуктов питания предусматривали уровень, превышающий средние республиканские показатели по мясу, мясопродуктам и рыбе на 20 %, молоку — на 12 %, хлебу и сахару — на 10 % [12, с. 58–59].

Недостаток посадочных мест в столовых отрицательно сказывался на качестве обслуживания, что вызывало раздражение населения. В ходе социологического исследования, проведенного на центральном участке БАМа, выяснилось, что оценили работу предприятий общепита на отлично лишь 1,7 % опрошенных. Большинство респондентов (46,8 %) поставили оценку «удовлетворительно» [1, с. 112–114]. Еще более тревожные результаты показали опросы населения западного участка стройки, где доля удовлетворенных работой общественного питания составила 22,3 % [13, с. 85].

По архивным документам прослеживается недостаток складских помещений. Например, в Казачинско-Ленском районе Иркутской области в 1975 году к началу сезона засыпки картофеля подрядчик не сдал ни одного склада. В единственном на участке овощехранилище, расположенном в поселке Магистральном, было заморожено 2,5 тонны апельсинов и яблок, которые

⁸ ПМА: интервью с работником столовой. Новый Уоян, 2004.

перед новогодним праздником были доставлены вертолетом из Усть-Кута [3, л. 71]. На бурятском участке общая емкость овощехранилищ была рассчитана на 2,6 тыс. тонны при потребности в 8,7, холодильных установок — на 100 тонн вместо требуемых 660 [18, л. 12].

Динамика развития производственных мощностей УРСов в 1980-е годы отражена в таблице.

Наблюдаемое увеличение числа предприятий рабочего снабжения в этот период было связано с введением в эксплуатацию постоянных поселков железнодорожников, в типовых проектах которых предусматривались торгово-бытовые центры в капитальном исполнении с увеличенным количеством производственных площадей магазинов и пунктов общепита. Однако начиная с 1986 года денег на строительство социальных объектов выделялось меньше, чем предусматривалось проектом. В 1986 году было отпущено 349,4 млн рублей из запланированной суммы в 420 млн рублей, в 1987 — 379,7 из 411,8 [33, л. 10–11]. Минтрансстрой разработал график завершения строительства и ввода поселков в эксплуатацию, в соответствии с которым оставшиеся объекты намечалось завершить в 1990–1991 годы. К сожалению, из-за системного кризиса и последовавшего распада советского государства сроки их сдачи постоянно переносились. В итоге одна часть построек под торгово-бытовые центры была завершена в постсоветское время, другая превратилась в долгострой и со временем была заброшена и демонтирована. Таким образом, недостаток предприятий торговли и общепита сохранялся вплоть до пуска магистрали в постоянную эксплуатацию. В 1987 году обеспеченность трестов «Ангарстрой» и «ЛенаБАМстрой» магазинами составляла 61 %, овощехранилищами — 76 %, складами — 53 %. Обеспеченность посадочными местами в столовых колебалась в зависимости от населенного пункта от 36,7 % (Улькан) до 66,7 % (Усть-Кут) [10, л. 22]. На бурятском и читинском участках показатель обеспеченности столовыми и буфетами равнялся 81 %, торговыми предприятиями — 73,9 %, общетоварными складами — 41,6 %, овощехранилищами — 74,7 %, холодильниками — 64,4 %, пекарнями — 45,4 % [34, л. 36–37].

Можно выделить несколько основных причин запаздывания в возведении объектов торговли и общественного питания. В первую очередь задержки в жилищно-гражданском строительстве были вызваны несовершенством планово-финансовых механизмов. Первоначальный проект строительства магистрали, рассчитанный на девять лет, был ориентирован преимущественно на вахтовый метод работы с минимальными расходами на обустройство рабочих поселков. Однако по мере развертывания работ обнаружилось много неучтенных проектировщиками особенностей региона (природно-географических, геологических, социально-экономических, демографических и прочих), обусловивших корректировку планов и, как следствие, затягивание строительства. В результате расходы на временные здания и сооружения возросли в несколько раз. К 1979 году по «ГлавБАМстрою» было израсходовано свыше 60 % лимита на временные объекты при технической готовности стройки в 26 %.

В ходе сооружения БАМа постоянно происходили столкновения сторонников двух подходов к управлению стройкой — отраслевого и территориального. Первый был ориентирован на добычу минеральных ресурсов и экспорт сырья при минимальных затратах на развитие местной инфраструктуры. Представители второго выступали за комплексное развитие региона. По мнению немецкого историка Й. Грюцмахера, в результате долгих прений победили сторонники отраслевого подхода [39, с. 201]. В итоге сложилась ситуация, когда участвовавшие в строительстве министерства и ведомства концентрировались на выполнении своих плановых показателей, не особо заботясь о проекте в целом. Нередко они принимали несогласованные и даже противоречащие друг другу решения. Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР № 798 «О мерах по обеспечению строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали» (1978) предусматривалось часть выделенных на временные сооружения средств перенаправить на строительство объектов соцкультбыта в постоянном исполнении. Через год Госстрой СССР принимает решение передать из временной сметы свыше 70 млн рублей на строительство тоннелей. В результате заказчик в лице МПС был вынужден ликвидировать образовавшийся дефицит путем перераспределения средств между различными участками стройки [28, л. 49]. Это позволило завершить ряд временных объектов на иркутском участке, где основной фронт работ по сооружению магистрали был близок к завершению. Однако бурятский и читинский участки, на которых строительство находилось в самом разгаре или только начинало разворачиваться, остались практически без средств на временное обустройство рабочих. К концу 1979 года на временные объекты по бурятскому участку было потрачено 70 из запланированных 72 млн рублей [17, л. 224–225]. Таким образом, осуществлялось стихийное перераспределение средств между производственным и непроизводственным строительством в пользу первого.

С конца 1976 года объемы инвестиций в стройку были сокращены, несмотря на расширение строительных работ. В 1978–1979 годах строительство не относящихся непосредственно к железной дороге объектов, включая предприятия торговли и общественного питания, было ограничено [40, с. 99]. При пересмотре основного проекта строительства в 1987 году из него вновь было исключено большое число объектов социальной сферы. По данным иркутского историка Г. П. Власова, около 40 % объектов жилья и соцкультбыта терялось из-за отсутствия типовых проектов [15, с. 60].

Следствием перебоев в финансировании являлись многократные корректировки проектно-сметной документации на возведение отдельных объектов. Долг генпроектировщиков постоянно увеличивался. Например, за первые пять лет только по бурятскому участку Сибгипротранс задолжал документацию более чем на 12 млн рублей [17, л. 226].

Кроме того, наблюдались перебои в поставках стройматериалов, что также тормозило возведение предприятий торговли и общепита. По требованию

Стройбанка, в строительстве временных объектов должны были использоваться только сборно-щитовые конструкции, которые часто не выдерживали долгой транспортировки и поступали на участки бракованными. Задержка запуска Шимановского комбината железобетонных изделий не позволяла своевременно выполнять планы по вводу объектов в постоянном исполнении.

В результате вместо рационально организованных городских поселений с высоким уровнем благоустройства и максимальными удобствами для населения на БАМе сформировались «ведомственные разрозненные и недостаточно благоустроенные поселки» [20, с. 158]. Каждое строительное предприятие возводило свой микрорайон для размещения рабочих с собственной системой коммунальных сетей, ведомственными объектами социальной и культурной инфраструктуры. Вместе с тем специалисты признают, что примат производственных интересов над социальными при строительстве БАМа был менее выраженным, чем на предшествовавших социалистических стройках Сибири и Дальнего Востока. МПС добивался включения в проекты дополнительных объектов социальной сферы. Вместо норматива Госстроя СССР в 18 % доля непромышленного строительства в проектах была увеличена до 21,4 %, а фактически в отдельные годы доходила до 25–35 % [25, с. 71–72].

Материально-техническая база ОРСов находилась в крайне неудовлетворительном состоянии даже по меркам района нового освоения. В магазинах отсутствовали места для размещения и показа товаров, специализированные хранилища, разделочные и фасовочные цеха и др. Из-за нехватки подсобных помещений многие магазины закрывались на продолжительное время для приемки товаров. Большинство холодильников и холодильных витрин из-за ненадлежащих условий транспортировки и эксплуатации (например, перебои с электро- и теплоснабжением), быстро выходили из строя. Продавцы были вынуждены осуществлять фасовку и хранение товаров в проходах и коридорах с нарушениями товарного соседства и несоблюдением температурного режима. В холодное время года работникам приходилось стоять за прилавком в верхней одежде. Стройка забирала мужскую рабочую силу, поэтому ОРСы испытывали хронический дефицит грузчиков. В итоге разгрузка-приемка товаров превращалась в обязанность продавцов, преимущественно женщин.

Не в лучших условиях трудились работники общепита и снабжающих организаций. В пекарнях и столовых часто не работали нагревательное оборудование, системы вентиляции, душевые, канализация. Например, архивные документы следующим образом характеризуют столовую поселка Звездного — места дислокации Всесоюзного комсомольского отряда им. XVII съезда ВЛКСМ: «Полки и стены в обеденном зале покрыты плесенью, краска на окнах шелушится, выбиты стекла... Кроме того, не соблюдается вывозка мусора от столовой... иногда по четыре – пять дней не вывозят» [7, л. 158]. Характерной чертой баумовского общепита являлась нехватка посуды. По воспоминаниям очевидцев,

посетители столовых приносили с собой кастрюльки, чтобы сократить время ожидания освободившейся посуды⁹.

Большинство зданий, в которых размещались предприятия рабочего снабжения, были выполнены по временным проектам, рассчитанным на 25-летний срок эксплуатации. Однако, учитывая экстремальные климатические условия районов стройки, сжатые сроки монтажа, низкое качество стройматериалов и амортизацию, нормативный срок их использования сократился, и уже через три – пять лет после ввода многие постройки нуждались в капитальном ремонте. Наиболее типичные проблемы были связаны с некачественным проведением сантехнических или отделочных работ, отсутствием или износом необходимого утепления помещений, затоплением подвалов сточными или грунтовыми водами, различными повреждениями и течами кровли, полов, стен и т. д.

С середины 1980-х годов предприятия рабочего снабжения начали массово выходить из строя. На иркутском участке стройки практически все объекты УРСа «Ангарстрой» нуждались в ремонте. В 1983 году план капремонта по торговым предприятиям трестов «ЛенаБАМстрой» выполнен только на 43 %, «Ангарстрой» — на 34 % [8, л. 107]. По мере завершения строительного-монтажных работ руководители начинали готовить свои коллективы к передислокации и теряли интерес к дальнейшему обустройству поселков. В 1985 году председатель Казачинско-Ленского райисполкома в своем докладе сетовал: «Имеющиеся овощехранилище, склады, пекарни, магазины строителей уже пришли или приходят в негодность, а строить или восстанавливать их никто, по-моему, не собирается, руководители поездов и мостотряда заняли в этом деле иждивенческую позицию» [4, л. 160].

Большие сложности в развитии снабжения строителей были вызваны отсутствием дорог и проблемами создания погрузочно-разгрузочной инфраструктуры. Северные территории, по которым пролегла трасса БАМа, были связаны с региональными центрами преимущественно авиалиниями. Первоначально в 1975 году перевалочная база с продовольственным и промтоварным складами и четырьмя автомашинами была организована на станции Лена (Усть-Кут), имевшей постоянное железнодорожное сообщение с Транссибом через Тайшет.

Из Усть-Кута доставка грузов осуществлялась на иркутский и бурятский участки стройки. Одновременно с отсыпкой полотна под железнодорожные пути сооружались временные автомобильные дороги, которые использовались для грузоперевозок. В теплое время года переезды занимали длительное время, так как наспех проложенные пути часто размывались паводками и горными реками. Задержки также нередко были вызваны паромными переправами, организованными на время строительства мостов. УРСам хронически не хватало автотранспорта. По отдельным автобазам количество нуждавшихся в ремонте машин составляло более 60 %. Из-за этого многие ОРСы использовали рабочую технику строительных предприятий. Такие машины не подвергались

⁹ ПМА: интервью с учителем средней школы. Новый Уоян, 2004.

специальной санобработке и осуществляли перевозку продуктов с нарушением установленных норм: в открытой таре, без обеспечения необходимого температурного режима и т. д.

Для организации грузоперевозок на север Бурятии активно использовалась навигация Восточно-Сибирского пароходства. На железнодорожной станции Таловка Кабанского района Бурятской АССР была организована перевалочная база, через которую грузы с Транссиба переправлялись баржами по Байкалу в Северобайкальск. Часть грузов доставлялась автомобильным транспортом из Улан-Удэ до порта в Усть-Баргузине. В зимнее время использовалась ледовая дорога по Байкалу, которую специально укрепляли дополнительной заливкой льда.

Имевшийся на автобазах УРСов автотранспорт не справлялся с перевозкой товаров, что приводило к затовариванию складов и перевалочных баз. Так, на перевалочных базах в Усть-Баргузине скопилось 1790 тонн продовольственных товаров, в Таловке — промтоваров на общую сумму 2,5 миллиона рублей. Грузы складировались под открытым небом, что нередко приводило к порче содержимого [19, л. 47].

Для перевозки грузов использовались завершённые участки железной дороги. В августе 1977 года первый поезд пришел на станцию Киренга, где дислоцировался ОРС СМП-391. Однако вопрос о строительстве складов и о подведении рельсов к торговой базе не получил оперативного решения. В феврале 1978 года железная дорога была доведена до Улькана, куда переместился перевалочный пункт рабочего снабжения. Из-за неравномерной отгрузки товаров поставщиками на станции скапливались большие партии грузов. Простои вагонов влекли за собой штрафные санкции и прочие издержки. В марте 1978 года в Улькан была направлена комиссия, результатом работы которой стал приказ о создании на станции перевалочной базы, включавшей железнодорожный тупик и склад на 720 кв. м [16, л. 6–7]. Между тем 28 октября 1978 года первый поезд пришел на Даван, а через год — в Северобайкальск, и обустройство ульканской базы утратило актуальность. С открытием сквозного рабочего движения по трассе в 1984 году транспортная логистика ведомственной системы торговли Минтрансстроя улучшилась, хотя трудности с обустройством торговых баз и перевалочных пунктов сохранялись до завершения строительства магистрали.

Недостатки материального обустройства и технического обеспечения руководство стройки компенсировало широким ассортиментом товаров повышенного спроса, в который входили импортные одежда и обувь, бытовая техника и электроника, мебель, посуда, а также дефицитные продукты питания. Система рабочего снабжения новых поселений притрассовой зоны БАМа напоминала специальное торговое обеспечение закрытых административных территорий в СССР, научных, ядерных, ресурсных или военных центров, которые в 1960–80-е гг. являлись «искусственно созданными островками изобилия в системе плановой советской экономики» [14, с. 127]. По воспоминаниям участников

и современников ударной комсомольской стройки, товарное обеспечение было настолько разнообразным, что привлекало жителей соседних регионов, организовывавших продуктовые и промтоварные десанты на БАМ. Выезжавшие в отпуск на Большую землю бамовцы обеспечивали своих друзей и родственников дефицитными продуктами и промтоварами [11, с. 130]. Привилегированный режим снабжения должен был не только выступать стимулом привлечения рабочих в зону строительства, но и служить способом закрепления новоселов в районах нового хозяйственного освоения.

Заключение

За 15 лет строительства БАМа на прилегающих территориях была сформирована широкая сеть предприятий торговли и общепита, представленная магазинами, столовыми, пекарнями, складами и базами различной специализации. Несмотря на высокие темпы развертывания, потребностей растущего населения региона она полностью не удовлетворяла. Судя по архивным документам, обеспеченность торговыми площадями и посадочными местами в предприятиях общественного питания была ниже нормативной в течение всего периода строительства. Планы по возведению объектов торговли и общепита регулярно не выполнялись, причинами чего являлись отраслевой механизм управления стройкой, ошибки и просчеты в работе проектировщиков, частые корректировки проектно-сметной документации и сокращение инвестиций в непроизводственное строительство, перебои в поставках строительных материалов и прочие факторы. Хотя данные негативные тенденции наблюдались в строительстве большинства социально-бытовых и культурных объектов БАМа, на наш взгляд, в торговой отрасли они проступали рельефнее, чем в здравоохранении, образовании или учреждениях культуры. Система рабочего снабжения планировалась как временная на период работы транспортных строителей, что определило такие особенности ее развития, как размещение в приспособленных или временных зданиях, высокую степень амортизации материальных ресурсов, слабую техническую оснащенность. Большая часть построек в постоянном исполнении, которые возводились для железнодорожников, оказалась к моменту пуска БАМа незавершенной. С окончанием строительных работ на железной дороге была осуществлена передислокация строительных организаций, что привело к оперативному свертыванию сетей УРСов. Данные процессы сопровождались нараставшими кризисными явлениями в экономике страны. В такой ситуации официальной организованной передачи временных зданий и сооружений Минтрансстроя СССР в ведение муниципалитетов не производилось. В результате материальный фонд предприятий рабочего снабжения подвергся стихийному разорению и был частично утрачен.

Список литературы

1. Аргудяева Ю. В. Труд и быт молодежи БАМа: настоящее и будущее. М.: Мысль, 1988. 174 с.
2. Архивный отдел администрации Казачинско-Ленского муниципального района Иркутской области (далее — АО КЛМР). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 321.
3. АО КЛМР. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 329.
4. АО КЛМР. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 470.
5. Архивный отдел администрации Усть-Кутского муниципального образования Иркутской области (далее — АО УКМО). Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 169.
6. АО УКМО. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 315.
7. АО УКМО. Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 104.
8. Архивный отдел организационно-контрольного управления аппарата администрации города Братска Иркутской области (далее — АОБ). Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 345.
9. АОБ. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 365.
10. АОБ. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 417.
11. Байкалов Н. С. «Заповедник советской власти»: производственная повседневность в нарративной памяти строителей БАМа // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 124–134. <https://doi.org/10.17223/15617793/453/15>
12. БАМ: строительство и хозяйственное освоение / под ред. А. Г. Аганбегяна, А. А. Кина, В. П. Можина. М.: Экономика, 1984. 144 с.
13. Белкин Е. В., Шереги Ф. Э. Формирование населения в зоне БАМ. М.: Мысль, 1985. 170 с.
14. Бородулина А. С. «Ресурсное проклятие» и стратегии жизнеобеспечения на острове Итуруп // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2. С. 124–141. <https://doi.org/10.17223/2312461X/20/7>
15. Власов Г. П. Социально-демографические процессы в новых районах освоения Сибири. Братск: БрГУ, 2014. 162 с.
16. Государственный архив республики Бурятия (далее — ГАРБ). Ф. П-3930. Оп. 1. Д. 2.
17. ГАРБ. Ф. П-8. Оп. 12. Д. 2.
18. ГАРБ. Ф. П-36. Оп. 13. Д. 105.
19. ГАРБ. Ф. Р-2002. Оп. 1. Д. 2.
20. Железко С. Н. Социально-демографические проблемы в зоне БАМа. М.: Статистика, 1980. 184 с.
21. Иванова А. Магазины «Березка»: парадоксы потребления в позднем СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 304 с.
22. Кин А. А. Регионально-транспортный мегапроект БАМ: уроки освоения // Регион: экономика и социология. 2014. № 4. С. 55–72.
23. Коряков И. А. Торговая деятельность потребкооперации в районах БАМ // К истории строительства Байкало-Амурской магистрали: тез. докл. Всесоюзной научной конференции «История строительства Байкало-Амурской магистрали» / отв. ред.: И. И. Комогорцев. Новосибирск, 1984. С. 141–142.
24. Лебина Н. Б. Пассажиры колбасного поезда: Этюды к картине быта русского города: 1917–1991. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 584 с.
25. Регион БАМ: концепция развития на современном этапе / отв. ред. А. Г. Гранберг, В. В. Кулешов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1996. 212 с.

26. Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. Р-9538. Оп. 16. Д. 1114. Л. 80.
27. РГАЭ. Ф. Р-9538. Оп. 16. Д. 2431.
28. РГАЭ. Ф. Р-9538. Оп. 16. Д. 2943.
29. РГАЭ. Ф. Р-9538. Оп. 16. Д. 3825.
30. РГАЭ. Ф. Р-9538. Оп. 16. Д. 4172.
31. РГАЭ. Ф. Р-9538. Оп. 16. Д. 4587.
32. РГАЭ. Ф. Р-9538. Оп. 16. Д. 5552.
33. РГАЭ. Ф. Р-9538. Оп. 16. Д. 7000.
34. РГАЭ. Ф. Р-9538. Оп. 16. Д. 7294.
35. Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985 / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: Вариант, ЦСПГИ, 2008. 376 с.
36. Твердюкова Е. Д. Деятельность Государственной торговой инспекции по борьбе с обманом потребителя в советской торговле (середина 1930-х – начало 1990-х гг.) // Петербургский исторический журнал. 2015. № 3. С. 56–67. <https://doi.org/10.51255/2311-603X-2015-00042>
37. Твердюкова Е. Д. Жалобные книги советских предприятий торговли и общественного питания (1920-х –1980-х годов) как форма апелляции к власти // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2015. № 1. С. 19–28.
38. Chernyshova N. Soviet Consumer Culture in the Brezhnev Era. London: Routledge, 2013. 206 p.
39. Grützmacher J. Die Baikal-Amur-Magistrale. Vom stalinistischen Lager zum Mobilisierungsprojekt unter Brežnev. München: R. Oldenbourg Verlag, 2012. 503 S.
40. Röhr A. Die Bajkal-Amur Magistrale. Geschichte eines sibirischen Raumerschließungsprojektes. Berlin: Logos Verlag, 2012. 142 S.

References

1. Argudiaeva, Iu. V. (1988). *Trud i byt molodezhi BAMA: nastoiashchee i budushchee* [*Work and Life of BAM Youth: Present and Future*]. Moskva: Mysl' (in Russian).
2. Arkhivnyi otdel administratsii Kazachinsko-Lenskogo munitsipal'nogo raiona Irkutskoi oblasti (AO KLMR) [Archival Department of administration of Kazachinsko-Lensky municipal district of the Irkutsk region (AD CLMR)]. F. R-1. Op. 1. D. 321 (in Russian).
3. AD CLMR. F. R-1. Op. 1. D. 329 (in Russian).
4. AD CLMR. F. R-1. Op. 1. D. 470 (in Russian).
5. Arkhivnyi otdel administratsii Ust'-Kutskogo munitsipal'nogo obrazovaniia Irkutskoi oblasti (AO UKMO) [Archival Department of administration of Ust-Kut municipal formation of the Irkutsk region (AD UKMO)]. F. R-29. Op. 1. D. 169 (in Russian).
6. AD UKMO. F. R-29. Op. 1. D. 315 (in Russian).
7. AD UKMO. F. R-34. Op. 1. D. 104 (in Russian).
8. Arkhivnyi otdel organizatsionno-kontrol'nogo upravleniia apparata administratsii goroda Bratska Irkutskoi oblasti (AOB) [Archival Department of organizational and control Department of the administration of the city of Bratsk, Irkutsk oblast (ADB)]. F. R-146. Op. 1. D. 345 (in Russian).
9. ADB. F. R-146. Op. 1. D. 365 (in Russian).
10. ADB. F. R-146. Op. 1. D. 417 (in Russian).
11. Baikalov, N. S. (2020). «Zapovednik sovetskoj vlasti»: proizvodstvennaia povsednevnost' v narrativnoj pamiaty stroiteley BAMA [The «Soviet Power Reserve»: Daily

Working Life in the Narratives of BAM Builders]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 453, 124–134. <https://doi.org/10.17223/15617793/453/15> (in Russian).

12. Aganbegian, A. G., Kin A. A., & Mozhin V. P. (Eds.). (1984). *BAM: stroitel'stvo i khoziaistvennoe osvoenie* [BAM: Construction and Economic Development]. Moskva: Ekonomika (in Russian).

13. Belkin, E. V., & Sheregi, F. E. (1985). *Formirovanie naseleniia v zone BAM* [Formation of Population in the BAM Zone]. Moskva: Mysl' (in Russian).

14. Borodulina, A. S. (2018). «Resursnoe proklyatie» i strategii zhizneobespecheniya na ostrove Iturup [The «Resource Curse» and Life Strategies on the Island of Iturup]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Research], 2, 124–141. <https://doi.org/10.17223/2312461X/20/7> (in Russian).

15. Vlasov, G. P. (2014). *Sotsial'no-demograficheskie protsessy v novykh raionakh osvoeniia Sibiri* [Socio-Demographic Processes in New Areas of Siberia Development]. Bratsk: Bratsk State University Publ. (in Russian).

16. Gosudarstvennyi arkhiv respublikii Buriatii (GARB) [State archive of the Republic of Buryatia (SARB)]. F. P-3930. Op. 1. D. 2 (in Russian).

17. SARB. F. P-8. Op. 12. D. 2 (in Russian).

18. SARB. F. P-36. Op. 13. D. 105 (in Russian).

19. SARB. F. R-2002. Op. 1. D. 2 (in Russian).

20. Zhelezko, S. N. (1980). *Sotsial'no-demograficheskie problemy v zone BAMa* [Socio-demographic problems in the BAM zone]. Moskva: Statistika (in Russian).

21. Ivanova, A. (2017). *Magaziny «Berezka»: paradoksy potrebleniia v pozdnem SSSR* [«Berezka» shops: the paradoxes of consumption in the late USSR]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie (in Russian).

22. Kin, A. A. (2014). Regional'no-transportnyi megaproekt BAM: uroki osvoeniia [Regional transport mega-project of BAM: lessons of the development]. *Region: Ekonomika i Sotsiologiia* [Region: Economics and Sociology], 4, 55–72 (in Russian).

23. Koriakov, I. A. (1984). Torgovaia deiatel'nost' potrebkooperatsii v raionakh BAM [Trading Activities of Consumer Cooperatives in the BAM Regions]. In I. I. Komogortsev (Ed.). *K istorii stroitel'stva Baikalo-Amurskoi magistrali: tez. dokl. Vsesoiuznoi nauchnoi konferentsii «Istoriia stroitel'stva Baikalo-Amurskoi magistrali»* [On the History of the Construction of the Baikal-Amur Railway: Thesis. Doc. All-Union Scientific Conference «History of the Construction of the Baikal-Amur Railway»] (pp. 141–142). Novosibirsk (in Russian).

24. Lebina, N. B. (2019). *Passazhiry kolbasnogo poezda: Etiudy k kartine byta rossiiskogo goroda: 1917–1991* [Passengers of the Sausage Train: Studies on the Life of the Russian City: 1917–1991]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie (in Russian).

25. Granberg A. G., & Kuleshov V. V. (Eds.). (1996). *Region BAM: kontseptsiiia razvitiia na sovremennom etape* [The BAM Region: the Concept of Development at the Present Stage]. Novosibirsk: Publishing House of the SB RAS (in Russian).

26. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki (RGAE) [Russian State Archive of the Economy (RSAE)]. F. R-9538. Op. 16. D. 1114. L. 80 (in Russian).

27. RSAE. F. R-9538. Op. 16. D. 2431 (in Russian).

28. RSAE. F. R-9538. Op. 16. D. 2943 (in Russian).

29. RSAE. F. R-9538. Op. 16. D. 3825 (in Russian).

30. RSAE. F. R-9538. Op. 16. D. 4172 (in Russian).

31. RSAE. F. R-9538. Op. 16. D. 4587 (in Russian).
32. RSAE. F. R-9538. Op. 16. D. 5552 (in Russian).
33. RSAE. F. R-9538. Op. 16. D. 7000 (in Russian).
34. RSAE. F. R-9538. Op. 16. D. 7294 (in Russian).
35. Yarskaya-Smirnova E., & Romanova P. (Eds.). (2008). *Sovetskaia sotsial'naia politika: stseny i deistvuiushchie litsa, 1940–1985* [Soviet social policy: scenes and characters, 1940–1985]. Moskva: Variant, TsSPGI (in Russian).
36. Tverdyukova, E. D. (2015). Deiatel'nost' Gosudarstvennoi torgovoi inspekcii po bor'be s obmanom potrebitelia v sovetskoi torgovle (seredina 1930-kh – nachalo 1990-kh gg.) [Activities of the State Trade Inspectorate to Combat Consumer Cheating in Soviet Trade (mid-1930s – early 1990s)]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal* [Petersburg History Journal], 3, 56–67. <https://doi.org/10.51255/2311-603X-2015-00042> (in Russian).
37. Tverdyukova, E. D. (2015). Zhalobnye knigi sovetskikh predpriatii torgovli i obshchestvennogo pitaniia (1920-kh –1980-kh godov) kak forma apelliatsii k vlasti [Complaint books of the Soviet enterprises of trade and public nutrition (1920–80-s) as a form of appeal to the authorities]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serii 2. Istorii* [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 2. History], 1, 19–28 (in Russian).
38. Chernyshova, N. (2013). *Soviet Consumer Culture in the Brezhnev Era*. London: Routledge.
39. Grützmacher, J. (2012). *Die Baikal-Amur-Magistrale. Vom stalinistischen Lager zum Mobilisierungsprojekt unter Brežnev*. München: R. Oldenbourg Verlag (in German).
40. Röhr, A. (2012). *Die Bajkal-Amur Magistrale. Geschichte eines sibirischen*. Berlin: Logos Verlag (in German).

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2021.43.3.4

Гусарова Светлана Владимировна

аспирант

Московский педагогический государственный университет

Россия, Москва

E-mail: samoupravlenie7@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9105-5717

ПИСЬМО НИКОЛАЯ МИСТИКА О СУДЬБЕ МИРНЫХ ЖИТЕЛЕЙ ОСТРОВА КИПР В 911–912 ГОДАХ: АНАЛИЗ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ

Статья посвящена анализу дипломатических приемов, которые использовал константинопольский патриарх Николай Мистик в письме к багдадскому халифу Ал-Муктадиру с целью остановить агрессию арабов в адрес мирных жителей о. Кипр в 911–912 гг. Автор указывает на то, что патриарх апеллировал к правовому сознанию адресата и писал о необходимости соблюдать договор о кондоминиуме, а также расследовать проблему с точки зрения норм византийского либо шариатского законодательства. В статье подчеркивается особое внешнеполитическое значение рассматриваемого письма для истории Византийского государства.

Ключевые слова: Николай Мистик; Кипр; Ал-Муктадир; кондоминиум; мирный договор; арабо-византийские войны; письма Николая Мистика.

UDC 94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2021.43.3.4

Svetlana V. Gusarova

postgraduate student

Moscow Pedagogical State University

Moscow, Russia

E-mail: samoupravlenie7@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9105-5717

THE LETTER OF NICHOLAS MYSTIKOS ON THE FATE OF THE CIVILIANS OF THE CYPRUS IN 911–912: ANALYSIS OF DIPLOMATIC METHODS

This article is devoted to the analysis of the diplomatic techniques used by the Patriarch of Constantinople, Nicholas Mystikos, in a letter to the Caliph of Baghdad, Al-Muqtadir, in order to stop the aggression of the Arabs against the civilians of the island of Cyprus in 911–912. The author points out that the patriarch appealed to the legal consciousness of the addressee and wrote about the need to comply with the condominium agreement, as well as to investigate the problem from the point of view of the norms of Byzantine or Sharia legislation. The article emphasizes the special foreign policy significance of the letter in question for the history of the Byzantine state.

Keywords: Nicholas Mystikos; Cyprus; Al-Muqtadir; condominium; peace treaty; Arab-Byzantine wars; letters of Nicholas Mystikos.

В 395 году император Римской империи Феодосий Великий (379–395) произвел мирный раздел государства между своими наследниками, в результате чего появились фактически независимые Восточно-Римская и Западно-Римская империи. С этого времени остров Кипр, отошел к Восточно-Римской империи, став составной частью византийской территории.

В 688 году остров захватили арабы, но императору Юстиниану II (685–695; 705–711) по условиям мира удалось добиться договоренности с халифом о совместном владении островом, в результате чего был установлен condominium. Данный внешнеполитический акт определил новый порядок подданничества для населения острова — киприоты платили в равных долях дань Византии и Халифату [13, с. 137]. Потеря в ходе постоянных арабо-византийских войн Кипра и других островов в Средиземном море нанесла серьезный материальный и стратегический ущерб Византии. Данное обстоятельство создавало угрозу континентальным территориям, существенно влияло на внешнюю торговлю, а также затрудняло сообщение между столицей и рядом провинций. Восточно-Римская империя стремилась к восстановлению своего влияния в Средиземноморском бассейне, в частности по инициативе императора Василия I Македонянина (867–886) византийскому флоту удалось провести кампанию по отвоеванию Кипра, благодаря чему в 874–881 годах остров

находился под полным контролем империи. Однако в конце IX века арабам снова удалось вытеснить византийцев и реставрировать условия мирного договора 688 года.

Политическая ориентация острова во многом определяла его судьбу, поэтому для империи было важно сохранить нейтралитет киприотов, чтобы в дальнейшем отвоевать территорию Кипра. При императоре Льве VI (866–912) началась масштабная работа по модернизации византийского флота с целью восстановления влияния Византии в Средиземноморском регионе. Согласно стратегическим планам империи, соединенные сухопутные и морские силы должны были ударить по арабам на островах и территории Малой Азии. Во главе флота был поставлен друнгарий Имерий (ум. в перв. четв. X в.), который решил начинать наступление с Кипра, поскольку местное греческое население лояльно относилось к Византии, что обуславливалось религиозной, этнической и культурно-исторической близостью. Несмотря на концентрацию военных и материальных ресурсов, кампания 910–911 годов оказалась неудачной для Византии. Войска друнгария Имерия потерпели поражение при о. Самос, о чем, в частности, в следующих словах свидетельствует византийская хроника: «В октябре месяце произошло морское сражение между логофетом Имерием и агарянами... стратигом же Самоса был Роман — будущий император. Поражение потерпел Имерий, который едва спасся и чуть не погубил всех своих воинов» [8, с. 85]. В ответ на наступление византийских войск под предводительством Имерия арабы учинили карательную экспедицию на Кипр во главе с полководцем Дамианом (ум. в перв. пол. X в.), в связи с чем у константинопольского патриарха Николая I Мистика (901–907; 912–925) возникла необходимость написать письмо багдадскому халифу Ал-Муктадиру (908–932) [14, с. 17–18]. Для Восточной Римской империи окончательная утрата влияния на Кипре грозила существенной потерей стратегического баланса в бассейне Средиземного моря.

Николай Мистик являлся одним из наиболее выдающихся византийских политических и церковных деятелей, который известен в том числе благодаря масштабной внешнеполитической деятельности. В 913–921 годах патриарх фактически выполнял роль основного дипломата империи и вел обширную переписку общегосударственного значения с правителями Болгарии и Аббасидского халифата. Науке известны в общей сложности три послания патриарха к халифу Ал-Муктадиру, написанные по различным значимым поводам; в рамках данной статьи мы будем анализировать наиболее раннее письмо из указанной группы источников.

Письмо было написано в конце 913 – начале 914 года, когда патриарх стоял во главе регентского совета при малолетнем императоре Константине Багрянородном [1, с. 66]. Структурно названный источник состоит из приветственной преамбулы и основной части, при этом в конце письма отсутствуют благие пожелания, что подчеркивает драматизм причины, побудившей Николая Мистика обратиться к халифу.

Как следует из письма патриарха, в отместку за то, что киприоты не пришли на помощь арабам, последние учинили резню мирного христианского населения Кипра. Патриарх категорически не согласился с таким положением вещей: «...как несправедливо и безчеловечно воевать с киприотами за то, что Имерий выступил против вашей страны, так же незаконно и достойно всякого порицания воевать с киприотами за то, что случайно некоторые сарацины на острове попали в руки Имерия» [1, с. 68]. Акцию мщения киприотам патриарх считал политической и социальной катастрофой, вследствие чего письмо начинается пространством рассуждением о справедливости как о добродетели правителя. Так, Николай Мистик писал о том, что в защите подданных кроется «принцип справедливости, который есть у всех народов, даже у тех, кто не знает никакого закона» [15, стб. 29, 30]. Константинопольский архиерей многократно указывал халифу на необходимость соблюдения договора о кондоминиуме, нарушение которого Николай Мистик приравнивал к отцеубийству, поскольку пренебрежение миром 688 года трактовалось им как оскорбление воли предков [14, с. 42].

Основным доводом патриарха против резни киприотов становится воззвание к правовой культуре своего адресата.

В Византийском государстве, перенявшем наследие Римской империи в области основ права, принято было внимательно относиться к процедуре обвинения, карательные меры нельзя было применять без доказательства вины. Апеллируя к правовой стороне договора, Николай Мистик фактически указывал своему адресату на необходимость проведения суда для того, чтобы был услышан голос жителей Кипра и они получили оправдание. «Ты должен был сначала обвинить их и призвать к исправлению, — писал Николай Мистик Ал-Муктадиру, — притом неоднократно, тогда, если бы они упорствовали и вместо добра шли худшим путём, ты мог бы, не опасаясь возмездия со стороны Бога или людей, взять на себя обязательство наказать и подавить их глупость... Но ничего этого не было сделано... убили невинных людей, которые не нарушили ничего из первоначального соглашения» [14, с. 40]. Патриарх подчеркивал правоту жителей Кипра, поскольку их нейтралитет входил в обязательное условие мирного договора 688 года. Киприоты, будучи подданными, должны были оказывать содействие управлявшему ими государству, но, поскольку они платили дань Империи и Халифату и обязывались не выступать против этих государств, обвинение их в отсутствии помощи арабам против византийцев можно расценивать как несправедливое.

Каждый византийский внешнеполитический договор содержал сакральную клятвенную часть, которая призвана была обеспечить неукоснительное исполнение документа. В этом месте подданные Восточной Римской империи клялись Христом, а языческие народы — своими богами нерушимо исполнять условия соглашения. Сакральный раздел договора мог содержать конкретные проклятия, грозящие его нарушителям. Согласно византийской правовой традиции, необходимо было присягать на верность всем межгосударственным

договорам [10, с. 69]. Так, например, мирный договор, заключенный Империей и Сасанидским Ираном в 562 году, содержит эталон формулировки клятвенной части, начинающейся следующими словами: «Если же я не буду таким образом соблюдать всё то <в чем поклялся>, да подвергнусь я, как ныне, так и в будущей жизни, Страшному суду Великого Господа Бога и Спасителя Нашего Иисуса Христа и да постигнет меня участь Иуды, да падут на меня проказа Гиезия и Каинова печать» [7, с. 98]. У нас есть все основания полагать, что в византийско-арабском договоре 688 года присутствовала сакральная часть, которая, видимо, содержала общую монотеистическую риторику, допускающую проклятия и пожелание несчастий нарушителям условий кондоминиума на Кипре. Именно поэтому одним из аргументов Николая Мистика в пользу несправедливости карательной операции на Кипре стало указание на болезнь Дамиана как на показательный факт Божественной кары за нарушение условий кондоминиума. В частности, патриарх писал следующее: «Обрати внимание на недовольство Небес делом преступного Дамиана. Его исчезновение из общества является доказательством этого, и к тому же его болезнь, постигшая и истощившая его с тех пор как он осквернил землю киприотов нечестивым убийством, — знак справедливого наказания за преступления» [14, с. 42]. Поскольку Дамиан стал религиозным ренегатом, его действия в глазах Николая Мистика не могли быть оправданы и оценка в письме подчеркнута негативная.

Правовая аргументация Николая Мистика не ограничивалась трансляцией сугубо византийского представления о сущности проблемы нарушения договора 688 года. К началу X века византийцы достаточно хорошо изучили вероучение мусульман. Известный придворный ученый Никита Византийский (ум. в посл. четв. IX в.) произвел перевод Корана на греческий язык [4]. К данному переводу, вероятно, имел доступ патриарх Фотий (858–867; 877–886) и его ученики, одним из которых являлся Николай Мистик. Знания в области вероучения мусульман позволяли патриарху воздействовать на своего адресата через аргументы, базирующиеся на правовой системе шариата.

В бессрочном договоре с киприотами (аз-зима) содержался пункт об обязанности мусульман защищать жителей острова, в правовом отношении данный документ делал островитян особым сословно-податным слоем немусульманского населения на территории халифата — зимми. На основании аз-зима киприоты платили налог (в казну халифата от Кипра шел ежегодный поземельный налог в размере 7200 динариев) и обязывались не оказывать содействие врагам мусульман [13, с. 141]. При этом защита островитян, по условиям такого договора, являлась основной задачей халифата, на что в следующих строчках Николай Мистик указал ал-Муктадиру: «Каждый, имеющий податные города или народы, выступает против нападающих на них и начинающих войну, и защищает от нападения» [14, с. 44]. Однако содействие войскам Имерия должно было стать для арабов условием разрыва договора

с киприотами и повод для начала джихада против них [13, с. 106]. Карательные меры войск Дамиана в 911 году указывают на шариатское основание для разрыва договора аз-зимма. Кроме того, карательная операция в адрес жителей Кипра для арабов подходила под понятие талиона — кровной мести, признаваемой в мусульманском мире. С точки зрения православного константинопольского патриарха, месть не могла быть благим делом. Инициатива вооруженной агрессии в рамках христианского менталитета и военной тактики правителей Македонской династии осуждалась и воспринималась как несправедливая война. В частности, военный трактат Льва VI содержит указание на человеческую и Божественную синергию только в случае ведения справедливых войн, направленных на защиту от агрессора [3, с. 36].

Проблема ситуации на Кипре в рассматриваемый период во многом зависела от трактовки понятия содействия «врагам мусульман». Халиф, будучи главой теократического государства, в своих решениях опирался прежде всего на нормы шариатского законодательства и во вторую очередь — на договоренности с иноверцами. Николаю Мистику как хорошему дипломату, владевшему знаниями в области норм и обычаев мусульманского общества, необходимо было убедить халифа в неправомерности военных действий против киприотов на основании непричастности последних к военной кампании друнгария Имерия. Константинопольский патриарх пытался переключить внимание халифа на эти правовые аспекты. Джихад стал основной шариатского права по отношению к иноверным народам, проживающим вне мусульманского государства [2, с. 115]. Сакрализация законодательных норм для мусульманского населения халифата обуславливалась представлениями о том, что «право возникло по воле Аллаха» [5, с. 83]. По исламским нормам ведения священной войны с неверными («джихад меча») нельзя причинять вред мирному населению, женщинам, старикам, детям и разорять имущество противника. Помимо того, мусульманская концепция джихада представляет собой комплексное духовно-ритуальное явление, в рамках которого вооруженная борьба с «врагами мусульман» выступает лишь одним из вариантов его проявления [2, с. 122]. Призывая к вербальному общению и расследованию обстоятельств дела на Кипре, Николай Мистик фактически указывал халифу на необходимость применения именно «джихада языка» — словесной формы борьбы с несправедливостью, осуждая развязывание карательных кампаний. В частности, византийский архиерей писал: «необходимо было бы упрекнуть их (киприотов. — С. Г.) в ошибке, указать на несправедливость их пути... и делать это многократно» [14, с. 40].

Ведение международных переговоров ставило перед Николаем Мистиком задачи нахождения общего поля взаимодействия и подхода к противоположной стороне, которые ему удавалось эффективно решать.

В своем письме Николай Мистик защищал жителей Кипра, придерживаясь позиции их невиновности: «Почему... ты воюешь с киприотами и вымещаешь на них гнев? Ты вымещаешь обиду на тех, кто ничего злого не сделал» [14, с. 38].

Византийцам широко была известна практика печалования — *μεσιτεία*, *πρόστασία*, *οἴησις*, *πρεσβεία*, *παρηγοσία* — патриарха перед императором за угнетенных и осужденных, поскольку для них константинопольский архиепископ являлся «покровителем христиан всей вселенной, ходатаем за всех, защитником и дефенсором» [11, с. 934]. Христианская Церковь на о. Кипр, согласно одному из постановлений Третьего Вселенского собора (431 г.), признавалась автокефальной, однако ввиду беспрецедентно высокого авторитета константинопольского патриарха и многовековой принадлежности острова Кипр Византии мы полагаем, что его жители, зная о практике печалования, могли обратиться к Николаю Мистика с просьбой заступиться за них перед арабским правителем. Известно, что патриарх Николай I через печалования перед византийским василевсом неоднократно помогал смягчить наказание попавшим в опалу подданным, таким, например, как друнгарию флота Евстафий (ум. в перв. пол. X в.) и Кармал (ум. в перв. пол. X в.), фемный губернатор Ландульф (ум. в перв. пол. X в.) и др. [11, с. 935; 14, с. 338].

Авраамические религии содержат ряд общих морально-нравственных принципов, черпающих свое основание из Пятикнижия Моисея [9, с. 144]. Еще одним аргументом, который использовал Николай Мистик в дипломатической переписке с халифом, выступает монотеистическая риторика, опирающаяся на эти принципы. По причине тесной связи светских и религиозных аспектов в жизни арабов и византийцев в X веке можно говорить о наличии у них религиозного права [6, с. 6]. В своем письме патриарх писал о том, что его власть и власть халифа получена от Бога, что само по себе подразумевает ответственность за вверенных им в попечение людей. В анализируемом письме автор писал своему адресату о равновеличии державы ромеев и арабов, что является выходом дипломатической риторики константинопольского архиерея за рамки византийской политической идеологии, которая предполагала беспрецедентное главенство Византии над остальными народами и государствами, в частности об этом свидетельствуют слова Николая Мистика: «две власти... Сарацинская и римская... блистают как два великих светила» [1, с. 68]. Они указывают на то, что в послании затронута чрезвычайно важная для византийского государства проблема, которая требует решения. В дальнейшем патриарх вел эффективную дипломатическую переписку с халифом Ал-Муткадиром, что подтверждается рядом источников. Таким образом, рассматриваемое в данной статье письмо достигло своей цели и масштабные акты агрессии арабов против жителей Кипра при жизни Николая Мистика не повторялись. Сохранение кондоминиума на о. Кипр явилось благоприятным условием для окончательного возвращения острова в состав Византийской империи при императоре Никифоре II Фоке (963–969) в 965 году.

Подводя итог анализа содержания письма Николая Мистика к халифу Ал-Муткадиру, относящегося к событиям на о. Кипр в 911 году, определим доводы, на которых стоял патриарх в вопросе защиты мирного населения острова. Аргументационная база Николая Мистика строилась на правовых аспектах византийского

законодательства, а также на определенных нормах шариатского права, касающихся вопросов объявления войны. Главным положением, на которое ссылался патриарх, выступала необходимость соблюдения мирного договора о совместном византийско-арабском управлении островом и о нейтралитете местных жителей. Николай Мистик требовал от халифа личного расследования ситуации на о. Кипр, указывал на несправедливость карательной акции и на Божественное возмездие нарушителям соглашения. По представлению Николая Мистика, киприоты не могли выступить в защиту арабов против византийцев, поскольку не являлись воинами на поле брани; кроме того, жители острова были данниками в равной степени как арабов, так и византийцев. Патриарх указывал на особое положение подданных халифата по отношению к государству-покровителю. Подданничество киприотов халифату требовало от арабов защиты островитян от любой внешней агрессии и не допускало ущемления их прав, поскольку жители Кипра обладали статусом зимми. Николай Мистик стремился переключить внимание своего адресата на богословские и правовые аспекты исламской традиции, не допускающие насилия и поддерживающие мир. В частности, использование только лишь словесных увещаний, по мнению патриарха, было необходимо для урегулирования конфликта с киприотами, что фактически указывает на необходимость применения «джихада языка», но не войны на физическое уничтожение. Константинопольский патриарх рассчитывал на то, что применение римско-византийской правовой практики либо норм шариатского законодательства позволит снять вину с мирных жителей острова, поможет защитить их в дальнейшем. В своей дипломатии Николай Мистик опирался в том числе на моральные и религиозные доводы, общие для приверженцев всех авраамических религий. Среди мотивов, побудивших патриарха написать халифу письмо, следует отметить обеспокоенность перспективой существенного ухудшения внешнеполитической обстановки вокруг Византии, а также пастырское попечение о судьбах единоверцев. Факт написания письма с заступничеством за киприотов можно рассматривать как акт печалования константинопольского архиерея перед правителем государства за притесняемых подданных. Общая дипломатическая риторика письма указывает на высокую государственную значимость затронутых в нем проблем. Основным политическим итогом переписки константинопольского патриарха Николая Мистика с багдадским халифом Ал-Муктадиром стало сохранение condominiuma на Кипре, что, в свою очередь, создавало благоприятные условия для дальнейшего отвоевания территории острова Византией в 965 году.

Список литературы

1. Византийские сочинения об исламе: (тексты переводов и комментарии) / [под ред. Ю. В. Максимова; пер. с древнегреч. Ю. В. Максимов, Е. П. Ореханова]. Т. 1. М.: Правосл. Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2006. 229 с.
2. Зеленёв Е. И., Исаев Л. М. Развитие концепции джихада: минимализм и максимализм в исламе // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (журнал политической философии и социологии политики). 2019. № 4 (95). С. 111–131. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2019-95-4-111-131>

3. Лев Мудрый. Тактика Льва / изд. подгот. В. В. Кучма; отв. ред. Н. Д. Барабанов. СПб.: Алетейя, 2012. 369 с. (Византийская библиотека. Источники).
4. Максимов Ю. В. Византийцы и Коран [Электронный ресурс] // Богослов.ru: научный богословский портал. 2009. 19 мая. URL: <https://bogoslov.ru/article/406936> (дата обращения: 01.07.2021).
5. Муромцев Г. И. Мусульманское право в контексте правогенеза // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 1. С. 80–106. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.1.80.106>
6. Право и религия в междисциплинарной интерпретации / В. В. Смирнов и др. // Государство и право. 2018. № 8. С. 5–20. <https://doi.org/10.31857/S013207690000780-0>
7. Право и справедливость в исторической традиции миротворчества: от Античности до современности: монография / под ред. Т. В. Кудрявцевой. СПб: РПГУ им. А. И. Герцена, 2016. 425 с.
8. Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / пер., ст., коммент. Я. Н. Любарского. СПб.: Наука, 1992. 348 с. (Литературные памятники).
9. Пузанов Д. В. «Авраамическая метацивилизация» VII–XIII вв. // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 464. Март. С. 143–152. <https://doi.org/10.17223/15617793/464/17>
10. Рунг Э. В., Венедиктова Е. А. Межгосударственные договоры классической Греции: нарративная традиция и эпиграфика // Проблемы истории, философии, культуры. 2017. № 4. С. 64–74. <https://doi.org/10.18503/1992-0431-2017-4-58-64-74>
11. Соколов И. И. Печалование патриархов перед василевсами в Византии IX–XV вв. // Христианское чтение. 1909. № 6–7. С. 933–964.
12. Успенский Ф. И. История Византийской империи: в 5 т. Т. 3. М.: АСТ, 2011. 398 с. (Историческая библиотека).
13. Чомаев З. А. Мусульманская дипломатия в раннеисламскую эпоху: зарождение и особенности функционирования: дис. ... канд. ист. наук. М., 2021. 248 с.
14. Nicholas I Patriarch of Constantinople. Letters / Greek text & Engl. transl. by R. J. H. Jenkins & L. G. Westerink. Washington: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies (Trustees for Harvard University), 1973. 631 p. (Corpus fontium historiae byzantinae: Consilio societatis internationalis studiis byzantinis provehendis destinatae editum. Washington: Dumbarton Oaks Research libr. & coll., 1967–. Vol. 6).
15. Nicolai Constantinopolitani Archiepiscopi Epistolae [Электронный ресурс] // Patrologiae cursus completus (Series Graeca — PG) / ed. par J.-P. Migne. En 161 t. T. 111. Paris, 1863. URL: https://books.google.ru/books?id=jcYUAAAAQAAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false

References

1. Maksimov, Yu. V. (Trans., Ed.), & Orekhanov, E. P. (Trans.). (2006). *Vizantiiskie sochineniia ob islame: (teksty perevodov i kommentarii) (T. 1) [Byzantine Writings on Islam: (Translation Texts and Commentaries) (Vol. 1)]*. Moskva: Pravoslavnyi Sviato-Tikhonovskii gumanitarnyi universitet (in Russian).
2. Zelenjov, E. I., & Isaev, L. M. (2019). Razvitie koncepcii dzhihad: minimalizm i maksimalizm v islame [The Development of the Concept of Jihad: Minimalism and Maximalism in Islam]. *Politija: Analiz. Hronika. Prognoz (zhurnal politicheskoi filosofii i sociologii politiki) [Politija: Analiz. Chronicle. Forecast (Journal of Political Philosophy*

and Sociology of Politics], 95 (4), 111–131. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2019-95-4-111-131> (in Russian).

3. Kuchma, V. V., & Barabanov, N. D. (Eds.). (2012). *Lev Mudryi. Taktika L'va [Leo the Wise. Tactics of the Lion]*. Sankt-Peterburg: Aleteiia (in Russian).

4. Maksimov, Yu. V. (2009, May 19). Vizantiitsy i Koran [The Byzantines and the Koran]. *Bogoslov.ru: nauchnyi bogoslovskii portal [Bogoslov.ru: scientific theological portal]*. Retrieved from <https://bogoslav.ru/article/406936> (in Russian).

5. Muromtsev, G. I. (2021). Musul'manskoe pravo v kontekste pravogeneza [Muslim Law in the Context of Legal Genesis]. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki [Right. Journal of the Higher School of Economics]*, (1), 80–106. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.1.80.106> (in Russian).

6. Smirnov V., Agamirov K., Gabrelyan E., Didikin A., Dorovskih E., Egorov V., Lapaeva V., Mihailov A., Orlova O., Pligin V., Polenina S., Skurko E. & Supataev M. (2018). Pravo i religija v mezhdisciplinarnoj interpretacii [Law and Religion in an Interdisciplinary Interpretation]. *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*, (8), 5–20 <https://doi.org/10.31857/S013207690000780-0> (in Russian).

7. Kudriavtseva, T. V. (Ed.). (2016). *Pravo i spravedlivost' v istoricheskoi traditsii mirotvorchestva: ot Antichnosti do sovremennosti [Law and Justice in the Historical Tradition of Peacemaking: from Antiquity to Modernity]*. Sankt-Peterburg: Publishing House of the Herzen State Pedagogical University of Russia (in Russian).

8. Liubarskii, Ia. N. (Trans.). (1992). *Prodolzhatel' Feofana. Zhizneopisaniia vizantiiskikh tsarei [The Successor of Theophanes. Biographies of the Byzantine tsars]*. Sankt-Peterburg: Nauka (in Russian).

9. Puzanov, D. V. (2021). «Avraamicheskaia metatsivilizatsiia» VII–XIII vv. [Abrahamic Metacivilization of the VII–XIII centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*, 464, 143–152. <https://doi.org/10.17223/15617793/464/17> (in Russian).

10. Rung, E. V., & Venediktova, E. A. (2017). Mezhgosudarstvennye dogovory klassicheskoi Gretsii: narrativnaia traditsiia i epigrafika [Interstate Treaties of Classical Greece: Narrative Tradition and Epigraphy]. *Problemy istorii, filosofii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]*, (4), 64–74. <https://doi.org/10.18503/1992-0431-2017-4-58-64-74> (in Russian).

11. Sokolov, I. I. (1909). Pechalovanie patriarkhov pered vasilevsami v Vizantii IX–XV vv. [The Sorrow of the Patriarchs Before the Basileuses in Byzantium of the IX–XV centuries]. *Khristianskoe chtenie [Christian Reading]*, (6-7), 933–964 (in Russian).

12. Uspenskii, F. I. (2011). *Istoriia Vizantiiskoi imperii: v 5 tomakh. (T. 3) [History of the Byzantine Empire: in 5 volumes. (Vol. 3)]*. Moskva: AST (in Russian).

13. Chomaev, Z. A. (2021). *Musul'manskaia diplomatiia v ranneislamskuiu epokhu: zarozhdenie i osobennosti funktsionirovaniia [Muslim Diplomacy in the Early Islamic Era: the Origin of the Peculiarities of functioning]*. PhD Dissertation. Moskva (in Russian).

14. Jankins, R. J. H., & Westerink, L. G. (Trans.). (1973). *Nicholas I Patriarch of Constantinople. Letters*. Washington: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies (Trustees for Harvard University).

15. Google. Books. (2008, August 19). Nicolai Constantinopolitani Archiepiscopi Epistolae. In J.-P. Migne (Ed.). (1863). *Patrologiae cursus completus. Series Graeca — PG*. (Vols. 1–161, Vol. 111). Paris: Apud J.-P. Migne. Retrieved from URL: https://books.google.ru/books?id=jcYUAAAQAQAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false

УДК 94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2021.43.3.5

Лукинова Екатерина Александровна

аспирант

Московский городской педагогический университет

Россия, Москва

E-mail: kt_lknv@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2507-7162

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ГРЕКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ В КОНТЕКСТЕ ЛОЗАННСКОГО ДОГОВОРА

Статья посвящена комплексу противоречий в греко-турецких отношениях, основой которых уже на протяжении почти ста лет является Лозаннский договор. Данный документ сегодня по ряду причин является предметом спора Греции и Турции, из-за чего между двумя государствами вспыхивают конфликты. Автор рассматривает события второй половины XX – начала XXI веков, которые могли привести Грецию и Турцию к военным столкновениям, позиции сторон конфликта, а также взгляды на решение сложившейся ситуации. В статье использованы новостные ресурсы на греческом и турецком языках, что позволяет более глубоко проанализировать и оценить взгляды политических деятелей обоих государств на существующее противостояние.

Ключевые слова: внешняя политика; международные отношения; Греция; Турция; Кипр; Восточное Средиземноморье; Лозаннский договор.

UDC 94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2021.43.3.5

Ekaterina A. Lukinova

postgraduate student

Moscow City University

Russia, Moscow

E-mail: kt_lknv@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2507-7162

TERRITORIAL PROBLEMS IN GREEK- TURKISH RELATIONS IN THE CONTEXT OF THE TREATY OF LAUSANNE

The article is devoted to the complex of contradictions in Greek-Turkish relations that have been based on the Treaty of Lausanne for hundred years already. Today, for a number of reasons, this document is a subject of dispute between Greece and Turkey, which is why conflicts erupts between two countries. The author examines the events of the second half of the XX century – the beginning of the XXI century, which could lead Greece and Turkey to the military clashes, positions of the parties of the conflict as well as views on the solution

of the current situation. The article used news sources in Greek and Turkish, which allows to analyze the positions of politicians of both states on the existing confrontation.

Keywords: foreign policy; international relationships; Greece; Turkey; Cyprus; Eastern Mediterranean; Treaty of Lausanne.

Одной из актуальных проблем современных международных отношений является конфликт между Грецией и Турцией. Два ведущих государства Восточного Средиземноморья, являющиеся членами НАТО, уже много лет находятся в напряженных отношениях друг с другом. На протяжении всей истории греко-турецких отношений взаимная вражда между двумя государствами не прекращалась. Иногда конфликты сменялись краткосрочными перемириями. Но, несмотря на положительные моменты и на многочисленные попытки разрешить копившиеся десятилетиями противоречия, положить конец вражде не удается до сих пор.

Поиски путей урегулирования конфликта осложняются тем, что греко-турецкие противоречия имеют долгую историю, которая уходит своими корнями в первую половину XIX века. Создание независимого греческого государства и дальнейшее возвращение греческих земель в его состав привели впоследствии к двум греко-турецким войнам. По итогу второй греко-турецкой войны 1919–1922 годов был подписан Лозаннский мирный договор, который на долгие годы стал основой отношений между этими государствами.

Один из важнейших вопросов, который был решен на Лозаннской конференции 1923 года, — это вопрос границ государств. Согласно подписанному договору Турции отводились Восточная Фракия, вся Анатолия, острова Имврос (*тур.* Гёкчеада) и Тенедос (*тур.* Бозджаада) в Эгейском море. Западная Фракия принадлежала Греции. Граница между государствами проходила по реке Марица. Острова Эгейского моря оставались также в составе Греции, за исключением Додеканесских островов, которые переходили под управление Италии [8, с. 75]. Кроме того, в Лозанне признавалась аннексия Кипра Великобританией [13].

Однако один из участников договора, а именно Королевство сербов, хорватов и словенцев, не ратифицировал Лозаннский договор. Причиной стало несогласие с пунктом договора, который обязывал это государство выплатить часть османского долга. Таким образом, Лозаннский договор может считаться недействительным. Но в то же время на данный момент не существует иных документов, которые бы определяли границы современной Турции, поэтому таковым в международном сообществе принято считать именно Лозаннский договор [1, с. 39].

Подписание Лозаннского договора позволило наладить отношения между Грецией и Турцией. В 1920–1930-х годах был заключен ряд договоров, стабилизирующих обстановку в Восточном Средиземноморье [3, с. 21]. Но Лозаннский договор не решил всех территориальных проблем Турции. Османская империя по окончании Первой мировой войны потеряла большое количество

территорий. До сих пор у турецкого правительства сохраняются территориальные противоречия не только с Грецией и Кипром, но и с Ираком, Арменией, Сирией, регионами, населенными курдами [1, с. 40].

Турция осознает, что ей не хватает территориальных вод, что их экономическая зона крайне мала и все это способствует обострению противостояния с Грецией. Положение Турции в Эгейском море начинает ухудшаться после окончания Второй мировой войны, когда Италия передает Греции Додеканесские острова. Группа этих островов, расположенная в непосредственной близости от турецких берегов в Эгейском море, по мнению самой Турции, создает ей угрозу из-за размещения греками на этих островах военных баз. И это окончательно устанавливает границы между государствами, которые ограничивают территориальные воды Турции и не дают ей выйти к источникам полезных ископаемых в Средиземном море, которые были найдены там во второй половине XX века.

Согласно Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, которую подписала и ратифицировала Греция, но к которой отказалась присоединиться Турция, каждое государство, имеющее выход к морю, обладает правом на территориальные воды до 12 миль и исключительную экономическую зону до 200 миль. В случае, если названные зоны двух государств, расположенных друг напротив друга, пересекаются, их следует разделить поровну. Исключение составляют случаи, в которых было достигнуто иное соглашение между государствами [6]. Так как Турция указанную конвенцию не признает, она самостоятельно пытается определить свои территориальные воды и исключительную экономическую зону, что идет вразрез с интересами Греции.

Таким образом, одной из современных проблем греко-турецких отношений, вытекающей из подписания Лозаннского договора, является проблема островов в Эгейском море. Противоречия сводятся к делимитации территориальных вод, зон экономического использования континентального шельфа и исключительных экономических зон, национального воздушного пространства, зон полетной информации. Кроме того, существуют споры из-за незаселенных небольших островов в Эгейском море [10]. Особо важное место в отношениях двух государств занимает кипрский вопрос.

На почве этих противоречий уже около 50 лет между Грецией и Турцией регулярно вспыхивают конфликты, в результате чего не раз возникали ситуации, которые могли привести к вооруженному столкновению. Например, в 1995–1996 годах острова Кардак (*греч.* Иммия) стали причиной разгоревшегося кризиса в отношениях двух государств.

Кардак — это два острова, расположенных рядом друг с другом в архипелаге Додеканес и имеющих общую площадь около четырех гектаров. Додеканесские острова, по Лозаннскому договору 1923 года, получила Италия, а в 1947 году после окончания Второй мировой войны она передала их Греции. Но Турция отказывается признавать этот факт.

Неподалеку от Кардака 25 декабря 1995 года турецкое торговое судно «Фиген Акат» село на мель. Греция предложила капитану свою помощь, но тот отказался, обосновав это тем, что находится в турецких водах и будет ждать помощи Турции. Через несколько дней турецкое правительство объявило Кардак своей территорией. На что последовала негативная реакция Греции. 26 января 1996 года группа граждан Греции (среди них мэр соседнего острова Калимнос) подняли над Кардаком греческий флаг. На следующий день группа турецких журналистов сменила флаг на турецкий. Но еще через день вновь на Кардаке оказался флаг Греции.

Греция и Турция начали отправлять к месту событий военно-морские силы. Сложилась крайне напряженная ситуация. С греческого фрегата «Наварино» 30 января 1996 года поднялся вертолет, доложил о группе вооруженных людей на Кардаке, после чего связь с пилотами прервалась. Вертолет потерпел крушение, все три члена экипажа, находящиеся на борту, погибли. До сих пор неясна причина трагедии. Официальная версия — технические неполадки. Открытого вооруженного столкновения удалось избежать благодаря посредничеству США, которые вмешались в конфликт. Однако взаимные претензии Греции и Турции сохранились. Вопрос окончательно решен не был [7].

Отношения усугубляются и противоречиями, касающимися воздушного пространства. Известно о нескольких столкновениях в воздухе. В 1996 году турецкий самолет F-16, выполнявший 8 октября учебный полет, был сбит греческим истребителем «Мираж-2000» и потерпел крушение неподалеку от греческого острова Хиос. В 2006 году, 23 мая, не предупредив Грецию, турецкие военные самолеты совершили полет над южными островами в Эгейском море. Греческие истребители отправились на перехват. Все закончилось столкновением греческого и турецкого самолетов. Кроме того, Греция не раз заявляла, что, несмотря на предупреждения, турецкие самолеты нарушают греческую воздушную границу.

Особо остро вопросы принадлежности островов в Эгейском море, морских границ и использования континентального шельфа встали на повестке дня летом 2020 года. Отношения между Грецией и Турцией в этот период значительно ухудшились. Еще 27 ноября 2019 года Турция подписала с Ливией соглашение о демаркации морских границ, в ответ на которое Греция заключила ряд аналогичных соглашений с другими странами Восточного Средиземноморья. Так, летом 2020 года были достигнуты договоренности по вопросу морских границ с Италией и Египтом. На картах, составленных по условиям соглашений, морские границы Турции и Греции пересекались. Разумеется, турецкое правительство не признало подписанные соглашения. Однако это не помешало формированию геополитического блока против Турции. Им стал Восточно-Средиземноморский газовый форум (East Mediterranean Gas Forum — EMGF), который в сентябре 2020 года был преобразован в полноценную международную организацию со штаб-квартирой в Каире. Членами

EMGF на данный момент являются страны Средиземноморья: Греция, Кипр, Италия, Египет, Израиль, Иордания и Палестинская автономия.

В августе 2020 года Турция, согласно подписанным договоренностям с Ливией, начала проводить сейсмические исследования в Эгейском море вблизи греческих островов и Кипра. Греция и Турция оказались на пороге войны. Военно-морские силы Греции были приведены в боевую готовность. Европейские политики не раз заявляли о своих опасениях насчет сложившейся обстановки в Восточном Средиземноморье.

Безусловно, на отношения двух государств повлияло и изменение статуса храма Святой Софии в Стамбуле. В июле 2020 года президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган подписал указ, согласно которому одна из важнейших святынь христианского мира была передана под руководство Управления по делам религии (*тур.* Diyanet) и была преобразована в мечеть. В Святой Софии 24 июля прошел первый намаз за последние 86 лет. В ответ со стороны Греции последовала негативная реакция.

Как было сказано ранее, особое место в отношениях Греции и Турции занимает вопрос острова Кипр, который вошел в состав Османской империи еще в XVI веке и большую часть населения которого составляют греки. В ходе Первой мировой войны его аннексировала Англия, что было официально признано Турцией на Лозаннской конференции. Но притязания на Кипр Греции и Турции сохранились на долгие годы.

По соглашению Англии, Греции и Турции, в 1960 году Кипр стал самостоятельным государством. Подписанное трехстороннее соглашение хоть и даровало населению Кипра независимость, но не смогло решить основной проблемы острова. Речь идет об отношении двух кипрских общин — греческой и турецкой, которые с первой половины XX века оставались напряженными. Причиной тому было желание киприотов-греков воссоединиться с Грецией и желание киприотов-турок, наоборот, воссоединиться с Турцией.

Вскоре после получения независимости на острове начали вспыхивать беспорядки, из-за чего на Кипр были введены английские войска и миротворческий контингент ООН. Остров был поделен на две части зеленой линией. В его северной части проживали преимущественно турки, в южной — греки. Но и эти меры не дали желаемого результата.

В 70-х годах XX века ситуация усугубилась тем, что в Греции к власти пришла военная хунта. В ее внешней политике четко прослеживалась цель присоединить Кипр к Греции.

В 1974 году греки вторглись на остров, в результате чего был свергнут президент Кипра — архиепископ Макариос. Турция не могла оставить это без внимания, ввела на Кипр свои войска и в 1975 году провозгласила создание нового федеративного государства, которое называлось Турецкое федеративное государство Кипр. А в 1983 году на карте появляется Турецкая Республика Северного Кипра (ТРСК). На сегодняшний день ТРСК признает только одно государство — Турция [1, с. 42–43].

Таким образом, поделенный на две части остров не принадлежит ни Греции, ни Турции, но и то и другое государство имеет здесь свои интересы. Греция поддерживает греческую общину, Турция — турецкую. В 2004 году Южный Кипр был принят в состав Европейского союза, в то время как ТРСК в данную организацию не входит, что усложняет отношения с Европой не только самой республики, но Турции. Создавшаяся ситуация усугубляется расположением на Кипре военных баз Великобритании.

С момента создания ТРСК предпринималось множество попыток решить кипрский вопрос посредством объединения острова. Самая известная из них — создание плана Аннана. Согласно данному плану предполагалось превратить Кипр в единое государство, состоящее из двух равных федераций, предоставить всем его гражданам кипрское гражданство, вернуть 85 000 греков-киприотов в свои дома в северной части Кипра, выплатить компенсации потерявшим свое жилье в 1974 году, принять единый Кипр в Европейский союз, провести выборы двухпалатного парламента, создать Президентский совет, демилитаризовать Кипр, поставить на контроль соблюдение прав человека и национальных меньшинств на острове [4, с. 69]. В ходе референдума по вопросу объединения Кипра на основе плана Аннана, состоявшегося 24 апреля 2004 года, турецкое население острова одобрило план, греческое, наоборот, отвергло его по ряду причин. Предложенный ООН план в силу так и не вступил, хотя были попытки внести в него коррективы, а южная часть Кипра вступила в ЕС отдельно от северной.

Кипрская проблема по-прежнему остается нерешенной. Стороны конфликта настаивают на своем. Афины и Никосия, с одной стороны, выступают за создание на острове двухобщинной федерации, Анкара — с другой — настаивает на сохранении двух самостоятельных государств [2, с. 60].

В очередной раз Турция заявила о своей позиции по вопросу Кипра в ходе визита Эрдогана в Турецкую Республику Северного Кипра в ноябре 2020 года в честь 37-й годовщины создания ТРСК. Президент Турции заявил о том, что права турок-киприотов ущемляются, их интересы игнорируются уже долгие годы, а греки властью на Кипре делиться не хотят. В связи с этим «ни Турция как страна-гарант, ни Северный Кипр больше не в силах закрывать глаза на дипломатические игры в регионе» [12]. Заявления Эрдогана, сделанные им в ходе его визита в ТРСК, осудили главы Республики Кипр, Греции, стран ЕС и представитель ООН.

На Северном Кипре у Эрдогана есть поддержка в лице лояльного Турции политика, выступающего против объединения южной и северной частей Кипра, — президента ТРСК Эрсина Татара, который в октябре 2020 года одержал победу на президентских выборах.

Во время визита оба президента сделали совместное заявление об открытии курортного района Вароши (*тур.* Мараш) города Фамагуста. После вторжения турок на северный Кипр в 1974 году Вароша, согласно резолюции Совета

Безопасности ООН № 550 1984 года, была признана буферной зоной [9]. Жителям Вароши дали сутки на то, чтобы покинуть свои дома. После чего район был окружен колючей проволокой и взят под охрану [11]. В ходе своего визита Эрдоган устроил в Вароше пикник, что вызвало негативную реакцию Греции. На сайте греческого МИДа появилось заявление о том, что визит президента Турции в Варошу в день годовщины оккупации земель Северного Кипра и провозглашения независимости ТРСК является беспрецедентной провокацией, которая полностью противоречит резолюциям Совета Безопасности ООН и Совета Европы. По мнению греков, действия Эрдогана способствуют постоянно растущей эскалации конфликта в Восточном Средиземноморье [15]. Осудила действия Турции и Россия. «Считаем недопустимыми решения по открытию территории Вароши. Односторонние действия, нарушающие ранее принятые резолюции Совета Безопасности ООН 414 (1977), 482 (1980), 550 (1984), 789 (1992) и 2483 (2019), создают дополнительные сложности для возобновления переговорного процесса по кипрской проблематике. Российская Федерация как постоянный член Совбеза ООН остается приверженной одобренным этими резолюциями модальностям урегулирования и готова оказывать необходимое содействие в их реализации» [5].

Тем не менее, как было сказано ранее, череда конфликтов в греко-турецких отношениях, которая длится уже много лет, иногда сменялась краткосрочными перемириями. Например, в 1988 году на экономическом форуме в Давосе Греция и Турция подписали декларацию, запрещающую военную эскалацию конфликта. А в результате двух мощных землетрясений 1999 года, нанесших огромный ущерб обеим странам, греческое и турецкое правительства оказали друг другу помощь. Аналогичная ситуация с землетрясением произошла и в августе 2020 года. Примечателен визит президента Турции Реджепа Эрдогана в Афины в 2017 году, в ходе которого он провел встречи с президентом Греции Прокописом Павлопулосом и греческим премьер-министром Алексисом Ципрасом. Это был первый визит турецкого президента в столицу Греции за последние 65 лет.

В Греции и Турции нет однозначного взгляда на решение создавшихся проблем. В обоих государствах существует оппозиция, несогласная с проводимой внешней политикой. Так, в Турции существует мнение о том, что проводимая Эрдоганом внешняя политика по отношению к Греции слишком мягкая и результатов как не принесла, так и в дальнейшем не принесет. Кемаль Кылычдароглу, лидер Республиканской народной партии, осенью 2020 года прокомментировал возвращение турецкого судна *Oguz Reis* из спорных территориальных вод. Он назвал турецкую дипломатию недееспособной и заявил о том, что внешняя политика находится в руках у одного человека, а турецкий парламент более не является центром власти, из-за чего Турция вынуждена идти на всевозможные уступки своим соперникам.

Есть и иное мнение. Ахмет Давутоглу — лидер «Партии будущего» и бывший премьер-министр Турции — говорит о других методах решения конфликта

с греками. Он предлагает сесть за стол переговоров с Грецией и ЕС, обсудить накопившиеся проблемы и снизить напряжение между двумя странами, в противном случае Турция рискует довести ситуацию до военного столкновения.

В Греции большая часть оппозиционных партий осуждает правительство Кириакоса Мицотакиса за бездействие по отношению к Турции. Партия СИРИЗА заявляет об отсутствии у правительства четкой стратегии, которая бы защищала права Греции в Восточном Средиземноморье. Кроме того, правительство до сих пор не может добиться необходимой поддержки от ЕС и НАТО. Партия Алексиса Ципраса выступает за мир между Грецией и Турцией на основе диалога между двумя государствами, основанного на международном праве. В случае провала греко-турецких переговоров, касающихся континентального шельфа и исключительной экономической зоны, необходимо обращаться в суд в Гааге [18].

Янис Варуфакис, бывший министр финансов Греции при правительстве Алексиса Ципраса, создатель партии МΕΡΑ25, предлагает не вести двусторонние переговоры с арбитрами, а выстраивать многосторонний диалог, привлечь к решению насущных проблем все страны Восточного Средиземноморья, в том числе Турцию и Кипр [16].

В бездействии обвиняет правительство и Фофи Гениммата, лидер левоцентристского политического альянса Греции «Движение перемен» (КИНАЛ). По ее мнению, правительство признало возможность оспаривания греческих границ, бездействует и просто следит за развитием событий [17].

Есть и более радикальное мнение, согласно которому должны быть прекращены любые переговоры с Турцией. Такая точка зрения принадлежит Кирьякосу Велопулосу, основателю правой националистической партии «Греческое решение» [14].

Таким образом, напряженные отношения между Грецией и Турцией объясняются отсутствием какого-либо документа, который бы четко разграничивал водные пространства в Эгейском море. Лозаннский договор, являющийся основой греко-турецких отношений многие годы, сегодня представляет из себя предмет спора двух государств, а Конвенция ООН по морскому праву, в которой прописаны действия на случай возникновения споров вокруг водных границ, признается только Грецией. Сложившаяся ситуация в Эгейском море однозначно влияет на отношения Греции и Турции с другими государствами и международными организациями. Не раз предпринимались попытки сесть за стол переговоров и достигнуть определенных договоренностей между Грецией и Турцией, однако по-прежнему все попытки терпят неудачу за неудачей. Стоит отметить желание и стремление Греции и Турции договариваться с кем угодно, только не друг с другом. Так, Греция заключила договоры с Италией, Египтом, проводила совместные военные учения в Эгейском море с Францией, неоднократно обращалась за поддержкой в Европейский союз. Восточно-Средиземноморский газовый форум включил в себя почти все государства региона, за исключением Турции. Турция, в свою очередь, заключила договор с Ливией, предпринимает попытки в налаживании отношений с Египтом, поддерживает крепкие отношения

с ТРСК. Желание турецкого правительства и лично президента Эрдогана вывести Турцию на лидирующую роль в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке привело к созданию идеи «Голубая родина» (*тур.* Mavi Vatan), согласно которой турки претендуют на обширные территории в Эгейском, Средиземном, Мраморном и Черном морях [19]. Усиление военно-морского флота, военные учения, проводимые Турцией в морях, сейсмические исследования вблизи греческих островов и Кипра, а также ряд провокационных заявлений в сторону Греции и Южного Кипра — все это предпринимается в рамках осуществления идеи «Голубая родина». В итоге вопрос греко-турецких морских границ остается открытым, а напряженность в отношениях Греции и Турции сохраняется, что является одним из главных факторов угрозы безопасности региона.

Список литературы

1. Аватков В. А. Турецкая Республика. Внешняя политика: от 2002 к 2018. М.: Юрайт, 2019. 136 с.
2. Антонова А. И. О современной роли и позиции Греции в Кипрском урегулировании // Общество. Среда. Развитие. 2010. № 1. С. 57–62.
3. Квашнин Ю. Д. Греция в международных отношениях (1936–1941). М.: Изд-во Московского университета, 2011. 216 с.
4. Козик К. А. Кипрский вопрос в политике Турецкой республики (начало XXI в.) // Евразийский союз ученых (ЕСУ). Исторические науки. 2015. № 11 (20). С. 67–72.
5. Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с открытием части Вароши — закрытого района Фамагусты (Республика Кипр) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации: официальный сайт. 2020. 7 октября. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4372079 (дата обращения: 27.05.2021).
6. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций: официальный сайт. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 27.05.2021).
7. Куприянов А. Битва за эгейское небо: Необъявленная греко-турецкая война [Электронный ресурс] // Lenta.ru — Новости России и мира сегодня: сайт. 2016. 17 февраля. URL: https://lenta.ru/articles/2016/02/16/dogfishs_diplomacy/ (дата обращения: 27.05.2021).
8. Нестерова Т. П. Вопрос о Додеканесских островах в международных отношениях 1920-х – 1930-х гг. // Научный диалог. 2014. № 8 (32): История. Экономика. Право. С. 67–83.
9. Резолюции Совета Безопасности ООН 1984 года № 550 [Электронный ресурс] // Электронная подписка на документы Организации Объединенных Наций: сайт. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/550\(1984\)](https://undocs.org/ru/S/RES/550(1984)) (дата обращения: 27.05.2021).
10. Спорные территории — Эгейский спор. Дата публикации: 27.02.2014 [Электронный ресурс] // Геополитика: аналитический портал. URL: <http://www.geopolitics.ru/2014/02/spornye-territorii-egejskij-spor/> (дата обращения: 27.05.2021).
11. Сенин К. Город, которого нет: турки-киприоты открывают часть курорта Вароша [Электронный ресурс] // IZ.RU: информационный портал газеты «Известия», Ren TV, 5 канала. 2020. 9 октября. URL: <https://iz.ru/1070817/kirill-senin/gorod-kotorogo-net-turki-kiprioty-otkrывают-chast-kurorta-varosha> (дата обращения: 27.05.2021).

12. Юранец А. Новый фронт Эрдогана: зачем президент Турции посетил Кипр [Электронный ресурс] // Газета.ru: ежедневная электронная газета. 2020. 16 ноября. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/11/16_a_13363225.shtml (дата обращения: 27.05.2021).
13. Treaty of Lausanne [Электронный ресурс] // The World War I Document Archive: Wiki-версия архива документов Первой мировой войны на сервере Университета Бригама Янга. 2009. 20 мая. URL: https://wwi.lib.byu.edu/index.php/Treaty_of_Lausanne (дата обращения: 27.05.2021).
14. Ανακοίνωση τύπου για τις εξελίξεις στα ελληνοτουρκικά και την αποτυχία στην λιβυή [Электронный ресурс] // Ελληνική Λύση: сайт политической партии Греции [Greek Solution]. 2021. 13 апреля. URL: <https://elliniki-lisi.gr/anakoinosi-tyrou-gia-tis-exelixeis-sta-ellinotourkika-kai-tin-apotychia-stin-livyi> (дата обращения: 27.05.2021).
15. Ανακοίνωση Υπουργείου Εξωτερικών αναφορικά με την επίσκεψη του Τούρκου Προέδρου στα κατεχόμενα Βαρώσια [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Греции: официальный сайт. 2020. 20 ноября. URL: <https://www.mfa.gr/epikairotita/diloseis-omilies/anakoinose-upourgeiou-exoterikon-anaphorika-me-ten-episkepse-tou-tourkou-proedrou-sta-katekhomena-barosia.html> (дата обращения: 27.05.2021).
16. Βαρουφάκης Γ. Ελληνοτουρκικά [Электронный ресурс] // ΜΕΡΑ25 — электоральное подразделение общеевропейского транснационального движения «Демократия в Европе» (DiEM25) в Греции: сайт. 2020. 16 августа. URL: <https://mera25.gr/ellinotourkika/> (дата обращения: 27.05.2021).
17. Δανηλόπουλος Μ. Πυρά ΚΙΝΑΛ κατά Μαξίμου για τα ελληνοτουρκικά. [Электронный ресурс] // Kathimerini.gr — ежедневная политическая и экономическая газета: сайт. 2020. 21 октября. URL: https://www.kathimerini.gr/politics/561125158/pyra-kinal-kata-maximou-gia-ta-ellinotourkika/amp/?__twitter_impession=true (дата обращения: 27.05.2021).
18. Ζορμπά Νίκης, ΣΥΡΙΖΑ για Εθνικά: Ένας έντιμος συμβιβασμός δεν είναι ενδοτισμός [Электронный ресурс] // Capital.gr: сайт о бизнесе и экономике. 2020. 9 октября. URL: <https://www.capital.gr/politiki/3486800/suriza-gia-ethnika-enas-entimos-sumbibasmos-den-einai-endotismos> (дата обращения: 27.05.2021).
19. Mavi Vatan nedir? [Электронный ресурс] // Dünya: сайт. 2020. 11 августа. URL: <https://www.dunya.com/gundem/mavi-vatan-nedir-haberi-477526> (дата обращения: 27.05.2021).

References

1. Avatkov, V. A. (2019). *Turetskaia Respublika. Vneshniaia politika: ot 2002 k 2018* [Turkish Republic. Foreign Policy: from 2002 to 2018]. Moskva: Iurait (in Russian).
2. Antonova, A. I. (2010). O sovremennoi roli i pozitsii Gretsii v Kiprskom uregulirovanii [About the Contemporary Role and Position of Greece in the Cyprus Settlement] // *Obshchestvo. Sreda. Razvitie* [Society. Environment. Development], (1), 57–62 (in Russian).
3. Kvashnin, Iu. D. (2011). *Gretsiia v mezhdunarodnykh otnosheniakh (1936–1941)* [Greece in International Relations (1936–1941)]. Moskva: Izd-vo Moskovskogo universiteta (in Russian).
4. Kozik, K. A. (2015). Kiprskii vopros v politike Turetskoi respubliki (nachalo XXI v.) [The Cyprus Question in the Politics of the Turkish Republic (the Beginning XXI v.)]

of the XXI century)]. *Evraziiskii Soiuz Uchenykh (ESU). Istoricheskie nauki*, 20 (11), 67–72 (in Russian).

5. Ministerstvo inostrannykh del Rossiiskoi Federatsii: ofitsial'nyi sait [The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation: official website]. (2020, October 7). *Kommentarii Departamenta informatsii i pechati MID Rossii v sviazi s otkrytiem chasti Varoshi — zakrytogo raiona Famagusty (Respublika Kipr)* [Commentary by the Department of Information and Press of the Russian Foreign Ministry in Connection with the Opening of a Part of Varosha — a Closed Area of Famagusta (Republic of Cyprus)]. Retrieved from https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4372079 (in Russian).

6. Organizatsiia Ob"edinennykh natsii: ofitsial'nyi sait [United Nations: official website]. (n. d.). *Konventsiiia Organizatsii Ob"edinennykh Natsii po morskomu pravu* [United Nations Convention on the Law of the Sea]. Retrieved from https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (in Russian).

7. Kupriianov, A. (2016, February 17). Bitva za egeiskoe nebo [Battle for the aegean sky] *Lenta.ru — Novosti Rossii i mira segodnia: sait* [Lenta.ru — News of Russia and the world today: website]. Retrieved from https://lenta.ru/articles/2016/02/16/dogfishts_diplomacy/ (in Russian)

8. Nesterova, T. P. (2014). Vopros o Dodekanesskikh ostrovakh v mezhdunarodnykh otnosheniakh 1920-kh – 1930-kh gg. [The Question of the Dodecanese Islands in International Relations 1920–1930]. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 32 (8): History. Economy. Law, 67–83 (in Russian).

9. Rezoliutsii Soveta Bezopasnosti OON 1984 goda № 550 [Resolutions Adopted by the Security Council in 1984]. (n. d.). *Elektronnaia podpiska na dokumenty Organizatsii Ob"edinennykh Natsii: sait* [eSubscription to United Nation Documents: website]. Retrieved from [https://undocs.org/ru/S/RES/550\(1984\)](https://undocs.org/ru/S/RES/550(1984)) (in Russian).

10. Geopolitika [Geopolitics.ru]. (2014, February 27). *Spornye territorii — Egeiskii spor* [Disputed Territories — Aegean Dispute]. Retrieved from <http://www.geopolitics.ru/2014/02/spornye-territorii-egejskij-spor/> (in Russian).

11. Senin, K. (2020, October 9). Gorod, ktorogo net: turki-kiprioty otkryvaiut chast' kurorta Varosha [A Town that does not Exist: Turkish Cypriots Open Part of the Varosha Resort]. *Izvestiia* [News]. Retrieved from <https://iz.ru/1070817/kirill-senin/gorod-kotorogo-net-turki-kiprioty-otkryvaiut-chast-kurorta-varosha> (in Russian).

12. Iuranets, A. (2020, November 16). Novyi front Erdogana: zachem prezident Turt-sii posetil Kipr [Erdogan's New Front: Why the Turkish President Visited Cyprus]. *Gazeta* [Newspaper]. Retrieved from https://www.gazeta.ru/politics/2020/11/16_a_13363225.shtml (in Russian).

13. The World War I Document Archive. (2009, May 20). *Treaty of Lausanne*. Retrieved from https://wwi.lib.byu.edu/index.php/Treaty_of_Lausanne

14. Greek Solution. (2021, April 13). *Press Release on Developments in Greek-Turkish and the Failure in Libya*. Retrieved from <https://elliniki-lisi.gr/anakoinosi-typou-gia-tis-exelixeis-sta-ellinotourkika-kai-tin-apotychia-stin-livyi> (in Greek).

15. Ministry of Foreign Affairs of Greece: official website. (2020, November 20). *Foreign Ministry Statement on Turkish President's Visit to Occupied Varosha*. Retrieved from <https://www.mfa.gr/epikairotita/diloseis-omilies/anakoinose-upourgeiou-exoterikon-anaphorika-me-ten-episkepse-tou-tourkou-proedrou-sta-katekhomena-barosia.html> (in Greek).

16. Varoufakis, G. (2020, August 16). Greek – Turkish. *The Day25*. Retrieved from <https://mera25.gr/ellinotourkika/> (in Greek).

17. Danilopoulos, M. (2020, October 21). KINAL Fire Against Maximos for the Greek – Turkish. *Kathimerini*. Retrieved from https://www.kathimerini.gr/politics/561125158/pyrakinal-kata-maximoy-gia-ta-ellinotoyrkika/amp/?__twitter_impression=true (in Greek).
18. Zorba, N. (2020, October 9). SYRIZA for Nationals: An Honest Compromise is not Submissiveness. *Capital*. Retrieved from <https://www.capital.gr/politiki/3486800/suriza-gia-ethnika-enas-entimos-sumbibasmos-den-einai-endotismos> (in Greek).
19. Dünya. (2020, August 11). *What is the Blue Homeland?* Retrieved from <https://www.dunya.com/gundem/mavi-vatan-nedir-haberi-477526> (in Turkish).

УДК 433.93/94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2021.43.3.6

Удербаева Сауле Карибаевна

кандидат исторических наук

Казахский национальный университет им. аль-Фараби

Казахстан, Алма-Ата

E-mail: saule-uderbaeva@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0322-964X

АДАЕВСКОЕ ВОССТАНИЕ 1870 ГОДА: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

В статье представлен историографический обзор научной литературы по истории Адаевского восстания 1870 года на полуострове Мангышлак (современное название — Мангыстау). Представители казахского рода адай проживали на полуострове и стали основной движущей силой восстания. Целью статьи стал анализ немногочисленных исследований и материалов по обозначенной теме дореволюционного, советского и настоящего времени. Интересно, что именно дореволюционная литература стала в наши дни основным источником для изучения истории восстания. Это работы Н. П. Глиноецкого, В. А. Потто, Н. А. Середы, П. Л. Юдина. В советский период история восстания была описана в изданиях по общей истории Казахстана: «Очерках по истории Казахской ССР» М. П. Вяткина (М., 1941), «Истории Казахстана с древнейших времен до наших дней» под редакцией М. Абдыкалыкова и А. Панкратовой (Алма-Ата, 1943). Тогда же вышла в свет работа М. С. Турсуновой «Казахи Мангышлака во второй половине XIX века» (Алма-Ата, 1977), в которой освещена история Адаевского восстания. По настоящее время этот труд остается наиболее полным научным исследованием по истории полуострова Мангышлак XIX века. Несомненным достоинством монографии является документальная база, основанная на архивных источниках Казахстана и России. В новейшей казахстанской и зарубежной научной литературе нет специальных работ по истории Адаевского восстания, что позволяет сделать вывод об актуальности исследования данного вопроса.

Ключевые слова: восстание; Мангыстау; Мангышлак; адай; историография; казахи; Российская империя; полуостров; Адаевское восстание.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00162), реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого.

UDC 433.93/94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2021.43.3.6

Saule K. Uderbaeva

PhD in History

Al-Farabi Kazakh National University

Kazakhstan, Alma-Ata

E-mail: saule-uderbaeva@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0322-964X

**ADAYEVSKY UPRISING OF 1870:
HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM**

This article presents a historiographic review of scientific literature on the history of the Adayev uprising of 1870 on the Mangyshlak peninsula (the modern name of Mangystau). The uprising was named Adayevsky from the Kazakh clan Adai, who lived on the peninsula and became the main driving force of the uprising. The purpose of this article was to analyze the existing pre-revolutionary literature, scientific research of the Soviet period and the latest works on the history of the uprising. The analysis of the historiography of the history of the Adayev uprising of 1870 showed that the history of the Adayev uprising is not very extensive in the scientific literature. An interesting fact is that it is in the pre-revolutionary literature that a number of works are devoted to the history of the uprising, which have now become the main sources for studying the history of the uprising. These are the works of N. P. Glinetskiy, V. A. Potto, N. A. Seredy, P. L. Yudin. In the so-called Soviet period, the history of the uprising is described in publications on the general history of Kazakhstan: essays on the history of the Kazakh SSR, the history of Kazakhstan from ancient times to the present day, edited by A. M. Pankratova. But it was during this period that the work of M. S. Tursunova “Kazakhs of Mangyshlak in the second half of the XIX century” (1977), in which the history of the Adayev uprising is consecrated. To this day, this work remains the most complete scientific study on the history of Mangyshlak, on the history of the uprisings of the Kazakhs of the 19th century peninsula. The undoubted merit of the work is the documentary base of the monograph from among the archival documents of the archives of Kazakhstan and Russia. In the latest Kazakh and foreign scientific literature, there are no special works on the history of the Adayev uprising, which allows us to conclude about the relevance of studying the history of the uprising.

Keywords: uprising; Mangystau; Mangyshlak; adai; historiography; Kazakhs; Russian Empire; peninsula; Adayev uprising.

Acknowledgments: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project № 19-18-00162), implemented at the Leo Tolstoy Institute of Languages and Cultures.

Введение

В истории Казахстана дореволюционного периода есть еще много страниц, которые нуждаются в обстоятельном научном исследовании и анализе. В настоящее время в казахстанской исторической науке происходит процесс выявления так называемых белых пятен истории страны, преодоления последствий искажения истории в советской историографии. В основном это касается истории советского периода. Но и в истории имперского периода есть также много исторических событий, которые нуждаются в изучении и переосмыслении. К таким страницам можно отнести историю Адаевского восстания 1870 года на полуострове Мангышлак (современное название Мангыстау). В статье представлен анализ историографии восстания, названного по имени казахского рода адай, проживавшего на полуострове и ставшего основной движущей силой мятежа. Историографический обзор будет осуществлен по хронологическому принципу: 1) анализ дореволюционных исследований, 2) научные работы советского периода и 3) современные работы.

При анализе историографии проблемы считаем важным учитывать определение авторства того или иного источника. Мы согласны с мнением П. Ф. Никулина, что атрибуция письменного источника является ключевой задачей его внешней критики. Установление автора или составителя документа позволяет получить более точные представления о месте, времени, причинах и условиях его возникновения, полнее раскрыть его социальную и политическую направленность. Изучив мировоззрение, практическую деятельность и социокультурную принадлежность автора, историк может правильно истолковать текст и определить степень достоверности сообщенных в нем сведений. Важна даже неполная, неперсонифицированная атрибуция источника. Автор как создатель текста вкладывает в произведение свои цели, замысел, ценности и способы их реализации [14].

Исходя из вышесказанного, мы обращаем особое внимание на авторов исследований по истории Адаевского восстания 1870 года, их образовательный уровень, биографии, чтобы полнее оценить ценность историографических источников.

Адаевскому восстанию 1870 года на Мангыстау предшествовало восстание казахов Младшего жуза в Уральской и Тургайской областях 1869 года, которое было жестоко подавлено царским правительством. Оба восстания стали реакцией на введение Временного положения об управлении степными областями 1868 года¹. Целый комплекс причин заставил казахов Младшего жуза, в том числе адаевцев, выступить против нового положения. В данной статье мы хотели бы проанализировать, как освещали восстание и интерпретировали его историю современники и следующие поколения исследователей.

¹ Мы согласны с мнением исследователя Д. В. Васильева, считающего, что с 1867–1868 гг. российское правительство берет курс на административную ассимиляцию региона [3].

Результаты

Практически сразу после подавления восстания в журнале «Военный сборник» за 1871 год была опубликована статья русского генерала, военного историка, писателя, востоковеда, профессора Николаевской академии Генерального штаба Николая Павловича Глиноецкого «Несколько слов по поводу последнего восстания киргизов на Мангышлакском полуострове» [7].

Автор статьи получил образование в I кадетском корпусе и Императорской николаевской военной академии, в которой впоследствии состоял адъюнкт-профессором в 1856–1864 годах, читая лекции по тактике, статистике и военной истории [8]. Дослужился до чина генерал-майора 16 апреля 1872 года, награжден орденом Св. Владимира 3-й степени, 1-й степени, орденом Св. Анны 1-й степени [8]. Публиковался по различным вопросам военного дела в журналах «Русский инвалид» и «Военный сборник», вел отдел иностранного военного обозрения, напечатал «Исторический очерк Николаевской академии генерального штаба» [5], «Историю русского генерального штаба» [6]. В историческом очерке Николаевской академии Н. П. Глиноецкий подробно освещает историю академии Генерального штаба, описывает участие императора Николая I в становлении военно-учебного заведения, дает характеристики инициаторов создания академии — теоретиков и практиков военного искусства, — описывает быт и систему построения занятий в академии.

В начале статьи Н. П. Глиноецкий пишет о том, что, несмотря на прошедший с начала восстания значительный промежуток времени, оно до сих пор не изучено подробно, также обозначает цель своей статьи — «поговорить подробнее о Мангышлаке и указать на те причины, которые могли быть поводом к восстанию жителей против русского правительства» [7, с. 41]. Далее он подробно описывает особенности географического расположения и историю Мангышлакского приставства, отмечая, что на этой большой территории кочуют в основном казахи рода адай, общее число которых, по официальным данным, составляет 20 тыс. кибиток, а по неофициальным данным, доходит до 30 тыс. кибиток. До восстания вносилась кибиточная подать по числу 10 тыс. кибиток [7, с. 43]. Кроме казахов рода адай там также кочуют казахи рода берш числом не более 70 кибиток, туркмены — от 300 до 500 кибиток, занимающие узкую полосу земли по побережью Каспийского моря, возле заливов Александр-Бай, Карабугаз и Киндерли [7, с. 43]. Этот экскурс объясняет название восстания по названию казахского рода адай, ставшего основной движущей силой восстания.

Исследователь отмечает, что власть России на территории приставства была номинальной, народ оставался свободным, выполнял требования правительства только тогда, когда считал выгодным для себя, и даже в 1870 году хивинцы абсолютно спокойно собирали с казахов зякет — вид подати в пользу хивинского хана [7, с. 43]. Адаевцев Н. П. Глиноецкий характеризует как дикое, грубое и воинственное из всех казахских племен, среди которых

недостаточно утвердился ислам, практически нет шариата и мечетей, заключая, что «адаевцы одни из самых плохих мусульман в мире» [7, с. 44].

Далее автор представил краткую историю освоения региона Российской империей до введения нового положения, подчеркивая существовавшую вольницу в платежах кибиточного сбора и управлении родами сардарами — начальниками отделений. Не стремясь к критике действий правительства, тем не менее Н. П. Глиноецкий пишет о несвоевременности введения нового положения в регионе, приведшей к кровавой драме. Определяя причины восстания как сугубо местные, тем не менее он подчеркивает влияние Хивы, «нравственную поддержку» хивинского хана на ход событий, и призывает к скорейшему решению хивинского вопроса [7, с. 49].

Затем следует короткий пересказ хода подавления восстания; во второй части очерка Н. П. Глиноецкий дает историко-географическое описание Мангышлака, заключая, что овладение подступами к летним кочевьям адаевцев позволит принудить их к полной зависимости от российских властей и признать «владычество наше не номинально, а фактически» [7, с. 49]. Главный вывод очерка — необходимость рекогносцировки на Мангышлаке, которая позволит безошибочно освоить сложный для империи регион.

Двадцатистраничный очерк Н. П. Глиноецкого является первым исследованием по восстанию, из которого можно почерпнуть много ценной информации по истории восстания и истории Мангышлака имперского периода, данной современником и военным специалистом.

В 1892 году в журнале «Русская мысль» увидело свет исследование Николая Акимовича Середы [21], который практически двадцать лет возглавлял городскую администрацию Оренбурга, активно изучал историю края, вел литературную и историко-краеведческую деятельность. Кроме того, его перу принадлежит очерк по истории восстания Кенесары Касымова [20].

Отметим, что Николай Акимович Середа был младшим братом генерал-лейтенанта, военного судьи, также выпускника Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса и своего полного тезки — Николая Акимовича Середы. Для различения родственников их называли по старшинству Середа-первый и Середа-второй. Разница в возрасте братьев составляла два года.

Как пишет видный исследователь оренбургской истории В. Г. Семенов, в газете «Оренбургский листок» часто выходили публицистические статьи, заметки, обзоры Н. А. Середы. С конца 1860-х годов в столичном журнале «Вестник Европы», в газете «Оренбургские губернские ведомости», в изданиях Оренбургского губернского статистического комитета и других изданиях стали появляться его публикации на историко-краеведческие темы, содержащие ценные, ранее неизвестные исторические материалы. Краеведа привлекали масштабные исторические события: Пугачевское восстание, восстание государственных крестьян Приуралья — «картофельные бунты» 1841–1843 годов, движение казахов под руководством К. Касымова [18, с. 37].

Николай Акимович Середа активно занимался общественной деятельностью: состоял действительным членом Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества, с 1911 по 1914 год был действительным членом Оренбургской ученой архивной комиссии, состоял членом правления Попечительского общества о домах трудолюбия, участвовал в работе по приведению в порядок архива генерал-губернаторского управления. Начав гражданскую службу коллежским секретарем в 1869 году, дослужился до чина статского советника, в который был произведен 17 января 1897 года [18, с. 38].

Работа Н. А. Середы «Из истории волнений в Оренбургском крае...» — самое объемное (30 страниц) и обстоятельное исследование по истории Адаевского восстания 1870 года дореволюционного периода. Оно разделено на главы, в первой главе автор описывает события на Мангышлаке в 1869–1870 годах, как вводилось положение в регионе, обстоятельства смерти полковника Рукина и осады Александровского форта повстанцами, во второй главе Середа описывает положение в Уральской и Тургайской областях летом 1870 года, поездку главного начальника края, действия отрядов под командованием подполковников Саранчева и Байкова, ход усмирения Степи, последствия восстания для казахов, среднеазиатской торговли, для России, анализирует отголоски общественного мнения по событиям в Степи 1869, 1871 годов, комитеты 1871 года, затем следует заключение.

Автор подробно описывает ситуацию на Мангышлаке до введения нового положения, дает характеристики начальникам верхней и нижней адаевских дистанций Маяева и Колбина, вновь назначенному мангышлакским приставом полковнику Рукину, пересказывает девять пунктов инструкции, данной ему. Следуя указаниям, Рукин приглашает в форт Александровский на совещания всех должностных, почетных и влиятельных лиц, по итогу которых было принято решение взимать кибиточную подать за 1869 год по старой норме — 1 рубль 50 копеек с кибитки, а с 1870 года — по норме нового положения — 3 рубля 50 копеек, включая земский сбор [21, с. 11].

Важно заключение Середы о том, что при введении Временного положения нарушителями стали не казахи, а их начальство, заменившее выборное начало назначением волостных управителей от русской волости: «и такое распоряжение противное духу реформы, исходило от тех же деятелей, что составляли вводимое положение. Факт поистине красноречивый!» — восклицает автор [21, с. 8].

Далее Н. А. Середа пишет, что 1 марта местные жители должны были праздновать Курбан-байрам, по поводу которого Рукин устроил для них той и скачки с призами, после чего казахи начинают откочевки на летовки [21, с. 9].

Доставленные записки подтверждают, что новое положение было принято всеми отделениями бывшей верхней и большей частью нижней дистанций [21, с. 9]. Не доверяя адаевцам, Рукин решается на поездку по территории приставства с конвоем из двух офицеров, одного урядника, 38 казаков, провиантом

на 45 дней [21, с. 10]. Затем Н. А. Середва подробно описывает все обстоятельства гибели Рукина, осады казахами форта; только прибытие свежих русских войск заставило казахов отступить.

Анализируя итоги восстания, автор заключает, что только отсутствие среди казахов подлинного лидера, подобного Кенесары Касымову, и удачный выбор уездных начальников Тургайской области способствовали скорому подавлению восстания [21, с. 27]. Последствия восстания исследователь характеризует как катастрофические для торговли и развития промышленности, капиталов оренбургского купечества. Причиной этого Н. А. Середва называет излишнюю самоуверенность царской администрации, не внимавшей благоразумным советам правительственных лиц, знакомых со степью [21, с. 27]. Приводя мнение знатока степи, члена государственного совета, тайного советника А. И. Левшина, считающего, что нельзя вводить одинаковое управление для казахов разных регионов, Середва пишет о том, что широкая общественность также активно осуждала все ошибочные меры, сопровождавшие реформу, громко и втихомолку, в виде карикатур, басен, стихов высказывая свое неприятие ввода в мирное время административных реформ скоропалительным насильственным, кровавым путем [21, с. 31].

В финале своего исследования Н. А. Середва высказывает надежду на чело-веколюбивое и снисходительное решение Комитета 1871 года по отношению к 400 казахам, осужденным за участие в бунте как невольным жертвам ошибок. «До тех пор, пока одна народность будет жить за счет других, угнетаемые к этой первой будут питать одни лишь чувства злости, зависти, озлобления и желания возмездия», — отмечает Н. А. Середва. По его мнению, сплочения русских с инородцами можно достичь милостью и равноправием [21, с. 31].

Исследование Н. А. Середы — очень интересная, самобытная работа по истории событий, сопровождавших введение Временного положения в Западном Казахстане, с оригинальными выводами, самостоятельным видением причин, итогов сопротивления казахов; в ней присутствуют идеи гуманизма, которыми представители колониальной администрации не руководствовались.

Русский историк-архивист, краевед, хорунжий Оренбургского казачьего войска Павел Львович Юдин также изучал историю восстания казахов рода адай. Его работа «Адаевский бунт на полуострове Мангышлак 1870 г.» была опубликована в журнале «Русская старина» в 1894 году [27].

Несмотря на то что П. Л. Юдин получил высшее образование по специальности «архивист», в большей степени он был известен современникам и потомкам как историк, краевед и журналист. Диапазон его научных интересов был весьма широк, охватывая большинство казачьих войск европейской России [13, с. 72].

Как пишет Ф. А. Киржинова, исследователь жизни и деятельности П. Л. Юдина, его работы носили в основном аналитический характер, в них четко соблюдалось неотвратимое следование первоисточникам, главное место среди которых

занимали архивные материалы. Его работы были опубликованы на русском, украинском, французском и других языках [13, с. 72]. Иногда он публиковался под псевдонимом ПЮ.

Интересно, что родной брат Павла Львовича — войсковой старшина Михаил Львович Юдин, — также являясь казачьим офицером, активно занимался работой с архивными источниками, исследовательской деятельностью. Он служил есаулом Оренбургского казачьего войска, являлся автором многих интересных исследований по истории Оренбургского края. Оба брата Юдины состояли действительными членами Оренбургской ученой архивной комиссии.

В Оренбургской ученой архивной комиссии сотрудничал и Н. А. Середа. Оренбургская ученая архивная комиссия внесла большой вклад в развитие архивного дела, научное изучение края. Вклад деятелей ОУАК в становление и развитие архивного дела в крае заключается в сохранении обширного фонда документальных памятников [28, р. 98]. В дореволюционных научных обществах работала целая плеяда выдающихся исследователей, ставших зачинателями процесса научного изучения Центральной Азии [25].

Помимо Оренбургской ученой архивной комиссии П. Л. Юдин был членом Нижегородской и Саратовской ученых архивных комиссий, а также Петровского общества исследователей Астраханского края.

Во введении к статье Юдин пишет, что, наткнувшись на заметку «Подавление беспорядков на Мангышлаке в 1870 г.», опубликованную в «Военном сборнике» в марте 1872 года, он задался целью дополнить имеющиеся в ней сведения по истории восстания на основе архивных документов, записок участника событий полковника Зеленина, которые были переданы Юдину после его смерти членом Оренбургской ученой архивной комиссии Н. Г. Ивановым [27, с. 135].

В первой части работы П. Л. Юдин дает историко-географическое описание Мангышлака, во второй — событий 1869–1870 годов. Отмечая обстоятельства гибели Рукина, он пишет, что с его головы повстанцы сняли скальп с целью отправки хивинскому хану, чтобы тот прислал им на подмогу подкрепление [27, с. 137]. Затем повстанцы стали нападать на рыбопромышленников в заливе Сарташ, все рыболовные суда по побережью Каспия, что дало возможность фарту подготовиться к обороне [27, с. 148].

Далее П. Л. Юдин приводит интересную информацию о непростых взаимоотношениях полковника Зеленина и графа Кутайсова, прибывшего на подмогу; об ошибочных решениях графа; последовавшем после нападения на Кутайсова казахов примирении служащих и лестной характеристике, данной казахским повстанцам графом, изменившим свое первоначальное мнение о них, несмотря на то, что казахи отбили его выючную лошадь со всеми вещами, выбили из его рук двухствольную винтовку: «народ дикий, отчаянный, хоть дагестанцам в пору с ними сражаться» [27, с. 155].

Все русские войска, участвовавшие в подавлении Адаевского восстания, были хорошо вознаграждены, особенно дагестанцы, прибывшие с графом

Кутайсовым: каждый из них получил по Георгиевскому кресту и денежные награды от начальства [27, с. 155].

Публикация П. Л. Юдина в журнале «Русская старина» представляет материал по истории восстания первостепенного характера, который невозможно найти в других источниках.

Следующая работа по истории Адаевского восстания вышла в свет через тридцать лет после самого события. В 1900 году в журнале «Исторический вестник» была опубликована статья военного историка, генерал-лейтенанта В. А. Потто, в 1871–1872 годах командированного в Уильское укрепление (современная Актюбинская область Казахстана) [16].

Василий Александрович Потто — писатель, кавказовед — интересовался историей казачества, освоения Кавказа Россией, полковой историографией, военной педагогией. «“Летописец кавказских войн”, “Баян доблести кавказских войск”... так называли Василия Александровича друзья и благодарные почитатели его литературно-исторического творчества» [22, с. 120].

В октябре 1870 года по рекомендации военного министра Д. А. Милютина Потто был назначен начальником Оренбургского казачьего юнкерского училища, которым он руководил одиннадцать лет. Результатом командировки в Оренбургскую степь летом 1871 года стала его новая книга «Степная война», вскоре изданная в Лондоне на английском языке [17]. Труды генерала Василия Потто, начальника Военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа, получившего также почетное прозвище «Нестор Кавказской истории», до сих пор пользуются неизменным интересом [17].

Статья «Гибель отряда Рукина в 1879 году» из «Исторического вестника» — это пересказ от первого лица событий «рокового времени 1869 и 1870 годов» на основе воспоминаний казахского чиновника, встреченного им в Степи, сопоставления их со сведениями, добытыми от очевидцев, с рассказами казаков, вернувшихся из плена, и «с теми немногими сведениями, которые хранятся еще под толстым слоем пыли оренбургских архивов» [16, с. 111]. Обстоятельства гибели уездного начальника, подполковника Рукина, В. А. Потто описывает, сетуя на его суровую строгость, которая и стала причиной последующих событий. Он пишет, что Рукин вовсе не хотел принимать во внимание ни новизну для адаевцев введения «Положения», «ни разнообразия местных бытовых условий, ни обширности степных пространств, ни борьбы с предрассудками» [16, с. 121]. Не слушая преданного казаха Маяева, подполковник, узнав о беспорядках, выступил из Александровского форта с конною полусотней уральских казаков. «Он шел “наказать мятежников”, рассчитывая, что одного появления его с казаками будет достаточно для восстановления полного спокойствия. Но он жестоко ошибся» [16, с. 122].

Наказывать было некого, казахи спешно откочевывали, а Рукин, зайдя за Сарыташский залив, понял, что ему лучше вернуться, но обратная дорога была занята мятежниками по главе с Исой Тлембаевым (у Потто — Исса

Тулумбаев), потребовавших выдать Маяева. Рукин его не выдал, но показал свою слабость мятежникам. Началась перестрелка, длившаяся всю ночь. Затем казахи отрезали отряд Рукина от форта, и полковник принимает ошибочное решение повернуть направо в горы, чтобы скорее выйти к морю. Потто сетует, что полковник даже не пытался пробиться. Еще одной ошибкой Рукина стало его требование бросить лошадей. На уступе горы отряд Рукина переночевал без еды и воды, наутро Рукин, по мнению Потто, принимает очередное ошибочное решение — вести переговоры с Исой Тлембаевым. Затем по требованию Рукина казаки сложили оружие и были перебиты повстанцами. Кроме того, В. А. Потто отмечает нежелание казаков повиноваться неумным приказам Рукина. «Рукин был человек чужой казакам, не знакомый ни с их обычаем спешиваться, ни с подъёмом их нравственного духа, и потребовал буквального исполнения своих приказаний», — пишет В. А. Потто [16, с. 124].

Обвинения в измене, трусости или в малодушии в адрес полковника В. А. Потто посчитал напрасными и несправедливыми. «Он хотел спасти отряд и только не сумел этого сделать, потому что не знал ни народа, с которым ему пришлось иметь дело, ни казаков, которыми командовал. Он сам покончил с собою, потому что не хотел пережить нареканий, и теперь, когда прошло уже столько лет со дня его смерти, можно отнестись к его памяти с большей беспристрастностью», — пишет Потто в защиту Рукина [16, с. 127].

Историк пишет, что гибель Рукина стала началом крупных событий на Мангышлаке, далее в своей статье он на основе собранных им рассказов очевидцев дает описание конца восстания.

Тот факт, что статья В. А. Потто основана главным образом на устных источниках, несколько снижает ее ценность, но в целом сведения, представленные в ней, не противоречат информации из других источников. Кроме того, взгляд профессионального военного историка, попытавшегося спустя годы проанализировать события на Мангышлаке, безусловно, вызывает интерес исследователей истории восстания.

Советская историография Адаевского восстания не просто не очень обширна, а даже, пожалуй, скудна. В монографии видного представителя казахской демократической интеллигенции начала XX века, востоковеда, военного врача Санжара Джафаровича Асфендиарова «История Казахстана (с древнейших времен)», первом целостном изложении истории Казахстана XX века, опубликованном в 1935 году, есть краткая информация об итогах восстания на Мангышлаке [1, с. 185]. Исследователь отметил, что в ответ на реформы царской администрации адаевцы дали большой процент беженцев в Бухару и Закаспий [1, с. 186].

Материалы о восстании представлены в «Очерках по истории Казахской ССР» видного советского историка Михаила Порфирьевича Вяткина [4] и в коллективном академическом издании «Истории Казахской ССР с древнейших времен до наших дней» 1943 года под редакцией М. Абдыкалыкова и А. Панкратовой, переизданном в 2011 году [10].

Авторы «Истории Казахстана» 1943 года в параграфе 39 «Восстание на Мангышлаке» главы XVII раздела под названием «Народы Казахстана в период независимости» дают описание хода восстания, называют руководителей восстания: бия Ису Тленбаева, пастуха Досана Тажиева, рабочего промыслов Сакура Чабаева, — трактуя движущие силы восстания как трудовые массы казахов, выступивших против эксплуататоров. Дистанчного начальника бия Калбина в книге в отличие от дореволюционных работ называют Калбиным, а не Колбиным, вместе с другим дистанчным начальником Маяевым, оказывавшим Рукину «всемерную помощь в проведении нового закона в жизнь» [10, с. 411]. В параграфе имеется карта под названием «Национально-освободительное восстание казахов (1869–1870 годы)» с обозначением всех его основных этапов. По мнению авторов, царским властям не удалось сломить сопротивление казахов-адаевцев, и, даже видя их непримиримость, им пришлось пойти на уступки, допустив некоторые изъятия из Положения 1868 года. Было разрешено назначить особых биев для управления волостями и взимать кибиточную подать натурой — скотом. Участникам восстания, кроме руководителей, было даровано прощение, как отмечают авторы параграфа [10, с. 415].

Серьезный анализ истории Мангышлака, в том числе восстания 1870 года, был осуществлен Марией Сулейменовной Турсуновой в ее монографии «Казахи Мангышлака во второй половине XIX века» (Алма-Ата, 1977), по сей день являющейся единственным обстоятельным исследованием советского периода по истории полуострова [23]. До выхода в свет данной работы М. С. Турсунова анализировала некоторые аспекты истории восстания казахов-адаевцев на Мангышлаке в 1870 году в своей статье, опубликованной в «Известиях Академии наук Казахской ССР» в 1958 году [24].

Анализируя причины восстания, М. С. Турсунова пишет, что с введением Временного положения в 1869 году в Уральской и Тургайской областях казахи Мангыстау потеряли летние пастбища, занятые другими родами. По новым правилам пользоваться этими пастбищами можно было только при наличии свидетельства, разрешающего переходить из одной административной единицы в другую [23, с. 74].

Свидетельства выдавались лишь тем отделениям адаевцев, которые приняли Положение и внесли кибиточную подать за два года. Не имевших документа не пропускали военные отряды, выставленные на путях переходов с Мангышлака на север со стороны Оренбургского военного округа. Это еще более обострило земельный вопрос. Адаевцев лишили возможности переходить на летовки, лучшие земли отбирались для строительства укреплений. Ущемление всех слоев населения Мангыстау стало одной из главных причин восстания, по мнению М. С. Турсуновой [23, с. 74].

Действия повстанцев, вооруженных лишь пиками, палками, арканами, заставляли противника укрываться за стенами форта весь апрель. В ожидании подкрепления П. И. Кутайсов вел переговоры с крупными биями Мамбетниязом

Тлеповым, Есергепом Досжановым, Кафаром Караджигитовым и другими, скрывавшимися от царских отрядов и от повстанцев [23, с. 86].

После прибытия подкрепления Кутайсов с тремя ротами пехоты, тремя сотнями кавалерии, с одним орудием 1 мая выступил в степь. С Кавказа прибывали все новые и новые силы, к концу мая на Мангыстау было сосредоточено более семи рот пехоты, шести сотен кавалерии, 32 пеших уральских казака, два взвода при четырех орудиях. Между Петровским и Александровским портами курсировали военные пароходы «Князь Горчаков», «Князь Баратынский». В мае прибыл с большими полномочиями личный адъютант великого князя Михаила барон Мейндорф [23, с. 88].

За три месяца Мангышлак был занят царскими войсками. Для адаевцев наступили черные дни, с точки зрения М. С. Турсуновой, самые тяжелые за всю их историю [23, с. 90]. Войска преследовали и грабили повстанцев на всей территории Мангышлака. Крайней жестокостью отличались действия подполковника Байкова, нападавшего на мирные караваны казахов. За вопиющие действия царское правительство отдало его под суд. Военным судом Байков был приговорен к административному выселению в Тобольскую губернию с лишением всех чинов, прав и привилегий [23, с. 96].

В третьем томе пятитомного академического издания истории Казахстана 1979 года есть краткая информация по Адаевскому восстанию. В первой главе «Административные реформы в Казахстане в 60–90-е годы XIX века» второго раздела третьего тома под названием «Проникновение и развитие капиталистических и разложение патриархально-феодальных отношений в Казахстане» третий параграф посвящен восстанию казахов Западного Казахстана. В этом параграфе под названием «Выступления трудящихся-казахов в Уральской и Тургайской областях и волнения на Мангышлаке в конце 60-х – начале 70-х годов» авторы дают краткое описание событий Адаевского восстания [11, с. 244–250].

Весь параграф основан на документах Центрального государственного военно-исторического архива СССР и Центрального государственного архива Узбекской ССР; авторы акцентируют внимание на жестокости царской администрации и ее вероломстве, невыполнении своих посулов и обещаний восставшим. Так, главный прокурор в обвинительном заключении писал, что руководитель одного из карательных отрядов Байков, с 8 по 12 сентября, напав без оснований на аулы адаевцев, ограбил 16 из них, расстреливал людей группами и поодиночке, захватывал имущество, скот, уничтожил до 70 кибиток, разграбил караван, убивал опытных проводников, женщин. Через год военным судом приговорен к административному выселению в Тобольскую губернию с лишением всех чинов, прав и привилегий [11, с. 249].

В новейшей историографии Казахстана история Адаевского восстания еще не была предметом специального исследования. В третьем томе пятитомного академического издания истории Казахстана 2000 года во втором параграфе под названием «Восстание казахов в Уральской, Тургайской областях в 1868–1869 гг. и на Мангышлаке в 1870 г.» первой главы «Административно-

политическое положение Казахстана в 60–90-е годы XIX в.» второго раздела тома под названием «Казахстан в составе Российской империи» кратко, на двух страницах, описана история восстания; как указано в предисловии, автором главы является видный казахстанский историк Ж. К. Касымбаев [12, с. 421–424]. Исследователь опирался на ряд указанных выше дореволюционных работ, в частности П. Л. Юдина, Н. А. Середы, а также монографию М. С. Турсуновой. По мнению Ж. К. Касымбаева, «казахским шаруа — основной движущей силой — так и не удалось добиться прочного объединения своих рядов, что позволило незначительным по численности карательным отрядам погасить основные очаги народного сопротивления; узкородовые интересы... вызвали текучесть в отрядах восставших»; руководители восстания проявили двойственность, что также повлияло на ход восстания. Несмотря на локальный характер, географические рамки восстания были широки, охватив почти весь Западный Казахстан, часть Северного Казахстана², существенно осложнив введение Временного положения, как пишет автор [12, с. 423–424].

Выступая с докладом на международном семинаре по Центральной Азии в июне 2020 года, материалы которого были опубликованы, автор данной статьи затронула некоторые аспекты и особенности имперской политики России в Мангыстау (Мангышлаке) как особом регионе Центральной Азии [26]. Кроме того, мы рассмотрели историю Адаевского восстания в докладе на IV Всероссийской научно-практической конференции: «Мир Евразии: от древности к современности» в марте 2021 года в г. Уфа.

Заключение

Подводя итоги историографического обзора по истории Адаевского восстания 1870 года на Мангыстау, мы можем резюмировать, что, несмотря на наличие определенного числа научных исследований в дореволюционной, советской научной литературе, история восстания, его итоги, процесс введения Временного положения 1867–1868 гг. на западе Казахстана остается малоисследованным. Необходимо изучение и переосмысление архивных источников, представленной выше историографии данного вопроса, в чем мы видим для себя и для других ученых определенную исследовательскую перспективу.

Список литературы

1. Асфендиаров С. Д. История Казахстана (с древнейших времен). 2-е изд. Алма-Ата: Қазақ университеті, 1993. 304 с.
2. Басханов М. К. Глиноецкий Николай Павлович // Русские военные востоковеды до 1917 года: библиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. 296 с.

² В главе описано не только Адаевское восстание, но и волнения, происходившие на Урале и в Тургае.

3. Васильев Д. В. Российская империя в Центральной Азии: опыт управления окраиной [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Вып. 8 (82). URL: <https://history.jes.su/s207987840006019-9-1/> (дата обращения: 10.08.2020); <https://doi.org/10.18254/S207987840006019-9>
4. Вяткин М. П. Очерки по истории Казахской ССР / под ред. П. П. Иванова; АН СССР, Институт истории и Казахстанский филиал. Т. 1. С древнейших времен по 1870 г. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1941. 368 с.
5. Глиноецкий Н. П. Исторический очерк Николаевской академии генерального штаба. СПб.: Тип. Штаба войск гвардии и Петербург. военного округа, 1882. 711 с.
6. Глиноецкий Н. П. История Русского генерального штаба: в 2 т. СПб.: Тип. Штаба войск гвардии и Петербург. военного округа, 1883; 1894.
7. Глиноецкий Н. П. Несколько слов по поводу последнего восстания киргизов на Мангышлакском полуострове // Военный сборник. 1871. Т. 79. № 5. С. 41–59.
8. Глиноецкий Николай Павлович [Электронный ресурс] // Музей истории Российского кадетства: сайт. URL: <http://cadethistory.ru/glinoeckiy-nikolay-pavlovich> (дата обращения: 25.05.2021).
9. Зобов Ю. С. Историки и исследователи Оренбургского края. Оренбург: Изд-во Оренб. гос. пед. ун-та, 2007. 428 с.
10. История Казахстана (История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней: издание 1943 г.) / [ред., сост. словаря-справочника И. Дмитрова]. 3-е изд. Алматы: Фонд Болатхана Тайжан, 2011. 670 с.
11. История Казахской ССР: с древнейших времен до наших дней: в 5 т. / АН КазССР, Ин-т истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова; [гл. редкол.: А. Н. Нусупбеков (гл. ред.) и др.]. Т. 3. Алма-Ата: Наука, 1982. 558 с.
12. История Казахстана = Қазақстан тарихы: с древнейших времен до наших дней: в 5 т. / Нац. акад. наук Респ. Казахстан, Ин-т истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова, Ин-т археологии им. А. Х. Маргулана; [гл. редкол.: М. К. Козыбаев (гл. ред.) и др.]. Т. 3. Алматы: Атамұра, 2000. 768 с.
13. Киржинова Ф. А. Историк-архивист Павел Львович Юдин (1864–1928): биобиблиографические сведения // Вестник Майкопского государственного технологического университета. Серия: История и археология. 2011. Вып. 3. С. 72–76.
14. Никулин П. Ф. Теория и методика источниковедения в отечественной истории X – начала XX вв. Часть I. Теория и методология источниковедения [Электронный ресурс]. URL: http://forlan.org.ua/doc/depositary/Методологічні_засади_історичних_досліджень/Теорія_і_методика_історикознавства_отечественной_історії_X_на_початку_XX_вв.pdf (дата обращения: 16.10.2021).
15. Подавление беспорядков на Мангышлаке в 1870 г. // Военный сборник. 1872. № 3. С. 29–44.
16. Потто В. А. Гибель отряда Рукина в 1870 году // Исторический вестник. 1900. Т. 81. № 7. С. 110–135.
17. Потто Василий Александрович [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Руниверс: сайт. URL: <https://runivers.ru/lib/authors/author53804/> (дата обращения: 25.05.2021).
18. Семенов В. Г. Выдающиеся деятели из рода Середы // Этнокультурное и религиозное многообразие Урало-Поволжского региона: материалы Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред.: К. А. Моргунов. Оренбург: Университет, 2015. С. 31–40.

19. Семенов В. Г. Историк, воин, педагог: материалы к биографии начальника Оренбургского казачьего юнкерского училища генерал-лейтенанта Василия Александровича Потто // Гостинный двор. Оренбург, 2006. № 19. С. 199–201.
20. Середа Н. А. Бунт киргизского султана Кенисары Касимова (1838–1847 гг.) // Вестник Европы. 1871. Т. IV. С. 655–690.
21. Середа Н. А. Из истории волнений в Оренбургском крае: материалы для истории последнего киргизского восстания. 1869–1870 // Русская мысль. 1892. Т. 13. Вып. 8. С. 1–31.
22. Синицина Е. В. Общественно-просветительская и военно-кавказоведческая деятельность В. А. Потто // Культурная жизнь юга России. 2015. № 3 (58), С. 120–123.
23. Турсунова М. С. Казахи Мангышлака во второй половине XIX века. Алма-Ата: Наука, 1977. 182 с.
24. Турсунова М. С. К вопросу о восстании казахов-адаевцев на Мангышлаке в 1870 г. // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия истории, археологии и этнографии. 1958. Вып. 1 (6). С. 123–131.
25. Удербаева С. К., Любичанковский А. В. Вклад российских имперских научно-краеведческих обществ в научное изучение Центральной Азии [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Вып. 8 (82). URL: <https://history.jes.su/S207987840006044-7-1> (дата обращения: 18.05.2020). <https://doi.org/10.18254/S207987840006044-7>
26. Удербаева С. К. Особенности имперской политики России в Мангыстау (Мангышлаке) — особом регионе Центральной Азии // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв.: сб. науч. трудов (Санкт-Петербург, 24–28 августа 2020 г.) / под науч. ред. Д. В. Васильева. М.: ОнтоПринт, 2020. С. 7–24.
27. Юдин П. Л. Адаевский бунт на полуострове Мангышлак в 1870 г. // Русская старина. 1894. Т. 82. Вып. 7. С. 135–156.
28. Uderbaeva S. K. The «Proceedings» of the Orenburg Scientific Archival Commission as a Historical Source // Oriente Moderno. 2016. № 1. P. 76–98.

References

1. Asfendiarov, S. D. (1993). *Istoriia Kazakhstana (s drevneishikh vremen)* [History of Kazakhstan (since ancient times)]. Alma-Ata: Kazak universiteti (in Russian).
2. Baskhanov, M. K. (2005). Glinoetskii Nikolai Pavlovich [Gliniecki Nikolay Pavlovich]. In *Russkie voennye vostokovedy do 1917 goda: biobibliograficheskii slovar'* [Russian Military Orientalists Before 1917. Biobibliographic Dictionary]. Moskva: Vostochnaia literatura (in Russian).
3. Vasil'ev, D. V. (2019). Rossiiskaia imperiia v Tsentral'noi Azii: opyt upravleniia okrainoi [The Russian Empire in Central Asia: the Experience of Managing the Outskirts]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriia"* [Electronic scientific and educational journal "History"], 10, (8 (82)). Retrieved from <https://history.jes.su/s207987840006019-9-1/>; <https://doi.org/10.18254/S207987840006019-9> (in Russian).
4. Viatkin, M. P. (1941). *Ocherki po istorii Kazakhskoi SSR. T. 1. S drevneishikh vremen po 1870 g.* [Essays on the History of the Kazakh SSR. Vol. 1. From ancient times to 1870]. Moskva: OGIZ; Gospolitizdat (in Russian).

5. Glinoetskii, N. P. (1882). *Istoricheskii ocherk Nikolaevskoi akademii general'nogo shtaba* [Historical Sketch of the Nikolaev Academy of the General Staff]. Sankt-Peterburg: Tip. shtaba voisk gvardii i Peterburgskogo voennogo okruga (in Russian).
6. Glinoetskii, N. P. (1883, 1894). *Istoriia Russkogo general'nogo shtaba* (T. 1–2) [History of the Russian General Staff (Vols. 1–2)]. Sankt-Peterburg: Tip. shtaba voisk gvardii i Peterburgskogo voennogo okruga (in Russian).
7. Glinoetskii, N. P. (1871). Neskol'ko slov po povodu poslednego vosstaniia kirgizov na Mangishlaskom poluostrove [A Few Words About the Last Uprising of the Kirghiz People on the Mangishlak Peninsula]. *Voennyi sbornik* [Military Collection], 79 (5), 41–59 (in Russian).
8. Muzei istorii Rossiiskogo kadetstva: sait [Museum of the History of Russian Cadetship: website]. (n. d.). *Glinoetskii Nikolai Pavlovich* [Gliniecki Nikolay Pavlovich]. Retrieved from <http://cadethistory.ru/glineckiy-nikolay-pavlovich> (in Russian).
9. Zobov, Iu. S. (2007). *Istoriki i issledovateli Orenburgskogo kraia* [Historians and Researchers of the Orenburg Region]. Orenburg: Orenburgskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet (in Russian).
10. Dmitrova, I. (Ed.) (2011). *Istoriia Kazakhstana (Istoriia Kazakhskoi SSR s drevneishikh vremen do nashikh dnei: izdanie 1943 g.) (3-e izd.)* [The History of Kazakhstan (The History of the Kazakh SSR from Ancient Times to the Present Day: the 1943 edition) (3rd ed)]. Almaty: Fond Bolatkhana Taizhan (in Russian).
11. Nusupbekov, A. N. (Ed.) (1982). *Istoriia Kazakhskoi SSR: c drevneishikh vremen do nashikh dnei: v 5 t. T. 3* [History of the Kazakh SSR: from Ancient Times to the Present Day] (in 5 volumes; Vol. 3). Alma-Ata: Nauka (in Russian).
12. Kozybaev, M. K. (Ed.) (2000). *Istoriia Kazakhstana s drevneishikh vremen do nashikh dnei: v 5 t. T. 3* [The History of Kazakhstan from Ancient Times to the Present Day] (in 5 volumes; Vol. 3). Almaty: Atamyr (in Russian).
13. Kirzhinova, F. A. (2011). Istorik-arkhivist Pavel L'vovich Iudin (1864–1928): biobibliograficheskie svedeniia [Historian-archivist Pavel Lvovich Yudin (1864–1928): bio-bibliographic information]. *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. Seriya: Istoriia i arkheologiya* [Bulletin of the Maikop State Technological University. Series: History and Archeology], (3), 72–76 (in Russian).
14. Nikulin, P. F. (2000). *Teoriia i metodika istochnikovedeniia v otechestvennoi istorii X – nachala XX vv. Chast' I. Teoriia i metodologiia istochnikovedeniia* [Theory and Methodology of Source Studies in the National History of the X – early XX Centuries. Part I. Theory and Methodology of Source Studies]. Retrieved from http://forlan.org.ua/doc/depositary/Методологічні_засади_історичних_досліджень/Теорія_і_методика_істочниковедення_отечественной_истории_X_-_начала_XX_вв.pdf (in Russian).
15. Podavlenie besporiadkov na Mangyshlake v 1870 g. [Suppression of Riots on Mangyshlak in 1870] (1872). *Voennyi sbornik* [Military Collection], (3), 29–44 (in Russian).
16. Potto, V. A. (1900). Gibel' otriada Rukina v 1870 godu [The Death of Rukin's Detachment in 1870]. *Istoricheskii vestnik* [Historical Journal], 81 (7), 110–135 (in Russian).
17. Potto Vasilii Aleksandrovich [Vasily Aleksandrovich Potto]. (n. d.). In *E-library Runivers*. Retrieved from <https://runivers.ru/lib/authors/author53804/> (in Russian).
18. Semenov, V. G. (2015). Vydaiushchiesia deiateli iz roda Seredy [Prominent Figures from the Sereda Family]. In K. A. Morgunov (Ed.). *Etnokul'turnoe i religioznoe*

mnogoobrazie Uralo-Povolzhskogo regiona: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Ethno-Cultural and Religious Diversity of the Ural-Volga Region: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference] (pp. 31–40). Orenburg: Universitet (in Russian).

19. Semenov, V. G. (2006). Istorik, vojn, pedagog: materialy k biografii nachal'nika Orenburgskogo kazach'ego iunkerskogo uchilishcha general-leitenanta Vasiliia Aleksandrovicha Potto [Historian, Warrior, Teacher: Materials for the Biography of the Head of the Orenburg Cossack Cadet School, Lieutenant-General Vasily Alexandrovich Potto]. *Gostinyi dvor [Gostiny Dvor]*, (19), 199–201 (in Russian).

20. Sereda, N. A. (1871). Bunt kirgizskogo sultana Kenisary Kasimova (1838–1847 gg.) [The Revolt of the Kyrgyz Sultan Kenisara Kasimov (1838–1847)]. *Vestnik Evropy [Bulletin of Europe]*, 4, 655–690 (in Russian).

21. Sereda, N. A. (1892). Iz istorii volnenii v Orenburgskom krae: Materialy dlia istorii poslednego kirgizskogo vosstaniia. 1869–1870 [From the History of Unrest in the Orenburg Region: Materials for the History of the Last Kyrgyz Uprising. 1869–1870]. *Russkaia mysl' [Russian Thought]*, 13 (8), 1–31 (in Russian).

22. Sinitsina, E. V. (2015). Obshchestvenno-prosvetitel'skaia i voenno-kavkazovedcheskaia deiatel'nost' V. A. Potto [Public-Educational and Military-Kavkazovedcheskaya Activity V. A. Potto]. *Kul'turnaia zhizn' iuga Rossii [Cultural Life of the South of Russia]*, 58 (3), 120–123 (in Russian).

23. Tursunova, M. S. (1977). *Kazakhi Mangyshlaka vo vtoroi polovine XIX veka [Kazakhs of Mangyshlak in the Second Half of the XIX Century]*. Alma-Ata: Nauka (in Russian).

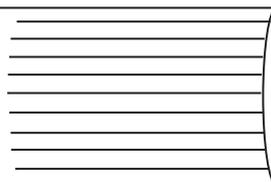
24. Tursunova, M. S. (1958). K voprosu o vosstanii kazakhov-adaevtsev na Mangyshlake v 1870 g. [On the Question of the Uprising of the Kazakhs-Adayevites on Mangyshlak in 1870]. *Izvestiia Akademii nauk Kazakhskoi SSR: Serii istorii, arkheologii i etnografii [Izvestiya Akademii Nauk Kazakh SSR: A Series of History, Archeology and Ethnography]*, 6 (1), 123–131 (in Russian).

25. Uderbaeva S. K., & Lyubichankovsky A. V. (2019). Vklad rossiiskikh imperskikh nauchno-kraevedcheskikh obshchestv v nauchnoe izuchenie Tsentral'noi Azii [The Contribution of Russian Imperial Scientific and Local History Societies to the Scientific Study of Central Asia]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriia" [Electronic scientific and educational journal "History"]*, 10 (8 (82)). Retrieved from <https://history.jes.su/S207987840006044-7-1>; <https://doi.org/10.18254/S207987840006044-7> (in Russian).

26. Uderbaeva, S. K. (2020). Osobennosti imperskoi politiki Rossii v Mangystau (Mangyshlake) — osobom regione Tsentral'noi Azii [Features of the Imperial Policy of Russia in Mangystau — Mangyshlak] — a Special Region of Central Asia]. In D. V. Vasil'ev (Ed.). *Tsentral'naiia Aziia na perekrestke evropeiskikh i aziatskikh politicheskikh interesov: XVIII–XIX vv. [Central Asia at the Crossroads of European and Asian Political Interests: XVIII–XIX centuries]* (pp. 7–24). Moskva: Ontoprint (in Russian).

27. Iudin, P. L. (1894). Adaevskii bunt na poluostrove Mangyshlak v 1870 g. [Adaevsky Riot on the Mangyshlak Peninsula in 1870]. *Russkaia starina [Russian Antiquity]*, 82 (7), 135–156 (in Russian).

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ

УДК 372.893

DOI: 10.25688/20-76-9105.2021.43.3.7

Сорокин Андрей Александрович

кандидат педагогических наук, доцент

Московский городской педагогический университет

Россия, Москва

E-mail: SorokinAA@mgpu.ru; ORCID: 0000-0002-1057-8071

Половникова Анастасия Владимировна

кандидат педагогических наук, доцент

Московский городской педагогический университет

Россия, Москва

E-mail: PolovnikovaAV@mgpu.ru; ORCID: 0000-0003-1900-1495

Маслова Наталья Николаевна

кандидат исторических наук

Московский городской педагогический университет

Россия, Москва

E-mail: MaslovaNN@mgpu.ru; ORCID: 0000-0001-8846-3875

ИЗУЧЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕЛЕЙ, ПОИСК МЕТОДИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

В статье рассмотрены тренды в развитии современного образования, которые становятся определяющими в формировании новых общественных установок. XXI век предложил принципиально новые подходы к определению целей образования и постановке образовательных результатов. Современный этап развития образовательных систем, по мнению авторов статьи, характеризует поиск новых смыслов образования в условиях глобализации, поиск направлений модернизации образования, расширение образовательного пространства, его выход за границы школы, в том числе в цифровую среду.

Рассматривая изменения, происходящие в современном социально-гуманитарном, и прежде всего историческом, образовании, авторы отмечают основные черты,

характеризующие школьный курс «История России»: опору на общегуманистические ценности, дискуссионный характер, диалогичность.

В статье также рассматриваются модельные задания, позволяющие диагностировать образовательные результаты обучающихся в соответствии с ожиданиями современного общества.

Ключевые слова: историческое образование; навыки XXI века; виды исторических источников; модели заданий; образовательные результаты.

UDC 372.893

DOI: 10.25688/20-76-9105.2021.43.3.7

Andrei A. Sorokin

Ph. D. in Pedagogy, docent

Moscow City University

Russia, Moscow

E-mail: SorokinAA@mgpu.ru; ORCID: 0000-0002-1057-8071

Anastasiya V. Polovnikova

Ph. D. in Pedagogy, docent

Moscow City University

Russia, Moscow

E-mail: PolovnikovaAV@mgpu.ru; ORCID: 0000-0003-1900-1495

Natalya N. Maslova

Ph. D. in History

Moscow City University

Russia, Moscow

E-mail: MaslovaNN@mgpu.ru; ORCID: 0000-0001-8846-3875

STUDY OF RUSSIAN HISTORY IN A MODERN SCHOOL: TRANSFORMATION OF GOALS, SEARCH FOR METHODOLOGICAL SOLUTIONS

The article examines trends in the development of modern education, which are becoming decisive in the development of society. The 21st century has proposed fundamentally new approaches to defining the goals of education and setting educational results. The current stage in the development of educational systems, according to the authors of the article, characterizes the search for new meanings of education in the context of globalization, the search for directions for the modernization of education, the expansion of the educational space, its going beyond the boundaries of the school, including into the digital environment.

Considering the changes taking place in modern social and humanitarian, and, above all, historical education, the authors note the main features that characterize the school course *History of Russia*: reliance on general humanistic values, debatable nature, dialogicality.

The article also discusses model tasks that allow diagnosing the educational results of students, in accordance with the expectations of modern society.

Keywords: history education; 21st century skills; types of historical sources; assignment models; educational outcomes.

Современный мир все более пристальное внимание уделяет вопросам качества образования. Именно качество образования, которое демонстрируют национальные образовательные системы, должно стать залогом / основным условием развития государств в целом. Поиск новых смыслов образования в условиях глобализации, поиск направлений модернизации образования, расширение образовательного пространства, его выход за границы школы, в том числе в цифровую среду, — все это характеризует современный этап развития образовательных систем. Российская система образования не является исключением.

Особое место в системе образования страны традиционно уделяется историческому образованию: отличительной чертой нашего времени стало включение в обсуждение вопросов исторического образования не только профессионального сообщества страны, но и широкой общественности. Наиболее остро обсуждаются вопросы, связанные со школьным курсом «История России». Действительно, сегодня к российскому историческому образованию предъявляются высокие требования. Речь идет о формировании знания и понимания исторических процессов, воспитании ценностных установок гражданина своей страны. Поиск ответов на поставленные временем вопросы связан с разработкой целого комплекса концептуально-нормативных материалов, которые должны регламентировать основы изучения курса истории России в современной школе.

В 2014 году была разработана Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории (историко-культурный стандарт) (далее — Концепция), которая многократно рассматривалась специалистами в области методики преподавания истории как важный ориентир становления и развития современного исторического образования [2; 5; 7]. Авторы отмечают, что «историко-культурный стандарт является ярким примером того, как общество пробует на определенном уровне исторического развития предъявить консолидированную оценку своего прошлого» [8, с. 52]. В 2020 году представлена новая редакция Концепции, которая «направлена на повышение качества школьного исторического образования, воспитание гражданственности и патриотизма, развитие познавательных и социально-значимых компетенций учащихся» [6, с. 2].

Курс «История России» определяется Концепцией как важнейшая часть учебного предмета «История», отмечается его исключительная роль в процессе формирования российской гражданской идентичности и патриотизма, формирования исторической памяти обучающихся. Что отличает современный курс

«История России»? Этот курс выстраивается на основе общегуманистических ценностей, без которых немислима жизнь в XXI веке: свобода и ответственность, толерантность и социальная солидарность, верховенство права. Этот курс дискуссионен: в основе преподавания лежит многоаспектный подход к раскрытию разных сторон жизни российского общества, его государственной истории. Этот курс диалогичен: в ходе изучения отечественной истории учащиеся выстраивают межкультурный диалог в контексте изучения разных эпох отечественной истории, обращаясь к истории всех народов, которые когда-то населяли и населяют нашу страну. «Речь идет о формировании национальных ценностных ориентиров, раскрытии национальной идеи подрастающему поколению» [8, с. 54], что является одной из основных целей социально-гуманитарного, в том числе исторического, образования.

Курс истории, в том числе и курс «История России», в настоящее время предполагает включение следующих содержательных линий:

- хронологическое время;
- историческое пространство;
- историческое движение.

В курсе присутствует сквозная линия «Человек в истории», которая становится стержнем изучения предмета. Особое внимание должно уделяться знакомству с условиями жизни и быта простого человека, его потребностями и интересами, миром его ценностей; изучением роли личности в истории. Данная содержательная линия обеспечивает реализацию принципа гуманистического начала.

Важной задачей совершенствования процесса обучения становится согласование курса «История России» с изучением региональной истории. Это должно позволить сделать историю более наглядной, отразить в ней этнографическое, культурное своеобразие региона, акцентировать внимание на традициях края. Серьезным ресурсом в изучении курса «История России» с опорой на местный материал должно стать образовательное пространство, которое сегодня представляют собой региональные музеи, библиотеки, культурные центры.

В предложенной Концепции преподавания учебного курса «История России» заявлены четыре педагогических основания для ее реализации.

Первое основание обращает нас к фундаментальным принципам дидактики. Традиционно для российского исторического образования были характерны и остаются актуальными такие принципы, как последовательность изучения предмета; научность в отборе содержания исторического образования; доступность изучения курса и др. Все они нашли отражение в логике изучения школьниками российской истории. Курс «История России» изучается на уровнях основного общего образования, начиная с 6 класса, и среднего общего образования. Объем учебного времени курса «История России» составляет две трети от общего количества часов, выделяемых на учебный предмет. При этом

на пропедевтическом уровне вопросы истории России присутствуют на уроках «Окружающего мира» в начальной школе. Каждый новый виток изучения истории России связан с отбором содержания образования, в котором должны отражаться потребности, возможности, актуальные практики взрослеющего школьника.

Второе основание — доминирование субъект-субъектных отношений между обучающимися и педагогом. Концепция характеризует данный вид отношений как диалог, обращая внимание на равноправие его участников. Вместе с тем исследователи отмечают, что педагогу «крайне сложно учесть особую субъект-субъектность социально-гуманитарного образования (оценочные суждения, ориентиры на личностные ценности)» [5, с. 72]. Дебаты, «суды над историей» — сами формы работы современного педагога говорят о диалогичной основе учебного процесса. Авторы Концепции отмечают, что «в курсе отечественной истории объективно существует больше, чем в других дисциплинах, возможностей для раскрытия разных сторон исторического процесса» [6, с. 8].

Третьим основанием стала организация самостоятельной работы школьников. Разнообразные формы поисковой и исследовательской деятельности являются нормой современного школьного образования. Информационное общество, в котором живет современный школьник порождает потребность овладения навыками работы с разными источниками информации. Современная информационная среда предоставляет соответствующие возможности. Поиск информации, ее анализ, оценка и интерпретация — навыки, которые успешно формируются при изучении исторического материала.

Еще одним основанием преподавания истории школьникам является их интеллектуальное и личностное развитие. Должны быть созданы условия для постоянной рефлексии в отношении ключевых событий истории, формирования ценностных установок; школьники должны уметь видеть человека в истории, формулировать собственные суждения и давать оценку историческим фактам и событиям.

Преподавание истории сегодня характеризует использование разнообразных современных педагогических технологий. Их основной чертой является реализация системно-деятельностного подхода, заявленного в федеральных государственных образовательных стандартах. Данная тенденция носит глобальный международный характер. Отвечая на вопрос «Чему сегодня должна учить современная школа?», международное сообщество предложило следующий конструкт (см. рис. 1).

В центре данного конструкта, очевидно, находится ученик. Весь образовательный процесс представлен как обращение к знаниям и пониманию, умениям и навыкам, ценностям и отношениям учащегося. В этой триаде некорректно говорить о приоритете какого-то одного из элементов — важны все три составляющие в их взаимодействии. Результатом образовательного процесса, его проявлением со стороны учащегося становятся его действия.

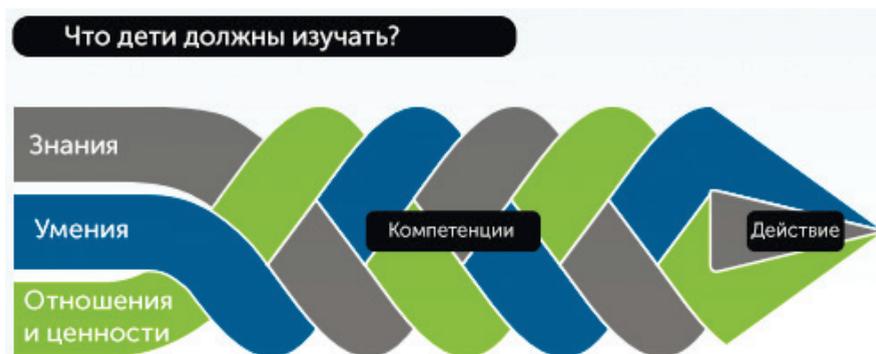

Рис. 1. Образовательная рамка OECD 2030 (OECD Education Framework 2030) [10]

Мировое сообщество ведет активный поиск тех условий, которые могли бы стать залогом успешности обучающихся в достижении образовательных результатов, заявленных в парадигме деятельностного (системно-деятельностного) подхода. Конструктивный разговор педагогов разных стран позволил сформировать модель навыков XXI века, центром которой стала концепция 4К [9]. Речь идет об основных четырех компетенциях, которые необходимы выпускнику школы для жизни в непростом, быстро меняющемся мире (рис. 2).

Рис. 2. Компетенции XXI века (концепция 4К)

Критическое мышление и креативность вошли в список трех наиважнейших характеристик, необходимых для успешного существования в современном мире. Остановимся на каждой из компетенций подробнее.

Критическое мышление предполагает овладение умением определять, в какой ситуации и при каких условиях может потребоваться определенная информация, формулировать обоснованные выводы и давать адекватную оценку информации. Критическое мышление содержит 1) аналитический компонент, связанный с оценкой аргументов; 2) синтетический компонент, позволяющий

формулировать собственную позицию; 3) общий компонент, от которого зависит способность выявлять причинно-следственные связи, объяснять сделанные умозаключения.

Креативное мышление предполагает демонстрацию способности нестандартно воспринимать окружающий мир, действовать не по шаблону, генерировать новые идеи. Именно благодаря креативному мышлению формируется такое качество личности, как любознательность: активный поиск ответов на открытые вопросы, устойчивый интерес к окружающему миру являются проявлениями этого качества. Воображение — способность продуцировать собственные идеи на основе обработки и интерпретации идей, предложенных ранее, — напрямую связывают с развитием креативного мышления. Еще одним свойством личности является толерантность к неопределенности, готовность к трансформациям современного мира.

Тесно связаны между собой коммуникация и сотрудничество (коллаборация). Коммуникация предполагает передачу и получение определенной информации, в то время как коллаборация сфокусирована на осуществлении взаимодействия субъектов деятельности между собой. В рамках проявления данных компетенций демонстрируются эффективная командная работа, организация конструктивного диалога, важным элементом становится стремление понять собеседника.

Педагогический потенциал курса «История России» позволяет максимально эффективно работать над формированием четырех базовых компетенций в учебном процессе. Опора на гуманистические ценности, диалогичность и дискуссионность предмета очевидно коррелируется с вышеописанными элементами концепции 4К. Среди когнитивных процессов, которые проявляются в действиях учащихся при выполнении задания, можно говорить о 1) выявлении информации; 2) анализе, в том числе сравнительном, информации; 3) оценке информации и ее интерпретации.

Как трансформация целей и переформатирование образовательных результатов должно сказаться на деятельности учителя истории? Основным инструментом реализации поставленных задач в руках учителя становится учебное задание, которое должно соответствовать логике разворачивания деятельностного (системно-деятельностного) подхода. Педагог должен четко понимать, на формирование (или оценку) какого когнитивного процесса направлено то или иное учебное задание [1; 3; 4].

В практике преподавания истории появляется все больше учебных заданий, отличающихся комплексностью, проблемностью, личностной включенностью ученика. Задания представлены в определенной тематической целостности и последовательности, их выполнение направлено на развитие умений школьников использовать предметные знания для понимания реальных процессов и явлений. Задания направлены на формирование гражданской и культурной самоидентификации школьников.

Особенностью предлагаемых учебных заданий становится принцип опоры на материал, предъявленный учащимся в виде информационного блока, сформированного из заранее отобранных, подготовленных и скомпилированных источников по определенной теме. Информационный блок может включать сплошной текст, содержащий необходимые для выполнения заданий даты, термины, имена исторических личностей, события, другие дидактические единицы предметного знания; визуальную тематическую информацию — иллюстрации, портреты, картины; исторические карты; статистическую информацию. Информационный блок предвзряет учебные задания, которые направлены на развитие смыслового чтения и развитие умения выявлять, сравнивать, соотносить, связывать единицы информации, данной в информационном блоке в явном или эксплицитном виде, применять контекстные знания, выстраивать причинно-следственные связи и логические цепочки в целостную картину для решения учебных задач.

Отметим, что при переходе от «школы памяти» к «школе мышления» в открытом цифровом образовательном пространстве доступность педагогически отобранной, целесообразно организованной информации является необходимым условием организации учебной деятельности при изучении истории.

Приведем пример информационного блока «Воинская слава России» и заданий к нему для учащихся средней школы (10–11-е классы). Информационный блок содержит текст «Воинская слава России», основная идея которого заключается в том, что любая культура, любая цивилизация выстраивается вокруг понятия «священная отечественная война». Неслучайно сегодня, без преувеличения, идут настоящие бои за историческую правду о Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. В год празднования 75-летия Победы нашего народа в Великой Отечественной войне мы вспоминали традиции воинской славы и массового народного героизма, проявленного при защите Родины. Мы не имеем права забывать, что стоили нам мир и свобода. Текст подводит учащихся к событиям современности. В 2020 году весь мир праздновал 75-летие создания Организации Объединенных Наций, которую часто называют «рожденной Второй мировой войной». Человечество надеется, что эта организация поможет избавить мир от повторения ужасов мировых войн.

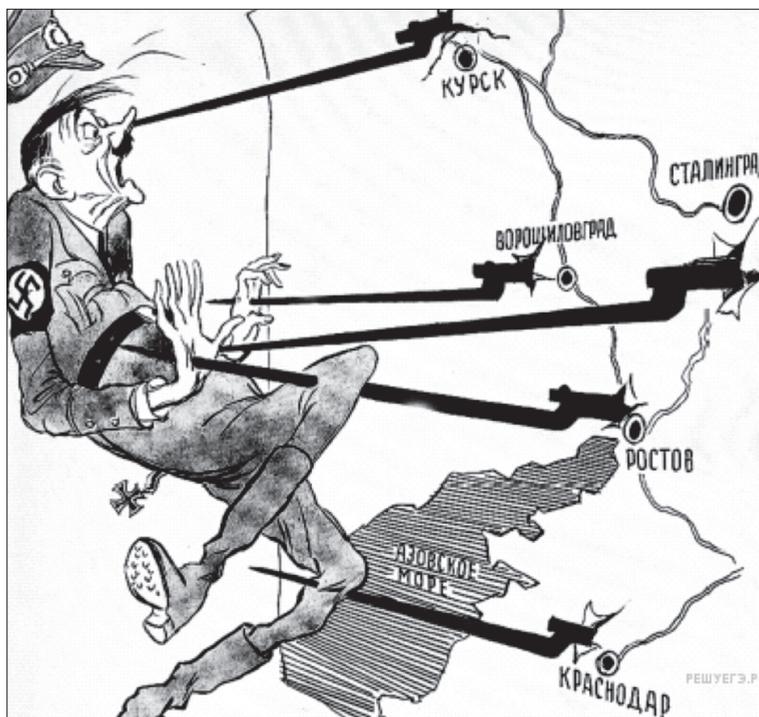
Информационный блок также включает в себя изображения высших воинских орденов России, карты великих битв Великой Отечественной войны.

Работа с информационным блоком позволяет предъявить обучающимся задания разного уровня сложности.

Задания базового (первого) уровня сложности направлены на установление очевидных логических связей между отдельными элементами информационного блока. Эти задания направлены на развитие умения извлекать существенную информацию, требуют сопоставления с заданным (новым) высказыванием и применением контекстных предметных знаний.

Задание 1

Рассмотрите карикатуру художников Кукрыниксов и карты сражений Великой Отечественной войны, представленные в информационном блоке. Укажите номер карты, которая соответствует событию, изображенному на карикатуре¹.

Задания повышенного (второго) уровня сложности направлены на развитие умения анализировать / сравнивать / соотносить / связывать единицы информации, эксплицитно (неявно) представленной в информационном блоке с новой информацией, данной в визуальной или текстовой форме в целостную картину для решения учебной задачи. В процессе их выполнения формируются умения производить историческую реконструкцию / определять исторические понятия, события, даты, действия исторических личностей на основе анализа контекстов и подтекстов / выделять основную мысль (послание), «зашифрованную» в материале информационного блока и/или дополнительного источника. Школьники учатся обнаруживать и/или формулировать ответ по его отдельным элементам, представленным в материалах информационного блока.

¹ Обучающиеся должны соотнести данное изображение с картой Сталинградской битвы.

Задание 2

В ходе подготовки реферата об особенностях отечественных войн в истории России школьники анализировали исторические факты и оценки. Установите соответствие между элементами характеристик, выбранных школьниками для сравнения. Каждый элемент может быть использован один или несколько раз.

✓ Впишите пропущенное в цитатах слово (словосочетание), указывающее на место сражения, выбрав из списка правильный ответ:

- a) Москва
- b) Смоленск
- c) Сталинград
- d) Малоярославец
- e) Берлин

✓ Укажите год сражений, о которых писали Наполеон и Г. К. Жуков, выбрав из списка правильный ответ:

- a) 1814
- b) 1812
- c) 1941
- d) 1943
- e) 1945

✓ Допишите в таблице название войн, принятые в исторической науке².

	Цитаты	Место сражения	Год сражения	Название войны
1	«Самое страшное из всех моих сражений — то, которое я дал под _____. Французы в нем показали себя достойными одержать победу, а русские оказались достойными быть непобедимыми» (Наполеон).			
2	«Когда меня спрашивают, что больше всего запомнилось из минувшей войны, я всегда отвечаю: “Битва за _____”» (Г. К. Жуков).			

Задания третьего уровня сложности направлены на актуализацию исторических знаний для формирования исторической оценки современных политических процессов. Важно еще раз обратить внимание школьников на то, что в 2020 году наша страна праздновала 75-летие победы над фашизмом и 75-летие Организации Объединенных Наций, созданной для избавления

² Отвечая на вопросы, обучающиеся в первом случае обращаются к событиям Отечественной войны 1812 года, которые происходили в Москве; во втором — к важной вехе Великой Отечественной войны — Московской битве 1941 года.

мира от ужасов новых мировых войн. Не следует забывать, что позитивный опыт сотрудничества стран мира сегодня как никогда актуален и востребован. Логическим завершением работы может стать задание на связывание смыслов или нарративов исторической памяти.

Задание 3

Рассмотрите изображение и прочитайте текст.

Организацию Объединенных Наций называют рожденной войной. С самого начала Второй мировой войны лидеры стран антигитлеровской коалиции заявляли о необходимости создания международной организации для поддержания мира и безопасности.

В 1943 году в столице Ирана состоялась первая встреча руководителей трех стран антигитлеровской коалиции. Они подтвердили Московскую декларацию о необходимости учреждения в возможно короткий срок всеобщей международной организации для поддержания международного мира и безопасности. Окончательная договоренность о создании Организации Объединенных Наций была достигнута в 1945 году в Крыму, в ходе второй личной встречи лидеров трех стран антигитлеровской коалиции.

- Напишите об этих событиях статью, которая могла бы быть размещена в газете того времени.
- Что бы вы изменили в тексте статьи, если бы она публиковалась в газете «Аргументы и факты» в 2020 году?

Таким образом, новые модели заданий позволяют действительно по-другому задать логику изучения истории, принципиально изменить подходы к организации учебного процесса, максимально полно использовать педагогический потенциал курса «История России».

Ответ на вопрос, как трансформация целей и переформатирование образовательных результатов должно сказаться на деятельности учителя истории, очевиден: принципиально меняются подходы к организации учебного процесса. Изучение истории должно покоиться на тех педагогических основаниях, которые заявлены в современной Концепции изучения курса.

Список литературы

1. Артасов И. А., Мельникова О. Н. Оценка читательской грамотности в рамках предмета «История» // Педагогические измерения. 2020. № 2. С. 43–50.
2. Вяземский Е. Е. Приоритеты, проблемы и тенденции развития исторического образования в современной российской школе // Актуальные вопросы гуманитарных наук: теория, методика, практика: К 20-летию кафедры методики преподавания истории, обществознания и права МГПУ. Вып. VI / под ред. А. А. Сорокина. М.: Книгодел, 2019. С. 58–67.
3. Маслова Н. Н., Нидерман И. А. Технология оценивания образовательных результатов на уроках истории: поиск новых подходов // Преподавание истории и обществознания в школе. 2019. № 8. С. 48–56.
4. Методика обучения истории: практикум / [А. А. Сорокин и др.]. М.: МГПУ, 2017. 176 с.
5. Общие тенденции и перспективы развития социально-гуманитарного образования в российской школе: монография / [В. В. Рябов и др.]; науч. ред. И. М. Реморенко, В. В. Рябов. М.: МГПУ, 2017. 136 с.
6. Подготовлен проект усовершенствованной Концепции преподавания «Истории России» [Электронный ресурс] // Российское историческое общество: сайт. 2020. 18 сентября. URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/podgotovlen-proekt-usovershenstvovannoj-kontseptsii-prepodavaniya-uchebnogo-kursa-istoriya-rossii.html> (дата обращения: 11.12.2020).
7. Половникова А. В., Сорокин А. А., Шаповал В. В. Историко-культурный стандарт по отечественной истории как инструмент оценки и планирования сложности учебного содержания // Преподавание истории в школе. 2016. № 7. С. 53–58.
8. Социально-гуманитарное образование в современном образовательном пространстве: реалии и тенденции: монография / В. В. Рябов и др.; [науч. ред.: И. М. Реморенко, В. В. Рябов]. М.: Книгодел, 2018. 183 с.
9. Фадель Ч., Бялик М., Триллинг Б. Четырехмерное образование: Компетенции, необходимые для успеха: пер. с англ. М.: Точка, 2018. 235 с.
10. Schleicher A., Ramos G. Global Competency for an Inclusive World. OECD, 2018 [Электронный ресурс] // Organisation for Economic Co-operation and Development — OECD: официальный сайт. URL: <https://www.oecd.org/pisa/aboutpisa/Global-competency-for-an-inclusive-world.pdf> (дата обращения: 01.12.2020).

References

1. Artasov, I. A., & Mel'nikova, O. N. (2020). Otsenka chitatel'skoi gramotnosti v ramkakh predmeta «Istoriia» [Assessment of Reading Literacy in the Frameworks

of School Subject «History»]. *Pedagogicheskie izmereniia* [*Pedagogical Measurement*], (2), 43–50 (in Russian).

2. Viazemskii, E. E. (2019). *Priornity, problemy i tendentsii razvitiia istoricheskogo obrazovaniia v sovremennoi rossiiskoi shkole* [Priorities, Problems and Tendencies of Development of Historical Education in Modern Russian School]. In A. A. Sorokin (Ed.). *Aktual'nye voprosy gumanitarnykh nauk: teoriia, metodika, praktika. K 20-letiiu kafedry metodiki prepodavaniia istorii, obshchestvoznaniia i prava MGPU. Vyp. VI* [Topical Issues of the Humanities: Theory, Methodology, Practice. To the 20th Anniversary of the Department of Methods of Teaching History, Social Science and Law of the Moscow City University. Issue VI] (pp. 58–67). Moskva: Knigodel (in Russian).

3. Maslova, N. N., & Niderman, I. A. (2019). *Tekhnologiiia otsenivaniia obrazovatel'nykh rezul'tatov na urokakh istorii: poisk novykh podkhodov* [Technology for Assessing Educational Results in History Lessons: Search for New Approaches]. *Prepodavanie istorii i obshchestvoznaniia v shkole* [Teaching History and Social Studies at School], (8), 48–56 (in Russian).

4. Sorokin, A. A., Niderman, I. A., Polovnikova, A. V., Shapoval, V. V., Tokareva, E. A., Apostolova, T. M., Kupalov, G. S., Iurchenko, O. V., & Zakirov, O. A. (2017). *Metodika obucheniia istorii: praktikum* [Methods of Teaching History: Workshop]. Moskva: MGPU (in Russian).

5. Ryabov, V. V., Sorokin, A. A., Shapoval, V. V., Polovnikova, A. V., Basik N. Iu., & Niderman, I. A. (2017). *Obshchie tendentsii i perspektivy razvitiia sotsial'no-gumanitarnogo obrazovaniia v rossiiskoi shkole* [General Trends and Prospects for the Development of Social and Humanitarian Education in the Russian School]. Moskva: MGPU (in Russian).

6. Rossiiskoe istoricheskoe obshchestvo: ofitsial'nyi sait [Russian Historical Association: official website]. (2020, September 18). *Podgotovlen proekt usovershenstvovannoi Kontseptsii prepodavaniia «Istorii Rossii»* [A Draft of an Improved Concept of Teaching “History of Russia” Has Been Prepared]. Retrieved from <https://historyrussia.org/sobytiya/podgotovlen-proekt-usovershenstvovannoj-kontseptsii-prepodavaniya-uchebnogo-kursa-istoriya-rossii.html> (in Russian).

7. Polovnikova, A. V., Sorokin, A. A., & Shapoval, V. V. (2016). *Istoriko-kul'turnyi standart po otechestvennoi istorii kak instrument otsenki i planirovaniia slozhnosti uchebnogo sodержaniia* [Historical and Cultural Standard in National History as a Tool for Assessing and Planning the Complexity of Educational Content]. *Prepodavanie istorii v shkole* [Teaching History at School], (7), 53–58 (in Russian).

8. Ryabov, V. V., Sorokin, A. A., Shapoval, V. V., Polovnikova, A. V., Niderman, I. A., & Basik N. Iu. (2018). *Sotsial'no-gumanitarnoe obrazovanie v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve: realii i tendentsii* [Social and Humanitarian Education in the Modern Educational Space: Realities and Trends]. Moskva: Knigodel (in Russian).

9. Fadel, Ch., Bialik, M., & Trilling, B. (2018). *Chetyrekhmernoe obrazovanie: Kompetentsii, neobkhodimye dlia uspekha* [Four-Dimensional Education: The Competencies Learners Need to Succeed]. (Trans.). Moskva: Tochka (in Russian).

10. Schleicher, A., & Ramos, G. (2018). *Global Competency for an Inclusive World*. Retrieved from: <https://www.oecd.org/pisa/aboutpisa/Global-competency-for-an-inclusive-world.pdf>

УДК 37.016:94(470)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2021.43.3.8

Токарева Елена Анатольевна

кандидат исторических наук, доцент

Московский городской педагогический университет

Россия, Москва

E-mail: TokarevaE@mgpu.ru; ORCID: 0000-0003-3551-2375

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Работа посвящена исследованию актуальных вопросов, связанных с формированием культурной и гражданской идентичности в XXI веке. Основой настоящего исследования стал критический анализ законодательных документов и научных трудов современных российских и зарубежных ученых. В статье рассматриваются основные подходы к пониманию идентичности, раскрываются особенности формирования гражданской и культурной идентичности в историческом образовании современной России. *Цель работы* — выявить основу культурной и гражданской идентичности. *Результаты.* Существует необходимость в уточнении имеющихся подходов к пониманию гражданской и культурной идентичности, в поиске новых смыслов в наполнении понятия идентичности. Перспективным видится направление поиска, в котором учитываются не только политические, социальные, культурные, но также исторические компоненты идентичности. Существующие в науке подходы к анализу идентичности акцентируют внимание на причастности к обществу, а также отождествлении с ним. Очевидно, что идентичность — это осознание своей принадлежности к обществу. С учетом этого когнитивного компонента возрастает роль образования, в первую очередь исторического. Историческая идентичность формируется при изучении курсов новой и новейшей истории России: учащиеся начинают осознавать свою принадлежность к истории собственной страны, причастность к опыту поколений, к эпохам прошлого. Историческая идентичность становится основой формирования, развития культурной и гражданской идентичности. В настоящее время существует угроза формирования негативной идентичности у молодежи: в открытом доступе в информационно-телекоммуникационной сети Интернет опубликовано большое количество текстов, в которых представлена опасная «идеологическая» трактовка истории России. Государственное и нормативное регулирование этого процесса способно снять угрозу формирования негативной гражданской и культурной идентичности современной российской молодежи.

Ключевые слова: гражданская и культурная идентичность; историческая идентичность; новая и новейшая история России; формирование и развитие идентичности; государственная национальная и культурная политика; историческое образование.

UDC 37.016:94(470)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2021.43.3.8

Elena A. Tokareva

Ph. D. in History, docent

Moscow City University

Russia, Moscow

E-mail: TokarevaE@mgpu.ru; ORCID: 0000-0003-3551-2375

**QUESTIONS OF CULTURAL AND CIVIC IDENTITY
IN MODERN HISTORICAL EDUCATION**

The research is devoted to the study of crucial issues related to the formation of cultural and civic identity in the XXI century. The basis of this research is a critical analysis of legislative documents and scientific works of modern Russian and foreign scientists. The article considers the main approaches to the understanding of identity, reveals the features of the formation of civil and cultural identity in the historical education of modern Russia. The *goal* is to identify the basis of cultural and civic identity. *Results*. There is a need to clarify the existing approaches to understanding civil and cultural identity, to search for new meanings in filling the concept of identity. The researching direction, which takes into account not only political, social, cultural, but also historical components of identity, seems promising. The existing approaches to the analysis of identity in science are focused and identified on participation in society. It is obvious that identity, first of all, is the awareness of one's belonging to society. Taking into account this cognitive component, the role of education, primarily historical, increases. Historical identity is formed primarily when studying the courses of the new and modern history of Russia: students begin to realize their belonging to the history of their own country, involvement in the experience of generations, to the epochs of the past. Historical identity becomes the basis for the formation and development of cultural and civic identity. At this moment, there is a threat of forming a negative identity among young people: a large number of texts have been published in public access on the Internet, which present a dangerous "ideological" interpretation of the history of Russia. State and administrative regulation of this process can remove the threat of forming a negative civil and cultural identity of modern Russian youth.

Keywords: civil and cultural identity; historical identity; new and modern history of Russia; formation and development of identity; state national and cultural policy; historical education.

Введение

Значимыми целями государственной национальной и культурной политики Российской Федерации является укрепление общероссийской гражданской идентичности, а также единства российского общества, многонационального народа Российской Федерации [12, с. 21; 13, с. 9]. Законодательное закрепление этих целей в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года и в Стратегии

государственной культурной политики на период до 2030 года обуславливает актуальность научного рассмотрения проблемы идентичности в современной России, в том числе в гражданском, культурном и историческом аспектах.

Цель работы — выявить основу культурной и гражданской идентичности в современной истории России. Для достижения данной цели решаются исследовательские задачи: рассмотреть основные подходы к пониманию идентичности; раскрыть особенности формирования гражданской и культурной идентичности в современном историческом образовании. Основой исследования стали научные работы современных российских и зарубежных ученых, в которых анализируются проблемы идентичности, а также законодательные документы.

Уточним терминологию. В качестве опорной точки продуктивно использовать определение гражданской идентичности, зафиксированное в Стратегии государственной национальной политики. Законодательный документ определяет общероссийскую гражданскую идентичность как «осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества» [13, с. 5]. Полагаем, допустимо по аналогии определять культурную идентичность как осознание гражданами Российской Федерации своей принадлежности к культуре своей страны, историческую идентичность — к истории своей страны, причем в обоих случаях — в ретроспективе и перспективе.

Наряду с термином «идентичность» в статье употребляется термин «идентификация». Эти родственные и дополняющие друг друга понятия связаны с отождествлением себя с определенной общностью, при этом «понятие идентификации семантически коррелирует главным образом с процессуальным аспектом связи личности и социальной общности, а понятие идентичности — с аспектом относительно фиксирующегося результата этого процесса» [11, с. 20].

Основная часть

Исследование историко-культурных вопросов, которые соотносятся с проблемами осознания личностью своей принадлежности к сообществу граждан и культуре конкретной страны, имеет определяющее значение в современном цифровом обществе, где общественные отношения характеризуются высокой мобильностью и наблюдается ускорение процессов глобализации. Когда мир отличается нестабильностью, происходящие в нем процессы амбивалентны, личностная идентификация в культурном и общественном плане затруднительна. У представителей молодого поколения идентификация часто заменяется искусственным имиджем, или ложным образом себя, созданным в Сети, — так называемой сетевой личностью. Все это затрудняет процесс формирования

общероссийской гражданской и культурной идентичности, так как феномен идентичности не только связан с историческим процессом, но также соотносится с самосознанием отдельно взятой личности, способной отождествлять себя с конкретным пространством (физическим, информационным, сетевым).

В написанных в русскоязычном пространстве научных работах прослеживаются следующие основные подходы к пониманию феномена идентичности.

1. *Культурно-глобалистский подход* использован в работе И. К. Гончаровой, Е. Ю. Липец. Культурная идентичность определяется как «причастность человека к культуре или культурной группе», которая формирует у личности «ценностное отношение к самому себе, другим людям, обществу и миру в целом» [4, с. 15]. Уточняется, что информационно-коммуникационные технологии как факторы глобализации проявляют себя в культурной среде и влияют на формирование культурной идентичности. В рамках данного подхода прослеживаются противоречивые тенденции глобализации, в том числе унификация культурного многообразия мира и актуализация национальной самобытности, взаимообогащение национальных культур.

2. *Вариативно-личностный подход* прослеживается в статье Е. В. Кузнецовой. Автор делает акцент на персональной идентичности, подчеркивая ее динамичное свойство, тенденцию к изменениям. Современная личность погружена в многогранный культурный и политический ландшафт, поэтому проблема ее идентификации должна включать не только языковые и профессиональные факты, но и дополнительные компоненты [10, с. 46], чтобы снять угрозу утраты позитивной индивидуальной идентичности.

3. *Коллективно-личностный подход* можно увидеть в статье Е. С. Жарковой. Автор подчеркивает, что в современном мире, наполненном кризисными явлениями, потребность в идентичности, коллективной и персональной, возрастает. В ситуации распада традиционных социальных институтов, коллективной идентичности усиливается виртуальная составляющая личности, которая привыкает к виртуальной социальности и далека от гражданской и культурной идентичности. Однако традиционные формы коллективной идентичности не теряют своего значения, и при личностной самоидентификации требуется отождествление с многогранным обществом [6, с. 152], в том числе в гражданском и культурном аспектах.

4. *Темпорально-личностный подход* можно выделить в работе Е. М. Сергейчик. Автор говорит об идентичности как центре пересечения коммуникационных потоков. Это помогает личности «сохранять свою устойчивость и целостность в условиях множащихся потоков самоидентификаций, которые постоянно меняют свою конфигурацию» [14, с. 65]. Совокупность разных типов идентичности составляет структуру личной идентичности. Ключевой характеристикой идентичности становится ее темпоральность, так как в современном обществе идентификационные процессы усложняются, а скорость их возрастает. В рамках данного подхода поднимается вопрос об исторической идентификации, которая

зависит, с одной стороны, от интерпретационных и коммуникационных возможностей личности, с другой — от самой реальности, в том числе от ее истории и культурных кодов. Подчеркивается, что историческая идентичность — результат вхождения отдельной личности в настоящее, причем с сохранением ее целостности [14, с. 67, 70].

5. *Гражданско-государственный* подход проявляет себя в исследовании Л. М. Дробижевой, С. В. Рыжовой. Авторы подчеркивают, что общероссийская гражданская идентичность является не национально-гражданской, но государственно-гражданской [5, с. 21]. Такая формулировка учитывает многонациональность нашего государства и позволяет снизить противоречия при формировании гражданской и этнической идентичности у подрастающего поколения.

На основе перечисленных подходов можно выявить следующие особенности:

- гражданская и культурная идентичность формируются в многополярном мире, для которого характерны противоречивые тенденции;
- процесс формирования связан с самоидентификацией личности и общественными изменениями;
- при анализе гражданской или культурной идентичности исследователи делают акцент на причастности к обществу в гражданском или культурном аспекте, на отождествлении с данным обществом, подчеркивая сложности в осознании данной причастности;
- при формировании коллективной культурной и гражданской идентичности существуют угрозы столкновений общероссийской и этнической идентичностей, российской и западной идентичностей; вызовом также становятся информационно-коммуникационные технологии, способные разрушить позитивную идентичность отдельной личности, заменить ее сетевой личностью.

В современной мультикультурной России проблема формирования, укрепления общероссийской гражданской идентичности представляется особо важной и значимой. Это базовые основы обеспечения устойчивого развития общества, и совершенно очевидно, что необходим поиск новых и уточнение имеющихся подходов к пониманию проблемы культурной и гражданской идентичности. Осознание своей принадлежности к государству, обществу, культуре, несомненно, зависит от конкретной личности, ее самосознания и самоидентификации, однако идентичность — это явление, которое имеет исторические корни; это также осознанное понимание своей принадлежности к историческому прошлому и исторической памяти.

Таким образом, при исследовании проблемы идентичности в новейшей истории России необходимо учитывать не только гражданский и культурный, но также исторический компонент феномена. Причем историческую идентичность следует рассматривать не только как результат вхождения отдельной личности в настоящее, но и как осознание личностью своей принадлежности к истории своей страны во всей ее многогранности.

В исследовании Л. Н. Гончаренко, Э. Б. Аваковой поднимается значимый вопрос о сущности исторической самоидентификации современной России. Историческую самоидентификацию ученые определяют, как «глубокую духовную и политико-правовую связь государства и общества на основе исторической преемственности и борьбы многих поколений людей за суверенитет, гражданское единство и национальную идентичность» [3, с. 133]. Подобная связь формируется на уроках истории России. Образовательный потенциал курса истории нашей страны играет исключительную роль «в формировании российской гражданской идентичности и патриотизма, приобщении к исторической памяти многих поколений россиян» [8, с. 3].

Историческая самоидентификация в период новейшей истории в XXI веке действительно обосновывает общегражданскую идентичность, предопределяет единство культурного пространства России и многообразие его проявления, аккумулирует лучшие традиции народов нашей страны, формирует и укрепляет в общественном сознании положительный образ Российской Федерации [3, с. 144].

Полагаем, с учетом этого можно говорить об исторической идентичности как осознании гражданами России принадлежности к истории своей страны, причем в ретроспективе и перспективе, т. е. с осознанием многовековой истории нашей страны, исторического опыта многих поколений, преемственности эпох. В данном смысле историческая идентичность становится основой формирования, развития культурной и гражданской идентичности. Поясним этот тезис на материале некоторых западных исследований по новейшей истории России.

Так, ученый из Нидерландов М. Вийермарс рассуждает о восстановлении в 2013 году в Александровском саду Романовского обелиска. Установка памятного сооружения была приурочена к 400-летию начала воцарения дома Романовых. М. Вийермарс пишет, что это была «явно искусственная годовщина, которая, однако, была широко отмечена» [17, р. 1]. По ее мнению, реставрация обелиска, его история демонстрирует, как современное российское государство стремится превратить прошлое в символический ресурс. Она считает, что для России в новейшей истории характерно «риторическое использование прошлого», что в отношении политики памяти государство стремится создать «непрерывный нарратив о Великой России» [17, р. 2]. Исследователь полагает, что российское государство навязывает «собственный режим памяти» [17, р. 5], а прошлое, имперское и советское, используется для создания исторической основы, демонстрирующей, что новейшая история России — логический следующий эпизод после истории СССР [17, р. 2].

Ученый из Польши М. Доманьская в статье 2019 года говорит о том, что в новейшей истории при формировании российской национальной идентичности используется «устаревший метод» возрождения традиционной международной идентичности как великой державы. По ее мнению, политика памяти в современной России «копирует советскую парадигму российской истории», а решения

о внешней политике принимаются под влиянием «устойчивого комплекса неполноценности, вызванного “фантомными болями”, возникшими в результате распада советской империи» [16].

В обеих работах, несмотря на разницу тематики и степень идеологического прочтения новейшей истории России и проблемы российской идентичности, прослеживается схожая концепция. В исследованиях утверждается, что современная Россия осознанно создает особый режим памяти, особый образ своей страны и особый нарратив великой державы, и во всем этом западные ученые видят специально конструируемую связь современной России с СССР и Российской империей.

Однако такая связь существует, и никто ее специально не конструирует, так как она установлена ходом истории нашей страны. Комментарии М. Вийермарс по поводу реставрации Романовского обелиска и его установки в 2013 году, интерпретация М. Доманьской политики памяти в нашей стране и внешней политики способны отрицательно повлиять на формирование гражданской и культурной идентичности у подрастающего поколения (обе работы находятся в открытом доступе в Интернете). Исправить ситуацию можно с помощью критического анализа исторических фактов и, соответственно, с помощью формирования исторической идентичности.

Во-первых, следует обратить внимание учащихся, что современная Россия действительно является правопреемником СССР и континуитет утверждён на законодательном уровне. В пункте 1 статьи 67.1 Конституции нашей страны сказано: «Российская Федерация является правопреемником Союза ССР на своей территории, а также правопреемником (правопродолжателем) Союза ССР в отношении членства в международных организациях, их органах, участия в международных договорах, а также в отношении предусмотренных международными договорами обязательств и активов Союза ССР за пределами Российской Федерации» [7].

Во-вторых, в этом случае необходимо подробнее разъяснить вопрос о правопреемстве СССР в отношении Российской империи. По факту большевики отрицали свою преемственность в отношении империи, говорили о создании нового государства, созданного на руинах старого мира. Однако юридическая преемственность присутствовала. В 20-х годах XX века, когда большевики победили в Гражданской войне, перед ними стояла задача восстановить экономику государства, тогда одним из актуальных вопросов стало установление мирного, торгового взаимодействия с другими государствами. Действие пропагандистского по сути «Декрета об аннулировании государственных займов» 1918 года было приостановлено. В официальном документе 1924 года Франция уже признавала факт континуитета: «...Правительство Республики, верное дружбе, соединяющей русский и французский народы, признает *de jure* начиная с настоящего дня Правительство Союза Советских Социалистических Республик как Правительство территорий бывшей

Российской империи, где его власть признана населением, и как преемника на этих территориях предшествующих Российских правительств»³. СССР принял на себя имущественные права Российской империи, однако учитывал свои возможности как молодого государства, поэтому пытался привести международные обязательства Российской империи к разумному объему [15, с. 31]. Можно также обратить внимание учащихся, что СССР, разрабатывая идеологические схемы, которые отрицали связь государства с Российской империей, по факту признавал континуитет, также имел схожие с империей геополитические интересы [1].

Таким образом, связь современной России с СССР и Российской империей — это не искусственно создаваемый конструкт, образ, идеологическая концепция, как полагают некоторые современные западные ученые, а неотъемлемая часть нашей истории, состоящая из ряда исторических фактов. Подробное изучение этих и множества других фактов истории России позволит снизить угрозу формирования негативной идентичности у подрастающего поколения и поможет разобраться, в каких случаях при трактовке исторических событий используется идеологический подход, а когда имеет место фальсификация исторических фактов.

Конечно, при распаде СССР наблюдался кризис идентичности, причем как коллективной, гражданской и культурной, так и персональной. Уровень патриотизма значительно снизился, даже стал считаться отжившей ценностью, ненужной при построении свободного демократического общества. Эти трансформации происходили на фоне социально-экономического кризиса, политических изменений [2, с. 138]. Причем государствообразующий русский народ по сравнению с представителями других национальностей — гражданами России — переживал кризис острее. Однако постепенно стала осознаваться необходимость ориентации на духовно-нравственные ориентиры и концентрации на значимых общенациональных целях. Для восстановления общероссийской идентичности значимую роль сыграли государственные программы патриотического воспитания граждан Российской Федерации.

На то, что кризис общероссийской гражданской и культурной идентичности, который проявил себя после распада СССР, остался позади, указывают данные опроса Фонда общественного мнения. Результаты опроса были опубликованы осенью 2020 года. Если в 2006 году на вопрос «Считаете ли вы себя патриотом?» утвердительно ответили 57 %, то к 2020 году цифра значительно возросла: утвердительный ответ дали 82 % опрошенных [9].

³ Нота Председателя Совета министров и Министра иностранных дел Франции Эдуарда Эррио Председателю Совета народных комиссаров СССР А. И. Рыкову и Народному комиссару иностранных дел Г. В. Чичерину. 28 октября 1924 г. цитируется по: [15, с. 23–24].

Заключение

Вопросы теории и методологии выбора подходов к изучению культурной и гражданской идентичности, а также идентификации является одной из самых сложных и актуальных проблем в настоящее время в России. Идентичность определяется в качестве ответа на вопрос «Кто мы?» в контексте политических, социальных, культурных и исторических компонент.

В рамках существующих подходов к анализу идентичности делается акцент на причастности к обществу и отождествлении с ним, однако идентичность в первую очередь предполагает осознание принадлежности к обществу. С учетом этого возрастает значение образования в формировании гражданской и культурной идентичности, в первую очередь — исторического образования. Именно курс истории России является основой для формирования у подрастающего поколения общероссийской идентичности, патриотизма. Очевидно, что только историческая идентичность способна стать основой для формирования гражданской и культурной идентичности.

Процесс формирования, развития идентичности связан как с самоидентификацией личности, так и с общественными изменениями. Существует угроза формирования негативной идентичности у представителей молодого поколения, которые имеют смутное представление о социально-политическом пространстве нашего времени. Множество текстов, в которых представлена интерпретация новой и новейшей истории России, находятся в открытом доступе в Интернете. В некоторых работах прослеживается идеологическая трактовка исторических событий, способная вызвать у учащихся сомнения в собственной картине мира и образе своей страны. Для предотвращения этого необходимо развитие, усиление исторической идентичности через подробное разъяснение исторических фактов на основе источников, без фальсифицирующих интерпретаций и идеологического смыслового наполнения.

Список источников

1. Асташкин Д. Имперский континуитет в послевоенной советской пропаганде // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2015. № 1 (6). С. 124–132.
2. Габеркорн А. И. Патриотизм и формирование гражданской идентичности в политическом сознании населения Югры // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Т. 7. № 5А. С. 137–147.
3. Гончаренко Л. Н., Авакова Э. Б. Историческая самоидентификация России: этапы становления и современные функции // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 2. С. 132–147.
4. Гончарова И. К., Липец Е. Ю. К определению понятия «культурная идентичность» в контексте глобализации // Культура и цивилизация. 2019. Т. 9. № 1-1. С. 13–18. <https://doi.org/10.25799/AR.2019.44.1.002>
5. Дробижева Л. М., Рыжова С. В. Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России // Полис. Политические исследования. 2015. № 5. С. 9–24. <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.05.03>

6. Жаркова Е. С. Идентичность человека в современном мире. Проблема взаимосвязи персональной и коллективной идентичности // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 7. № 2. С. 150–152.

7. Статья 67.1: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/95c44edbe33a9a2c1d5b4030c70b6e046060b0e8/ (дата обращения: 23.04.2021).

8. Концепция преподавания учебного курса «История России» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы: Утверждена решением Коллегии Министерства просвещения Российской Федерации протокол от 23 октября 2020 г. № ПК-1вн. 101 с. [Электронный ресурс] // Институт стратегии развития образования РАО: сайт. URL: http://www.instrao.ru/images/concept/Kontseptsiya_po_Istorii.pdf (дата обращения: 21.04.2021).

9. Критерии патриотизма. Надо ли быть патриотом? И что для этого нужно? [Электронный ресурс] // ФОМ: [официальный сайт]. 2020. 3 сентября. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14446> (дата обращения: 23.04.2021).

10. Кузнецова Е. В. Идентичность современного субъекта: постановка проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2010. № 4-5. С. 42–46.

11. Лошкарёва-Имгрунт С. И. «Идентичность» и «Идентификация»: семантические грани понятий // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 11. С. 16–20.

12. Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р (ред. от 30.03.2018). 36 с. // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194820/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата сохранения: 29.04.2021)

13. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 (ред. от 06.12.2018). 21 с. // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/ (дата сохранения: 29.04.2021).

14. Сергейчик Е. М. Историческая идентичность: территория и карта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17: Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. № 1. С. 63–71.

15. Томсинов В. А. Дело о мемориале цесаревича Николая Александровича в Ницце (статья четвертая) // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2011. № 4. С. 16–35.

16. Domańska M. The Myth of the Great Patriotic War as a Tool of the Kremlin's Great Power Policy [Электронный ресурс] // OSW: Centre for Eastern Studies: [site]. 2019. 31 декабря. URL: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/osw-commentary/2019-12-31/myth-great-patriotic-war-a-tool-kremlins-great-power-policy> (дата обращения: 22.04.2021).

17. Wijermars M. Memory Politics in Contemporary Russia; Television, Cinema and the State. London; New York: Routledge, 2020. VII, 258 p.

References

1. Astashkin, D. (2015). Imperskii kontinuitet v poslevoennoi sovetskoi propagande [Imperial Continuity in Post-War Soviet Propaganda]. *Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropeiskikh istoricheskikh issledovanii* [Journal of the Russian and East European Historical Studies], 6 (1), 124–132 (in Russian).
2. Gaberkorn, A. I. (2018). Patriotizm i formirovanie grazhdanskoj identichnosti v politicheskom soznanii naseleniia Iugry [Patriotism and the Formation of Civil Identity in the Political Consciousness of the Population of Ugra]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), 137–147 (in Russian).
3. Goncharenko, L. N., & Avakova, E. B. (2019). Istoricheskaia samoidentifikatsiia Rossii: etapy stanovleniia i sovremennye funktsii [Historical Self-Identification of Russia: Stages of Formation And Modern Functions]. *Lokus: liudi, obshchestvo, kul'tury, smysly* [Locus: People, Society, Cultures, Meaning], (2), 132–147 (in Russian).
4. Goncharova, I. K., & Lipets, E. Iu. (2019). K opredeleniiu poniatiia «kul'turnaia identichnost'» v kontekste globalizatsii [On Defining the Concept “Cultural Identity” in the Context of Globalisation]. *Kul'tura i tsivilizatsiia* [Culture and Civilization], 9 (1-1), 13–18. <https://doi.org/10.25799/AR.2019.44.1.002> (in Russian).
5. Drobizheva, L. M., & Ryzhova, S. V. (2015). Grazhdanskaia i etnicheskaia identichnost' i obraz zhelaemogo gosudarstva v Rossii [Civic and Ethnic Identity and Perception of the Preferable State in Russia]. *Polis. Politicheskie issledovaniia* [Polis. Political Studies], (5), 9–24. <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.05.03> (in Russian).
6. Zharkova, E. S. (2016). Identichnost' cheloveka v sovremennom mire. Problema vzaimosviasi personal'noi i kollektivnoi identichnosti [Human Identity in the Modern World. The Problem of the Relationship between Personal and Collective Identity]. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Serii: Gumanitarnye nauki* [News of Higher Schools. Series “Humanities”], 7 (2), 150–152 (in Russian).
7. Stat'ia 67.1: Konstitutsiia Rossiiskoi Federatsii (priniata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniami, odobrennymi v khode obshcherossiiskogo golosovaniia 01.07.2020) [Article 67.1: The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during a nationwide vote on 01.07.2020)]. (n. d.). *SPS «Konsul'tantPlus»* [ConsultantPlus]. Retrieved from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/95c44edbe33a9a2c1d5b4030c70b6e046060b0e8/ (in Russian).
8. Institut strategii razvitiia obrazovaniia RAO [Institute for Strategy and Theory of Education of the Russian Academy of Education]. (n. d.). *Kontsepsiia prepodavaniia uchebnogo kursa «Istoriia Rossii» v obrazovatel'nykh organizatsiiakh Rossiiskoi Federatsii, realizuiushchikh osnovnye obshcheobrazovatel'nye programmy: Utverzhdena reshением Kollegii Ministerstva prosveshcheniia Rossiiskoi Federatsii protokol ot 23 oktiabria 2020 g. № PK-Ivn. 101 s.* [The Concept of Teaching the Training Course “History of Russia” in Educational Institutions of the Russian Federation Implementing Basic General Education Programs: Approved by the Decision of the Board of the Ministry of Education of the Russian Federation, Protocol No. PC-Ivn dated October 23, 2020. 101 p.]. Retrieved from http://www.instrao.ru/images/concept/Kontsepsiya_po_Istorii.pdf (in Russian).
9. Fond «Obshchestvennoe mnenie» [Public Opinion Fund]. (2020, September 3). *Kriterii patriotizma. Nado li byt' patriotom? I chto dlia etogo nuzhno?* [Patriotism's Measures. Should You Be a Patriot? And What You Need to Do?]. Retrieved from <https://fom.ru/TSennosti/14446> (in Russian).

10. Kuznetsova, E. V. (2010). Identichnost' sovremennogo sub'ekta: postanovka problemy [Identity of the Modern Subject: Problem Statement]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy], (4-5), 42–46 (in Russian).
11. Loshkareva-Imgrunt, S. I. (2014). «Identichnost'» i «Identifikatsiia»: semanticheskie grani poniatii [Identity and Identification: Semantics of Definitions]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniia* [Social and Humanitarian Knowledge], (11), 16–20 (in Russian).
12. Ob utverzhdenii Strategii gosudarstvennoi kul'turnoi politiki na period do 2030 goda: Rasporiazhenie Pravitel'stva RF ot 29.02.2016 № 326-r (red. ot 30.03.2018). 36 s. [On the approval of the Strategy of the State Cultural Policy for the Period up to 2030: Order of the Government of the Russian Federation Dated February 29, 2016, No. 326-r (as Amended on March 30, 2018). 36 p.]. (n. d.). *SPS «Konsul'tantPlus»* [ConsultantPlus]. Retrieved from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194820/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (in Russian).
13. O Strategii gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda: Ukaz Prezidenta RF ot 19.12.2012 № 1666 (red. ot 06.12.2018). 21 s. [On the Strategy of the National Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025: Decree of the President of the Russian Federation of December 19, 2012, No. 1666 (as Amended on December 6, 2018). 21 p.]. (n. d.). *SPS «Konsul'tantPlus»* [Consultant-Plus]. Retrieved from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/ (in Russian).
14. Sergeichik, E. M. (2016). Istoricheskaiia identichnost': territoria i karta [Historical Identities: Territory and Map]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 17: Filosofiiia. Konfliktologiiia. Kul'turologiia. Religiovedenie* [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 17. Philosophy. Conflict Studies. Culture Studies. Religious Studies], (1), 63–71 (in Russian).
15. Tomsinov, V. A. (2011). Delo o memoriale tsesarevicha Nikolaia Aleksandrovicha v Nitsse (stat'ia chetvertaia) [Cesarevitch Nikolay Aleksandrovich's Nice Memorial Case (Forth Article)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo* [The Moscow University Bulletin. Series 11: Law], (4), 16–35 (in Russian).
16. Domańska, M. (2019, December 31). The Myth of the Great Patriotic War as a Tool of the Kremlin's Great Power Policy. *OSW: Centre for Eastern Studies*. Retrieved from <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/osw-commentary/2019-12-31/myth-great-patriotic-war-a-tool-kremlins-great-power-policy>
17. Wijermars, M. (2020). *Memory Politics in Contemporary Russia; Television, Cinema and the State*. London; New York: Routledge. 258 p.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ОРИГИНАЛОВ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

Рецензируемый научный журнал «Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки» принимает к публикации оригинальные, не опубликованные ранее работы по конкретным историческим, историографическим и источниковедческим темам, содержание которых соответствует научным специальностям 5.6.1. Отечественная история и 5.6.2. Всеобщая история.

Оригинальность авторского текста должна составлять не менее 80 %.

Материалы для публикации научной статьи направляются по адресу: vestnik_hist@mgpu.ru

Объем и форматирование

Объем научной статьи — до 40 000 знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы и графики, список литературы, без учета метаданных. Поля — по 20 мм справа, слева, сверху, снизу. Шрифт — Times New Roman, кегль — 14. Интервал — 1,5. Красные строки — 1,25 (выставляются автоматически).

Метаданные

Метаданные приводят до основного текста статьи на языке текста статьи и затем повторяют на английском языке.

Перед названием статьи указываются данные в обозначенной последовательности на разных строках без разделения запятыми:

Ф. И. О автора (авторов)

ученая степень и ученое звание (при наличии)

место работы

город, страна

электронная почта; ORCID.

Ниже по центру размещается название статьи (не более 15 слов).

После названия научной статьи следуют аннотация (200–250 слов) и ключевые слова (7–10 слов).

Фамилия, имя, отчество на русском языке указываются полностью (Иванов Иван Иванович), на английском отчество сокращается до начальной буквы (Ivan I. Ivanov).

Индекс Универсальной десятичной классификации (УДК) указывается в верхнем левом углу до Ф. И. О. автора (www.teacode.com/online/udc/).

Разделы научной статьи

Во *введении* должна быть поставлена проблема; обозначена научная новизна и актуальность исследования; представлена историография вопроса и источниковая база исследования.

Ход и результаты исследования должны соответствовать его целям и задачам. Результаты исследования представляются в максимально доказательной форме (в том числе в виде таблиц, графиков, диаграмм и т. п.).

Заключение должно содержать выводы по результатам исследования в кратком систематизированном виде, по желанию автора раскрываются перспективы продолжения проведения исследований в данном направлении, даются рекомендации для практического применения результатов исследования.

Заголовки разделов научной статьи указываются перед текстом раздела научной статьи, отделяются точкой, выделяются полужирным шрифтом.

Рисунки, схемы, таблицы и графики выполняются в графических редакторах, поддерживающих векторные и растровые изображения (сканирование не допускается); нумеруются в порядке упоминания их в тексте. Не допускается использование цветных рисунков и графиков. Все изображения, представленные в статье, должны иметь подписи и ссылки на источник, если они выполнены не самим автором. Отдельно предоставляются рисунки в формате jpeg, не менее 300 dpi точек на дюйм.

Список источников / литературы

Список литературы должен составлять не менее 15 пунктов, в том числе опубликованных в зарубежных базах цитирования (Scopus, Web of Science) за последние 5 лет (по отечественной истории — не менее 1/4 от общего количества пунктов, по всеобщей истории — не менее 1/3), с указанием DOI или URL национального архива для всех источников (при наличии).

Все упомянутые в тексте статьи авторы должны быть представлены своими работами в списке литературы, а все включенные в список литературы работы — в тексте статьи в виде ссылок.

Ссылки на литературу оформляются в тексте научной статьи в квадратных скобках. Например: [15, с. 140], где первая цифра означает порядковый номер в списке литературы, вторая — номер страницы источника (если это цитата). Ссылки на архивные источники в тексте научной статьи оформляются так же, как и ссылки на литературу (например: [6, л. 11 об.]).

Перечень затекстовых библиографических ссылок (= Список источников / литературы) помещают после основного текста статьи. Список литературы на русском языке оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008 «Библиографическая ссылка» и формируется в алфавитном порядке. При наличии у публикации индекса DOI, он приводится в обязательном порядке.

В Список источников / литературы включаются все архивные дела, на листы которых делаются ссылки. Описание архивного дела начинается с наименования архива. Если дается библиографическое описание второго и последующих дел одного архивохранилища, наименование архива приводится в сокращенном виде.

References (список литературы на английском языке) оформляется в соответствии со стилем APA (apastyle.apa.org). В References необходимо полностью

повторить список литературы в русскоязычной части, независимо от наличия в нем иностранной литературы.

В References данные по каждому русскоязычному источнику предоставляются с транслитерацией фамилии автора, в соответствии с оригинальным переводом метаданных статьи на английский язык, с названием журнала, зарегистрированном на английском языке (при наличии). Если русскоязычный источник имеет зарегистрированные метаданные на английском языке, то они приводятся в References.

Также по каждому русскоязычному источнику предоставляется транслитерация наименования источника (www.translit.ru). Режим транслитерации следует выбрать LC (Library of Congress). После транслитерации русскоязычных источников в скобках указывается (in Russian).

Примеры:

Список литературы

Гроссул В. Я. О периодизации всемирной и отечественной истории // Российская история. 2007. № 3. С. 122–139.

Российский государственный архив экономики. Ф. Р-9538. Оп. 16. Д. 1114. Л. 80.

References

Grossul V. Ya. (2007). O periodizacii vseмирnoj i otechestvennoj istorii [On the Periodization of World and National History]. *Rossijskaya istoriya* [*Russian History*], (3), 122–139 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki [Russian State Archive of the Economy] (n. d.). F. R-9538. Op. 16. D. 1114. L. 80 (in Russian).

Низкое качество списка литературы и References (неполные, недостоверные и некорректные данные) является одной из причин отказа в приеме рукописи к публикации.

Научный журнал / Scientific Journal

Вестник МГПУ

Серия «Исторические науки»

MCU Journal

of Historical Studies

2021, № 3 (43)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-82088 от 12 октября 2021 г.

Главный редактор:

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО *В. В. Рябов*

Заместитель главного редактора:

доктор исторических наук, профессор *О. Г. Малышева*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т. П. Веденева*

Редактор:

И. Е. Посоха

Корректор:

К. М. Музамилова

Техническое редактирование и верстка:

Г. П. Васильева, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1.

Телефон: 8-499-181-50-36. E-mail: niic@mgpu.ru

Подписано в печать: 25.11.2021.

Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Объем 7,75 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.